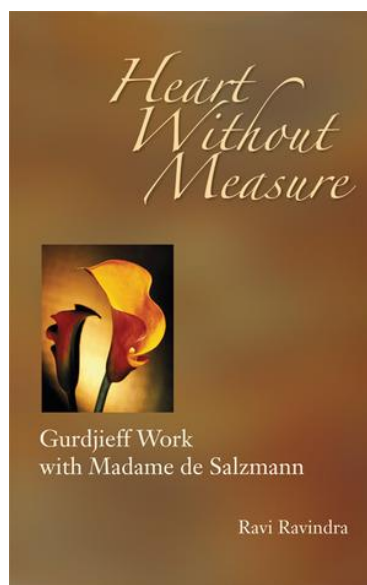

Рави Равиндра - Безмерное сердце

Работа - это название, которое дано учению Г. И. Гурджиева. Это учение основано на эзотерической мудрости великих духовных традиций, приспособленных Гурджиевым к нуждам современности. Цель Работы - сознательная эволюция и трансформация человека. Для этого требуется гармоничное развитие всего человека - тела, ума и души. Практика Работы включает в себя медитацию, священные танцы, музыку, изучение психологии и космологии, беспристрастное самонаблюдение и работу с другими.

Эти воспоминания посвящаются мадам Жанне де Зальцманн с любовью и благодарностью за ее безгранично щедрое сердце.

У человека особая роль, которую другие создания не могут исполнить. Он способен служить Земле в качестве проводника неких высших энергий. Без этого Земля не сможет гармонично существовать. Но человек, таков как он есть от природы, не завершен. Чтобы исполнить свое истинное предназначение, человек должен развиваться. Какая-то часть в нас самих не удовлетворена нашей жизнью. Через религиозные или духовные традиции мы можем узнать, чего именно нам не хватает.

Жанна де ЗАЛЬЦМАНН

Гурджиев передал мадам Жанне де Зальцманн попечение о Работе в 1949 году. Она исполняла свои обязанности с необычайным умом и энергией вплоть до самой своей смерти в 1990-м, когда ей исполнился 101 год. Помимо прочего она занималась публикацией книг Гурджиева, под ее руководством был создан фильм о гурджиевских танцах и фильм Питера Брука «Встречи с замечательными людьми». Ее стараниями основаны гурджиевские центры в Париже, Лондоне и Нью-Йорке. Однако главный ее вклад в Работу состоял в том, что она вывела многих учеников на новый уровень сознания.

Я сам соприкоснулся с Работой благодаря миссис Луизе Уэлч, с которой познакомился в Нью-Йорке в 1968 году. Она стала моей наставницей в Работе и вскоре после этого моей духовной матерью. Она сама в 20-х годах была ученицей А. Р. Орейджа и впоследствии – Гурджиева и мадам де Зальцманн. Благодаря миссис Уэлч я занимался гурджиевскими танцами в нью-йоркском Фонде Гурджиева в 1971 году. Почти десять лет спустя миссис Уэлч посоветовала мне поработать с мадам де Зальцманн и написала ей, обратившись с этой просьбой от моего имени. В феврале 1980 года я отправился на встречу с ней в Париж. До

этого я общался с мадам де Зальцманн в группах по Работе в Нью-Йорке и виделся с ней лично несколько раз за ряд предыдущих лет. На протяжении последующих десяти лет, однако, я встречался с ней много раз – и один на один, и в группах по Работе, по большей части в Париже, иногда в Нью-Йорке и изредка в Лондоне. Находиться в ее обществе было непросто: рядом с ней сильнее, чем когда бы то ни было, я ощущал собственное ничтожество, но при этом ни разу не чувствовал себя униженным. Напротив, она всегда пробуждала во мне вдохновение и надежду. Встреча с ней звала меня к истинной жизни; своим примером она подтверждала, что это возможно.

В 1986 году, после смерти Дж. Кришнамурти, я написал небольшую статью, основанную на моих дневниковых записях о встречах с ним. Миссис Уэлч эта статья очень понравилась, и она предложила написать что-то о мадам де Зальцманн. Я с большой неохотой откликнулся на эту просьбу хотя бы потому, что в моем дневнике было куда меньше записей о встречах с мадам де Зальцманн, чем о встречах с Кришнамурти. Однако, похоже, не мне было решать, писать о ней или нет. Я начал сводить воедино дневниковые упоминания о мадам де Зальцманн. В конце 1986 года я смог отправить мистеру и миссис Уэлч все основные записи. Они проявили к ним; большой интерес и поощрили меня продолжить работу.

Собранный здесь материал основан на дневниковых записях, которые я вел на протяжении двадцати лет, с 1971 по 1990 год. Эти заметки не были предназначены для публикации, я делал их исключительно для себя, многое записывал в сокращенном или схематичном виде – как напоминание о том, что поразило меня в разное время, в разных местах, иногда в сознании более просветленном, чем обычно. Упоминания о встречах с мадам де Зальцманн разбросаны среди заметок на разные темы: древних стихов из Вед на санскрите, упражнений в премудростях грамматики французского языка, впечатлений о потрясающем соборе в Шартре и моих субъективных оценок чего-то или кого-то. Я начал редактировать и компоновать записи из нескольких тетрадей, стараясь изъять слишком личные подробности и собрать несколько связных воспоминаний, которые можно было бы прочесть вслух. Доктор Уэлч впервые зачитал фрагменты этих записей в Фонде Гурджиева в Нью-Йорке в 1990 году. Он позвонил мне и сообщил, что некоторые сочли их за перевод отрывков из записной книжки мадам де Зальцманн, и это подвигло меня на дальнейшую работу.

* * *

Здесь все представлено в основном так, как было у меня в дневниках. Строгий хронологический порядок не соблюден, однако все изложено в более или менее исторической последовательности. В конце каждого раздела указаны даты и места, отмеченные в дневниках, которые, как правило, совпадают с датами и местами встреч. Я старался скорее выразить чувства, нежели воспроизвести все вплоть до точек и запятых. Для меня было важно не столько изложить слова мадам де Зальцманн на правильном или изящном английском, сколько передать тональность ее речи.

Воспоминания, о которых пойдет речь, не были записаны на пленку. Следовательно, я не могу полностью ручаться, что это слова мадам де Зальцманн, – за исключением тех случаев, когда обращаюсь к письмам, которые она написала своей рукой. Здесь отражено лишь то, как ум и сердце одного из ее многочисленных учеников отозвались на слова, услышанные в ее присутствии. Все записи в дневнике были сделаны так скоро после встречи, как только это оказывалось возможным, – иногда через несколько минут, иногда через день. Еще следует учесть: то, что было сказано, относилось к определенному случаю и определенному человеку, и не всегда это можно применить ко всем людям и во всех

жизненных ситуациях. Читателю самому придется решать, что актуально для него. Некоторые старшие ученики прочли большую часть этих воспоминаний, многие из них общались с мадам де Зальцманн на протяжении десятилетий, близко ее знали и много с ней работали. Их одобрение вдохновило меня. Я хотел бы выразить особую благодарность доктору Мишелю де Зальцманну за то, что он внимательно прочел рукопись и сделал множество полезных замечаний. Однако ответственность за то, как все представлено здесь, лежит единственно на мне. Очевидно, разные ученики по-разному воспринимали удивительную личность и учение мадам де Зальцманн, и, рассказывая о своих впечатлениях, каждый, естественно, подчеркнет то, что для него наиболее значимо.

Надеюсь, что некоторые из читателей, прочитав эти заметки, найдут что-то важное для себя. Духовный путь больше похож на пешую тропинку, нежели на автостраду. Если по дорожке не будут ходить путники, она зарастет кустарником и сорняками, и в будущем паломники не смогут ее найти. Этот Дневник - для всех ищущих, которые чувствуют своим долгом не дать тропе зарости.

Разумеется, о многом я не смог здесь рассказать просто потому, что это слишком личное, или потому, что пришлось бы вдаваться в чересчур пространные объяснения, чтобы быть верно понятым.

Из этих воспоминаний явствует, что мадам де Зальцманн щедро дарила свое время, энергию и внимание. Здесь не может идти речи ни о какой личной заинтересованности. Любая серьезная духовная работа не принадлежит одному лишь учителю или ученику; это всегда объективно необходимый труд, в котором участвуют оба. Естественно, это выражается в определенных отношениях учителя и ученика, но всегда цель поиска – большая ясность восприятия, при которой личная энергия и способности могут служить тому, что реально.

Чему ты служишь?

Какое-то смутное чувство мучило меня уже долгое время. Я ощущал, что время уходит, что я старею и нельзя откладывать на потом установление отношений с тем, что реально. Миссис Уэлч предложила мне поработать с мадам де Зальцманн и, написав ей от моего имени, посоветовала мне отправиться в Париж, как только я сумею это устроить.

Я приехал в Париж в конце февраля 1980 года. Визит к мадам де Зальцманн был назначен на шесть часов вечера. Я хотел приехать пораньше, чтобы оставить за порогом волнение и спешку. Примерно в полпятого пополудни я вышел из собора Нотр-Дам, предполагая, что приеду на встречу примерно в четверть шестого, и у меня будет достаточно времени, дабы собраться с мыслями.

Поразительно, как мало мы знаем о силах, которые противостоят нам и сопротивляются всему, что мы предпринимаем. Быть может, если то, что ты делаешь, действительно важно, то на каком-то уровне этому возникнет серьезное сопротивление. А для меня встреча с мадам де Зальцманн была важной.

Я до сих пор точно не знаю, что случилось, но вот я сижу в метро, и поезд стоит. Люди вокруг начинают нервничать и повышать голос. Я не владею французским и не могу ни о чем спросить. И понятия не имею, в чем дело. Я обратился к нескольким попутчикам; наконец кто-то ответил по-английски, что в тоннеле какая-то авария. Все говорили, что поезд скоро поедет. Время шло, люди нервничали еще больше. Многие вышли из поезда – наверное, чтобы пересесть на наземный транспорт. Я постарался определить, что именно произошло, насколько это серьезно и как мне лучше поступить.

* * *

Кто-то сказал по-английски, что погиб один из членов профсоюза работников метро – будто бы попал под поезд, и профсоюз неожиданно устроил забастовку. К тому времени было уже четверть шестого, а встреча назначена на шесть.

Наконец, по-прежнему безо всякой уверенности относительно того, как поступить, я вышел из поезда в надежде поймать такси. На улице внезапно разразилась гроза. Лило как из ведра, и все ловили такси. Потеряв уйму времени, но так и не поймав машину, я пошел пешком, потом побежал. Я совершенно не знал города и не представлял, сколько придется бежать. Я бежал полчаса, прежде чем удалось остановить такси. Несмотря на все свои благие намерения, я оказался у двери квартиры мадам де

Зальцманн с опозданием почти на час, запыхавшийся, раздраженный и вымокший до нитки. Дверь открыла ее невестка; она была страшно сердита на меня за то, что я заставил мадам де Зальцманн ждать. Она сказала, что мадам де Зальцманн предстоит еще одна встреча и что, возможно, сейчас она не сможет меня принять. Однако она пошла обо мне доложить.

Вскоре ко мне вышла сама мадам де Зальцманн. Она была совершенно спокойна и собранна и пригласила меня в гостиную. Мне очень хотелось все объяснить, рассказать, что опоздал я не по своей вине, а по не зависящим от меня обстоятельствам. Но прежде чем я попытался открыть рот, она сказала: «Важно не поддаваться искушению действовать импульсивно. У меня скоро встреча, но я приму вас. Там могут подождать».

Я подивился, как она проницательна и с какой высоты, в какой перспективе видит весь мир – и меня в нем. Встреча продолжалась полчаса или чуть дольше, и она подчеркнула, что необходимо работать. Она спросила, как я работаю и с кем, и посоветовала приехать в Париж на более долгий срок: «Приезжайте, когда сможете, и пробудьте как можно дольше». Я сказал, что могу приехать через несколько месяцев. Она ответила, что это было бы хорошо и что мне следует написать ей заранее или позвонить.

Когда я уходил, она сказала, что я могу поехать вместе с ней в Мезон – так называется дом Работы в Париже, – и после этого шофер отвезет меня, куда мне нужно. Сидя в уютном салоне машины, направлявшейся к Нотр-Даму, где я должен был встретить своих спутников, проезжая по улицам, где я за час до того бегал под дождем, пытаясь поймать такси, я подумал: вот она, ирония судьбы. Тогда я был вне себя, растерян, беспомощен. А теперь меня переполняло совсем другое чувство – словно я стою на пороге новой жизни.

* * *

На следующий день человек, который раз в неделю прилетает из Лондона на встречи в Париже, поблагодарил меня за то, что я задержал мадам де Зальцманн. Очевидно, по причине той же грозы отложили рейс из Лондона, и их встреча могла не состояться, если бы она приехала вовремя. Он благодарил меня с такой искренностью и убеждением, будто я задержал ее намеренно и только ради него.

Он смотрел на ситуацию со своей колокольни, я – со своей. Мадам де Зальцманн все видит в гораздо более широкой перспективе.

* * *

На групповых занятиях с мадам де Зальцманн всегда было ощущение большой важности и глубины общения. То, что она говорила, передавалось мне не столько на уровне идей, сколько физически, как будто ее слова имели реальный вес. Ее слова казались продолжением музыки, которую мы слушали вечером перед встречей, и все мое существо наполнялось напряженным переживанием происходящего. Вокруг нее словно было свечение, и я подумал: не это ли называется нимбом в религиозной литературе?

Кто-то спросил на встрече: «Как узнать, есть ли у меня предназначение? Может, оно и есть, но я этого не чувствую. То же касается и многих других идей Работы. Мне кажется, существование человека в высшей степени бессмысленно. Человек может найти применение своей жизни, но высшего смысла в этом нет».

Эти слова настолько выражали мои собственные мысли, что, казалось, вопрос был задан специально ради меня. Человек говорил искренне, не пытаясь выставить себя напоказ или вызвать жалость. Слова мадам де Зальцманн запомнились мне не как идеи, а скорее как музыка. Я помню лишь то, что она сказала: «Вы недостаточно любите себя, свое истинное Я – то, которое желает проявиться, которому необходимо проявиться». Она говорила четверть часа. Ее голос походил на звон тончайшего хрусталя.

Я редко ощущаю такую тишину и легкость, как на той встрече. Два самых сильных впечатления: она была гораздо лучше видима, чем все, кто сидел рядом с ней, и в какой-то момент я ощутил, будто не только ее голос, но и она сама внутри меня.

Несколько недель спустя на встрече я описал мадам де Зальцманн свое ощущение. Она сказала: «Это пример того, как слушают по-настоящему. Ваш опыт говорит о том, что мы действительно можем становиться друг другом, оставаясь в то же время независимыми личностями». Такое утверждение, однако, абсолютно идет вразрез с доводами рассудка и моим представлением о пространстве и времени. Я сказал: «Очевидно, это противоречит обычной логике, рассудок отказывается это принимать. Как поставить его на свое место?» Она ответила: «Вы пытаетесь все понять головой, потому что доверяете ей больше всего». «Почему мне так нужно под все подводить теорию? – спросил я. – Почему голова так себя ведет? Я не хочу этого!» Она улыбнулась мне и сказала: «Если я отвечу, вашу голову это устроит и вы решите, что все поняли, хотя на самом деле не поняли ничего».

Пока я дожидался ее у нее в кабинете, я все думал: «Что можно спросить у самого мудрого человека на Земле?» И вот теперь мне кажется, что ни один мой вопрос не затрагивает сути. Очевидно, понимание – плод неспешного, кропотливого труда, и просто задавать вопросы – этого мало. А кроме того, чем заплатить за ответ и что примут в уплату?

* * *

Я только что вернулся домой, проведя полчаса в обществе мадам де Зальцманн. Когда я думаю об этом, мне даже страшно становится. Не может быть, чтобы тебе так много отдавали и рано или поздно ничего бы не попросили взамен. Рядом с ней я ощущаю такое вдохновение и полноту жизни. Неважно, какой вопрос задать. И нужно ли вообще задавать вопросы? Для меня благодать – само ее присутствие. Чем воздать за ее щедрый дар времени, внимания и сил?

* * *

Я спросил, как научиться слышать и видеть. Сказал, что не воспринимаю других людей и даже себя самого как живого человека. Мне кажется, будто я отрезан от всех и совершенно слеп.

Похоже, причина в том, что я слишком поглощен собой; меня потрясла мысль о том, что сатана поступает так же – в этом суть его отношения к миру

Она сказала:

«Вы готовы, и вы должны требовать от себя большего. Вам нужно, чтобы рядом был тот, кто сумеет помочь. Но вы должны еще и отдавать. И призывать других к Работе – от этого и зависит ваша Работа. Но самое главное, вы должны ощутить потребность познать себя. Вы чем-то являетесь, но чем или кем - вам неизвестно. Вам нужно осознать, что вы не знаете этого и что вам необходимо это узнать. Открыть эту дверь – самый важный шаг.

В буддизме и индуизме вы можете прочесть, что означает «открыть дверь»; это есть и в книгах мсье Гурджиева. Все говорят об одном. Есть разные уровни энергии. Порой мы способны погрузиться в более истинный поток.

Вы ищите знание, которое берется не из книг. Лишь когда вы обретете его, голова сможет почерпнуть что-то из книг, в которых вы узнаете собственный опыт. Вам нужно воспринять знание непосредственно.

Вам помогут танцы. В движениях самое главное – не положение тела, а то, что вами движет, энергия – в одном положении, в другом. И никто не научит вас; вам следует смотреть внутрь самого себя».

* * *

Когда я отправился на очередную встречу с мадам де Зальцманн, она спросила, над чем я работаю. Я не знал, что ответить. Я полагал, что вообще ни над чем не работаю. Если быть честным с самим собой, придется признать: я всего лишь мечтаю - иногда мечтаю о том, что начну работать.

Она сказала: «Вы видите лишь эту сторону и знаете, что на другой стороне тоже что-то существует, но эти стороны разделены. Как увязать и то и другое? Бывает, что можно оказаться в середине».

Она вновь подчеркнула, что необходимо достичь внутри себя гармонии между энергетическими центрами: не на словах, а на опыте. Я помню, она говорила об этом и раньше, но теперь эти слова поразили меня с новой силой. Я изредка ощущаю, что этой гармонии во мне нет, и никогда не чувствую ее присутствия.

Мадам де Зальцманн сказала нам за ланчем: «Чему вы служите? В каждом из вас есть нечто особое – высшая энергия достойная того, чтобы ее уважать. Без нее вы служите только тому, что доставляет вам удовольствие. Это не значит, что нужно игнорировать нужды тела или ума. Но если вы не ощущаете более тонкой энергии внутри себя – которая не есть вы -и не служите ей, ваша работа не имеет смысла».

Нью-Йорк, 1971–1976? Париж, февраль 1980

Всегда ощущайте

Я позвонил Мишелю де Зальцманну из Канады и спросил, когда мне лучше приехать в Париж. Я сказал, что хотел бы приехать на месяц, если он не посоветует мне поступить иначе. Он ответил: «Вы уже взрослый и знаете, чего хотите. Принимайте решение, попробуйте ему следовать. Если ощутите сопротивление, приспособляйтесь».

Я долго пытался понять, чего же хочу, но выяснить никак не мог. К чему я стремлюсь? Я хочу знать, есть ли смысл в том, что я здесь, на Земле, понять, что требуется от меня; и я должен попытаться это исполнить. Совершенно ясно лишь одно: мне нужно полностью измениться, пережить метанойю, обратить взгляд внутрь себя и увидеть то, что реально и важно. Когда же я повзрослею настолько, что перестану относиться к миру так серьезно?

Более неудачно выбрать время для поездки в Париж я просто не мог. Все было закрыто на праздники, в том числе и Мезон. Мне стало очень жаль себя, оттого что я такой невезучий. Но удивительно, как плохо мы понимаем, что для нас на самом деле есть благо. Оказывается, нам так трудно позволить высшим силам прийти на помощь. Я всегда вмешиваюсь, полагая, что мне виднее. А на самом деле праздники пришлись весьма кстати: я смог встретиться с мадам де Зальцманн сразу же, потому что она не была погружена в дела, как обычно, у нее не было занятий в Мезоне и прочих встреч.

Мадам де Зальцманн была довольна тем, что я решил выучить французский. Она с интересом узнала, что перед тем, как поехать на встречу с ней, я записался на курсы французского языка во Французском Союзе, четыре часа занятий каждый день. Она сказала: «Я вижу, как вы подходите к Работе!» Поскольку по-французски я не говорю, она сказала, что я могу задавать вопросы по-английски.

Через три дня по прибытии в Париж я получил телеграмму от мадам де Зальцманн, отправленную мне в Канаду, откуда ее мне и переслали. В ней было сказано: «Если Вы не говорите по-французски, будет трудно».

Приезжайте на несколько дней, посмотрим. С наилучшими пожеланиями, Жанна де Зальцманн». Даже к лучшему что я не получил эту телеграмму до отъезда.

Я приехал в Париж, одолеваемый сомнениями. В Нью-Йорке мне друзья говорили, что французы не особенно жалуют иностранцев. Но в этот раз мне так не показалось, да и в прошлые приезды тоже. Я получил гораздо больше, чем мог себе представить и на что смел надеяться. Мадам де Зальцманн посоветовала мне участвовать во всем – в танцах, в групповых занятиях, в медитациях. Она предложила, чтобы я встретился со всеми старшими учениками. И кроме того, она сама хотела со мной работать как можно чаще.

На следующий день мы вместе с мадам де Зальцманн и Мишелем отправились на ланч. Меня поразило, как мало она ест, и притом легкую пищу. Мы говорили о многом, в том числе о Кришнамурти, которого она высоко ценила и считала исключительным человеком. Я сказал ей, что Кришнамурти представляется мне чересчур святым, а учение Гурджиева интересно как раз потому, что охватывает все аспекты бытия – даже дьявола.

Мадам де Зальцманн такая земная, простая, к ней невольно тянешься. Ее любовь льется через край, но никакой сентиментальности в этом нет. У нее здравого смысла столько, что с лихвой хватит на все и на всех. Кришнамурти, напротив, явно не от мира сего – праведный, почти святой. Но его суждениям весьма недостает объективности: так, он убежден, что всякая деятельность вредна, что традиции – сплошь ловушки, что мысли на любом уровне лишь порождают страх, что надо чураться «денег, секса и прочего». Я рассказал мадам де Зальцманн об одной из моих бесед с Кришнамурти. Я сказал ему: «Подобно тому, как ныряльщику нужен груз, чтобы погрузиться на глубину океана, вам, чтобы опуститься на

наш уровень, нужно надеть свинцовый пояс; вы слишком легки и не сможете иначе сойти на Землю, где находимся мы». Он спросил: «Что вы имеете в виду? Какой такой пояс?» Я ответил: «Кришнамурти, немного мяса и секса». Его это позабавило, но идею всерьез он не воспринял, просто сказал: «Вы чересчур сообразительны».

Мадам де Зальцманн по обыкновению была великодушна: «Вы видите, какой внутренней свободы достиг Кришнамурти. Но он не знает науки бытия; мсье Гурджиев учит науке бытия».

Пока мадам де Зальцманн сидела с нами, Мишель сказал: «Я уверен, лучшее, что я могу вам посоветовать, – присутствовать на даршане у моей матери как можно дольше». Меня поразило, что он употребил слово на санскрите: его часто говорят в Индии, оно многим понятно; он советовал мне чаще видеть мадам де Зальцманн, быть с ней рядом, находиться в ее присутствии.

После ланча мадам де Зальцманн и Мишель закурили. Она предложила мне сигарету, но я сказал, что не курю. Она спросила у меня с самой хитрой и лукавой улыбкой: «А у вас, мсье, какие слабости?»

Должно быть, я отказался от сигареты, потому что не лишен ханжества. Ее улыбка заставила бы раскаяться самого набожного святошу. Я рассмеялся и спросил, следует ли мне составить подробный список своих грехов. Мы говорили очень по-доброму. Я сказал, что могу делать что угодно – мыть посуду, печатать, – все, что понадобится. Мишель обещал подыскать для меня работу.

Потом, вернувшись в свое временное пристанище, я решил, что буду иногда курить. Я терпеть не могу запах табака, но уверен: быть ханжой еще хуже.

Мадам де Зальцманн спросила, над чем я работаю. Она и раньше этим интересовалась. Я сказал, что пытаюсь следить за дыханием и регулярно выполнять дыхательные упражнения. Она попросила продемонстрировать, как я выполняю эти Упражнения, что я и сделал. Когда я спросил, желательно ли выполнять их и дальше, она ответила: «Большой пользы от них нет, но и вреда тоже. Если они вам помогают, выполняйте».

Я сказал ей, что хочу как следует усвоить великие идеи, которые лежат в основе Работы. Эти идеи мне известны, но я не могу воспринять непосредственно тот опыт, который за ними стоит. К собственному удивлению, я выразился по-французски: «Je ne les connais pas directement, immediatement» («Я не познал их непосредственно, на опыте»).

Я сказал ей, что порой на групповых занятиях словно оживаю и сам удивляюсь тому, что говорю. Она заметила:

«Подобные отношения нужны вам. Они помогают установить необходимую связь».

Идеи важны. Мсье Гурджиев много лет работал вместе с Успенским. Потом он перешел непосредственно к Работе, а Успенскому нужны были идеи и теории, от которых Гурджиев отказался. Отчасти поэтому они с Успенским разошлись. Теперь нужно работать, чтобы энергия ума соединилась с энергией тела».

Она все время говорит об этом, и я должен понять на опыте, что это значит. Она сказала:

«Я этого сделать не могу, но нужно попытаться. Если не удастся установить связь, постоянно ощущайте, что связи нет. Очень важно помнить об этом. То, что я сама совершить не могу, может совершиться во мне, и мне нужно сыграть в этом свою роль.

Земля взаимодействует с высшими уровнями существования. Для этого нужно средство связи. Это средство – человечество. Но связь не осуществится сама по себе, ради нее нужно работать».

* * *

На групповом занятии мадам де Зальцманн подчеркивала, насколько важно участие каждого. Меня эта мысль поразила, я осознал, как это верно. Я вижу, что сам невероятно пассивен. Я веду себя так, будто не несу никакой ответственности за собственное развитие, будто все зависит от благодати, которая на меня непременно снизойдет. Мадам де Зальцманн сказала, что мсье Гурджиев учил науке бытия. Но я понимаю: что-то во мне отказывается признать тот факт, что существуют совершенно определенные законы духовной эволюции. Я все мечтаю, все надеюсь, что эти законы не будут выполняться в отношении меня, что я выиграю в духовную лотерею и проснусь однажды высшим существом.

* * *

У меня перед глазами снова и снова встает одна и та же картина: мадам де Зальцманн говорит, убеждает, спрашивает нас. Что это, моя совесть? Альтер эго? За исключением того что я лучше ощущаю свое тело, похоже, все по-прежнему, ничего не происходит, ничего не достигается. Большую часть своей жизни я провожу словно в тумане, где ничего и никого толком не видно. Как будто я умер для всего и для всех, в том числе и для себя. Я ясно чувствую, что ничто во мне не изменится, даже если умрет очень близкий человек. Конечно, мне будет больно, я буду горевать и скорбеть, но в корне ничего не изменится. Суть в одном: что бы ни случилось – смерть, жизнь, неудача, успех, – я не чувствую, что по-настоящему живу здесь и сейчас. Я не связан с тем, что происходит. Будто все случается с кем-то еще. Мысль о том, что я существо смертное – медленно, но неизбежно движущееся навстречу смерти, – по-видимому, не производит на меня особого впечатления. Я похож на пьяницу, который идет и слышит, что кто-то зовет на помощь; он останавливается тут же, как бы рефлекторно, смотрит в ту сторону, откуда доносится крик, ничего не понимает. Потом впадает в оцепенение или движется дальше, не сознавая, зачем и почему.

Мне кажется, я понятия не имею, как сделать усилие. Все, что я выношу из любой попытки сделать усилие, – вывод о том, что я не могу сделать усилие. Я веду себя так, будто был бы рад, если бы кто-то стал управлять мной и взял на себя ответственность за мою жизнь. Но кто? Почему? И кроме того, разве я кому-то это позволю? Могу я следовать чьим-то указаниям? Сумею ли слушаться? Разрешу ли кому-нибудь нарушить мое спокойствие?

* * *

Во время занятия в группе в Нью-Йорке мадам де Зальцманн спросила, почему я молчу. Я ответил (я уже думал об этом раньше и сформулировал мысль заранее), что всякий раз, когда она говорила, все было ясно, а потом, оставшись один, я снова переставал что-либо понимать. Все засмеялись, а она сказала, что это не совсем так. Она заявила, сопровождая слова энергичным жестом, что я так или иначе всегда нахожу выход. Миссис Уэлч добавила, что я весьма сообразительный. После некоторого молчания миссис Уэлч обратилась ко всем: «Высказывайтесь. Если вы соберетесь с духом, возможно, сейчас вы узнаете о себе самое главное».

У меня такое чувство, что я могу что-то увидеть, но не пойму, что именно. Может, это происходит так: каким-то образом я выкручиваюсь из любой ситуации – при помощи слов или мыслей, – лишь бы ничего не видеть. Я боюсь узнать правду о себе самом.

* * *

Мадам де Зальцманн говорила, что внимание крайне важно. Внимание – это все, что у нас есть; это все, что мы можем привнести. Остальное не в нашей власти. То, к чему мы должны стремиться, – усиление внимания. Следует не только относиться ко всему и всем со вниманием, но и платить своим вниманием.

Мадам де Зальцманн повторяла снова и снова, что нужно достичь гармонии между энергетическими центрами, важно не только усвоить это как идею, но воспринять ее на опыте. Она сказала:

«Даже если у вас гибкий ум, восприимчивое тело и хорошая интуиция, надо установить связь между энергиями тела и ума. Ни тело, ни ум не должны брать верх, они должны иметь равную силу. Тогда родится чувство.

Работайте некоторое время. Постоянно ощущайте, что связи нет! Затем еще поработайте три или четыре часа. Вам нужно проявить волю и целеустремленность».

Я сказал, что иногда чувствую потребность во внешней силе: словно хочу, чтобы меня кто-то насильно держал в узде. Она ответила: «Если необходимо, назначьте себе наказание или откажите себе в каком-то удовольствии».

Иногда я подумывал о том, что надо бы наказать тело или лишиться себя каких-нибудь удовольствий, но каким-то образом умудрялся найти самооправдание и не делать этого. Я понимаю, что можно бесконечно обманывать себя и оправдывать себя, и так и происходит, потому что я все время витаю в облаках. Мне нужно бороться с собственной пассивностью – с пассивностью тела и ума – и помнить ее слова: «Постоянно ощущайте, что связи нет. Нужна воля и целеустремленность».

Нью-Йорк, 1973-1979, Галифакс, март 1980, Париж, май 1980

А теперь какой у вас вопрос?

Мадам де Зальцманн сказала: «Я очень рада, что вы приехали. Держитесь на связи. Постарайтесь встретиться

со всеми старшими учениками. Каждый делает акцент на чем-то одном, на том, что ему было особенно полезно. Может, вы приедете сюда на больший срок и поработаете вместе с ними. Вы хорошо поладите с Хенри Траколом и с Мишелем. Я попросила бы вас кое-что сделать, например выступить с речью на занятиях в группах, но в настоящее время ваша проблема – это языковой барьер».

Я отчетливо чувствую, что приехал в Париж в нужный момент. Я сыт по горло своим обычным я – тем, кто просто витает в облаках и хочет доказать собственную важность в глазах других. Я спросил у мадам де Зальцманн: «Почему мне нужно доказывать свою важность? Я вижу, что это глупо и бессмысленно, но ничего не могу поделать».

Она сказала: «Мы желаем влиять на людей вокруг нас – влиять по-настоящему. Но если мы не связаны с высшей энергией, мы ни на кого по-настоящему влиять не можем, и мы

стараясь влиять иначе, так, чтобы нами никто не помыкал». Ее слова показались мне полными глубокого смысла и многое объяснили. Я понял, что только пытаюсь казаться важным – когда притворяюсь, хвастаюсь или даже скромничаю, – хотя во мне самом нет силы, нет связи с чем-то истинным.

Я сказал мадам де Зальцманн, что не хочу быть пассивным, но в то же время не намерен строить слишком много планов, чтобы быть открытым тому, что она предложит. Она пригласила меня поехать в Лондон вместе с ней, когда она отправится туда через пару недель. А пока она посоветовала, мне встретиться со всеми старшими учениками и походить на занятия танцами к трем лучшим учителям – Жозе де Зальцманн, Паулине де Дампьер и Марте де Гэнерон. «Скажите им, что я вас направила. Танцы пойдут вам на пользу».

Я сказал ей: «Мне кажется, я слишком стар, чтобы выполнять движения. Вообще, я иногда чувствую себя слишком старым просто для того, чтобы прикоснуться к истине. Мне кажется, что время ушло». «Нет, – ответила она, – ваше время никуда не ушло».

Она предложила поработать с ней вместе, прежде чем я начну заниматься в группах. Потом она провела со мной медитацию. Когда в моих чувствах воцарилась тишина и я ощутил внутри некую связь, она сказала: «Без человека Земля не может получать энергию с высших уровней бытия. Поэтому, когда мы сознательно работаем, мы позволяем этой энергии прийти на Землю. Иначе на Земле не будет гармонии. И этот разлад можно ощутить».

Меня это поразило. Эта идея есть во многих древних традициях: мысль о том, что человек несет особую ответственность за установление и сохранение гармонии во Вселенной и что без нашего сознательного участия в мире не будет порядка.

Она сказала: «Нужно привести тело и ум, иной ум, не тот, который обычно имеют в виду, – к одной и той же частоте вибраций. Тогда возникает связь, как между мужчиной и женщиной, и рождается ребенок – новое чувство. Высшая энергия с нами рядом, но мы не получаем ее, потому что утратили целостность. Предназначение человека на Земле – сделать возможным обмен энергией между Землей и высшими уровнями существования. Это невозможно без связи между телом и умом».

Должно быть, она ощутила во мне некую тягу к монашеской жизни, к аскетизму. Будто в ответ на мой молчаливый вопрос она добавила: «Не то чтобы мужчина не должен иметь отношений с женщинами, отказаться от еды или чего-то еще. Не нужно менять себя, каков ты есть. Но для чего это? Все, что человек делает, вся жизнь – не для него самого, а ради чего-то еще. Ради высшей энергии».

Я задумался: может, эта потребность служить высшей энергии и движет теми, кто посвятил себя Работе. Мне кажется, в этом куда больше смысла, чем в том, чтобы стремиться к «личному росту» или достичь «бессмертия».

Мне давно не давал покоя вопрос: для действия в мире нужна сила, а для приобщения к царству духа – легкость, и как это увязать? На практике, как правило, меня уводит либо в одну, либо в другую сторону. Я понимаю, что это надо как-то уравновесить. Если не ошибаюсь, Майстер Экхарт сказал: «То, что мы получаем в созерцании, мы отдаем в любви».

* * *

На следующей встрече мадам де Зальцманн спросила: «А теперь какой у вас вопрос?»

Я понимал, с каким трудом дается мне восприятие, что я не работаю и не заинтересован в этом. Я просто сплю – в прямом и переносном смысле слова. Очевидно, человек должен знать, над чем он работает. Она часто повторяла, что все время нужно пытаться над чем-то работать. Однажды она мне сказала, что добровольное страдание – это когда видишь безразличие учеников к работе и их непонимание и все-таки не теряешь надежды. Я ощутил, что лишь умножаю ее страдания. Мне стало стыдно. По какой-то причине я вспомнил слова Христа о том, что смоковница, не приносящая плода, будет проклята и засохнет. Тогда меня охватил не-ведомый прежде страх.

Но даже раскаяние и страх, похоже, по-настоящему ничего во мне не меняют. Я знаю, что должен работать. Я понимаю это, но не действую в соответствии с этим пониманием. До какой степени ведения и страдания нужно дойти, чтобы я это глубоко прочувствовал и начал действовать?

Мадам де Зальцманн сказала: «То, что вы испытываете на уровне чувств, поверхностно. Нужно достичь глубины. Работайте в течение двух часов или в течение утра и наблюдайте за собой, за глубиной ощущений. Возможно, вы именно это и пытались делать, но следует приложить больше усилий. Вам нужно работать с другими людьми. Когда мы работаем вместе с кем-то, мы достигаем определенной связи с высшей энергией».

Она подчеркнула, что жалеть себя не надо. Она сказала:

Иногда мсье Гурджиев обращался с людьми очень сурово. Он говорил: „Vous merde; et pas seulement merde, mais mousse de merde" («Вы дерьмо; и не просто дерьмо, а жидкое дерьмо»). А потом, немного погодя, он говорил совершенно другим тоном: „Oh, tres honore, Mister Merde..." («О, я польщен, Господин Дерьмо...»). На него невозможно было злиться.

Спрашивайте с себя. Если вы работаете и ничего не добиваетесь, наказывайте себя. Лишайте себя того, что вам нравится. Но имейте терпение. Не злитесь на себя и не мучьте себя. Не пытайтесь достичь всего сразу, работайте медленно, постепенно. Все время работайте над чем-нибудь. Лень глубоко укоренилась в вас. Вам нужно понимать это и бороться с ней».

Париж, май 1980

Почему я здесь?

Я прибыл в Мезон на занятие в мужской группе, которое, как я полагал, начнется в семь часов; меня пригласила на это занятие мадам де Зальцманн. Но, похоже, такого занятия либо вообще не планировалось, либо оно должно было состояться где-то в другом месте. Но что бы ни случилось, почему-то выясняется, что это к лучшему. Это недоразумение имело для меня удачное последствие – частное занятие с мадам де Зальцманн. Я не очень понимаю, как это происходит, но мне кажется, обо мне заботится какой-то ангел-хранитель.

Мы пешком дошли от Мезона до ее дома. По дороге, поскольку время близилось к обеду, я спросил, могу ли я пригласить ее в ресторан. Она, казалось, несколько удивилась, но предложение пришлось ей по душе. «Было бы очень хорошо. Но если я пойду с вами в ресторан, кто-то может сказать: „Почему с ним, а не со мной?"» Меня поразило, какой груз ответственности она несет на своих плечах. Учитель не может быть предвзятым, не может предпочитать одного ученика Другому (если только не делает этого сознательно, с особой Целью). А на нашем обычном уровне мы всегда так реагируем, все видим предвзято и с эгоистической точки зрения. Наверное, одна из причин страданий учителя – глупость и импульсивная реакция учеников.

У нее дома она попросила меня показать, как я обычно сижу, когда занимаюсь медитацией. Я сел на полу в позе лотоса. Она отметила, что положение тела правильное, но это само по себе недостаточно. Я объяснил ей, что стараюсь сидеть подольше или принять с самого начала неудобную для тела позу, чтобы мне пришлось с собой бороться.

Она сказала: «Так и нужно: пробуйте и то и другое, чтобы понять, что вам помогает. Надо развивать не мускулы, а другое, что есть в теле Энергия ума – высшего ума, того, который буквально находится над головой, – должна соединить с энергией тела. Для этого требуется иное внимание, нежели в обычном состоянии ума. Обычное сознание слишком медлительно, пока вы находитесь в нем, союз энергий недостижим. Поэтому танцы очень полезны.

Ничего не меняйте. Вы ничего не можете изменить. Осознавайте, что у вас нет связи и что вы не являетесь целостным. Если вы будете это осознавать и постоянно ощущать, что связи нет, возникнут условия, при которых связь осуществится. Высшую энергию нельзя притянуть насильно. В вашей власти лишь одно: сосредоточить внимание. Просто наблюдайте за телом и за сознанием, и ваше внимание должно охватить и то и другое. Наберитесь терпения. Работайте несколько раз в день. Недолго, всего по пятнадцать минут».

Она советовала не мучить тело – это не поможет. Если человек замечает, что телу или уму что-то наносит вред, притупляет чувства или желания, то, само собой, он от этого отказывается; так, например, никто не станет употреблять в пищу что-то ядовитое.

* * *

Вчера вечером я отправился в Мезон, поскольку у меня было назначено занятие с мадам де Зальцманн. Она выглядела очень уставшей и сказала, что встречу можно было отменить, поскольку тем вечером мы уезжали вместе с Мишелем в Голландию. Я ответил, что ждал этого занятия и что мне это необходимо. Она сказала: «Хорошо, пойдемте со мной». Мы вернулись к ней домой и поработали. Это очень много дало моей душе. Я понимаю, как важно упорство и желание работать. Учитель никогда не откажется помочь ученику, если ему на самом деле нужна помощь. Разумеется, ни один истинный учитель не захочет растрачивать время и энергию просто из жалости. К сожалению, энергия все же тратится напрасно, если ученик не откликается на усилия учителя, предпринятые с надеждой на отдачу.

Мадам де Зальцманн много раз подчеркивала, что энергия ума должна соединиться с энергией тела, лишь тогда можно ощутить связь с высшими уровнями. Она говорила, что необходимо постоянно ощущать тело. Она задала упражнение, в котором нужно концентрировать внимание

на какой-то одной части тела и повторять: «Господи, помилуй». «Возможно, мсье Гурджиев обратился к этим словам, потому что они ближе западным людям. Вы можете говорить те слова, которые задевают вас за живое. Это упражнение очень полезно». Она посоветовала мне выполнять это упражнение в следующие два-три дня и добиваться соединения энергий тела и сознания. «Потом мы поговорим о следующем шаге. А сейчас это самое важное. Все время уделяйте этому как минимум половину вашего внимания».

Я все больше понимаю, что вопрос должен родиться внутри всего моего существа, а не только в голове.

Меня поразило, насколько сильно я напряжен, причем постоянно – и в физическом, и

(даже в большей степени) в эмоциональном плане. Будто я и впрямь превратился в комок нервов. Чем глубже я себя вижу, тем больше замечаю узлов напряжения. Я помню, как мадам де Зальцманн говорила, что от напряжения можно освободиться только на очень высоком уровне. На низших уровнях всегда существуют напряжение и страх.

Мадам де Зальцманн сказала: «На этой стадии вам не нужны идеи; вам нужны факты. Факт – это то, что вы восприняли на собственном опыте».

Она очень часто подчеркивала, что самое важное – слияние энергий ума и тела. В результате союза рождается чувство, подобно тому, как ребенок рождается от союза мужчины и женщины.

Работая с мадам де Зальцманн, я был в удивительной гармонии с самим собой и с чем-то высшим. Печальный факт состоит в том, что, как правило, эта тонкая энергия утекает обратно и не приходит в тело, в котором могла бы принести пользу. Будто ангелы вопиют в пустыне моей души, а я не откликаюсь.

Она попросила меня постараться приходить к ней каждый день, пока я в Париже. Как понять, что от тебя требуется в ответ на такое великодушие? Что я могу дать взамен?

* * *

Мадам де Зальцманн, похоже, каждый раз начинает сначала. И пока она говорит, все кажется таким ясным. «У человека особая роль, которую другие создания не могут исполнить. Он способен служить Земле в качестве проводника неких высших энергий. Без этого Земля не сможет гармонично существовать. Но человек, таков как он есть от природы, не завершен. Чтобы исполнить свое истинное предназначение, человек должен развиваться. Какая-то часть в нас самих не удовлетворена нашей жизнью. Через религиозные или духовные традиции мы можем узнать, чего именно нам не хватает.

Вся Вселенная состоит из сил и энергий. Они должны пребывать в гармонии друг с другом. У Земли свой собственный уровень энергии; и только через людей приходят на Землю высшие энергии. В этом призвание человека.

Для того чтобы высшие энергии пришли на Землю, в человеке должен происходить правильный, гармоничный обмен энергией между энергетическими центрами. Энергия всегда видоизменяется, в том числе и в этих центрах, но между ними нет гармонии.

Вам нужно научиться работать. Человек всегда добивается какого-то успеха, если ясно понимает, что нужно делать. Чаще работайте с другими людьми. Пусть по несколько минут, все равно очень полезно для вас.

И тело и ум сопротивляются. Вам нужно это понимать. Все время нужно спрашивать себя: „Кто я? И почему я здесь?“».

Париж, май 1981

Ваше тело – не только ваше

Я не виделся с мадам де Зальцманн два дня. Меня поразило, что я скучал по ней – физически, подобно тому, как мы испытываем жажду, если в организме не хватает воды. Когда я встретился с ней, я сказал, что мне ее не хватало. Она с интересом отнеслась к моим словам и попросила меня постараться понять, чего именно человеку не хватает. Она сказала:

«Все верно, что вы говорите. Бывало, в Приёре мы утром занимались с мсье Гурджиевым, а потом он на день уезжал в Париж. Когда он возвращался, мы понимали, что нам его не хватало. Нам не хватает того, в чем мы нуждаемся. Это наша пища».

Мадам де Зальцманн четко разделяет понятия «мысль» и «ассоциации». У мысли есть направление, она деятельна, а ассоциации – это всего лишь разновидность автоматической реакции, которая не приводит к действию. То, что я обычно называю мыслями, – это всего лишь случайные ассоциации. На мой вопрос мадам де Зальцманн ответила: «Наблюдайте за дыханием, это поможет лучше ощущать тело. Так мы начинаем ощущать энергию тела. Спрашивайте с себя. Если вам не удастся соединить энергии тела и ума, лишайте тело удовольствий».

Я описал ей, что осознал, когда ощутил себя рассыпанным на части, как бы распыленным. Иногда я страдаю от этого. Но обычно это всего лишь вызывает мое любопытство, как если бы я наблюдал за обезьянкой в цирке или за актером в спектакле. В этом случае я тоже каким-то образом страдаю, но в меньшей степени, словно я лично отстранен, более свободен. Она сказала, что и то и другое, конечно, верно, но человек начинает страдать, когда принимается за работу всерьез,

Я спросил ее мнение об индийских и христианских священных книгах, которые меня всегда увлекали. Она сказала: «В принципе, во всех этих книгах сказано одно и то же. Но люди, которые говорят о них, не понимают их сути. Нужно пребывать в особом состоянии, чтобы ощутить высшую реальность Религии сделались субъективными, их истинный смысл утрачен. Мсье Гурджиев учил, как достичь гармонии ума, чувств и тела, не выделяя преимуществ одного по сравнению с другим»

В группах мадам де Зальцманн особо подчеркивает, что большую роль играет правильное положение тела. От этого качественно улучшается внимание. В какой-то момент она, сидя на стуле очень прямо, указала на свою ногу и сказала: «Даже если стопа стоит неправильно, связь с высшей энергией может быть нарушена». Она сама сидит как буддистская ступа*, на собственном примере показывая, что такое правильное положение тела и связь с высшей энергией. Я все больше понимаю, что положение тела – это очень важная сторона учения. Я чувствую, что мое тело слишком тяжеловесно; и я не ощущаю вреда от того, что я неправильно ставлю ногу. Наверное, наше тело подобно музыкальному инструменту. Умелый музыкант, обладающий тонким слухом, лучше использует возможности инструмента, чем неопытный. Очевидно, человеку нужно внутренне прозреть, дабы осознать свою слепоту. Если человек страдает от того, что не является целостной личностью, то он уже в чистилище и может надеяться на исцеление, потому что, как говорят, Тот, Кого ничто не может объять, порой навещает там души, которые на Него уповают.

Меня поразило, что главное препятствие именно в этом и заключается: человек не видит, что он слеп, и что можно открыть глаза. Несмотря на противоречие, это правда: мне тяжело осознавать, что с открытыми глазами я увижу то, чего обычно не вижу. Я не вижу всего ужаса моего нынешнего положения и не понимаю, какое чудо могло бы случиться. Совершенно ясно, что пока человек спит, любые изменения в нем – это всего лишь сон.

* * *

На следующем занятии мадам де Зальцманн сказала: «Ваше тело не только ваше».

Я не совсем понял, что она имела в виду. Но я чувствую, что это важно и что мне нужно понять эту фразу. Я подумал: а у чего еще или у кого еще есть право на мое тело или

кто является его частью? Чему служит мое тело? Только мне? Чему я служу? Я был уверен, что это замечание тесно связано с ее словами, сказанными раньше: «Спрашивайте у себя снова и снова: „Кто я? И почему я здесь?“» Я уверен, что это словно коан в учении дзен: твое тело принадлежит не только тебе.

Париж, май–июнь 1980

Нельзя вести себя как попало

Я узнал от знакомого, что квартира Гурджиева на рю де Колонель Ренар находится в собственности парижских групп. Я подумал, что должен ее увидеть, и при встрече сказал об этом мадам де Зальцманн. Она посмотрела на меня испытующим взглядом, из тех что понижают тело и душу, и спросила: «Зачем?»

Я был сражен наповал. Я оказался совершенно не готов к такому повороту. Мне думалось, я обращаюсь с совершенно невинной и обыденной просьбой. В конце концов, зачем держать квартиру, если посвятившие себя Работе люди не могут ее посетить? В голове царила полная сумятица. Я не знал, что ответить и что подумать. Я был как животное, которое, внезапно увидев яркий свет, оцепенело от страха. В глубине души я паниковал, а она, не отводя взгляда, снова повторила: «Зачем?»

По объективным меркам весь эпизод длился недолго, но для меня время словно замедлилось. Я так жалел, что нельзя взять слова обратно. А теперь пришлось взглянуть в лицо самому себе. Почему я хотел увидеть то место? Почему я вообще хотел что-то делать? Разве я встречаюсь с мадам де Зальцманн для пустой беседы? Разве она тратит на меня время и силы ради моих прихотей? Было ясно, что мне придется ей ответить и что от нее ничего не скроешь, даже то, что я попытался бы скрыть от самого себя.

Наконец я сказал: «Я не могу назвать особой причины, по которой хотел бы увидеть квартиру. До вчерашнего дня я даже не знал, что она существует. С моей стороны это просто любопытство – вроде интереса к слухам». После сравнительно длинной и неуютной паузы я добавил: «А еще я надеялся, что, может, испытаю там нечто, какие-то особые чувства».

Она очень тепло улыбнулась и сказала: «То, что вы говорите, правда. Человеку свойственно желать что-то получить, особенно даром. Разумеется, вы должны увидеть эту квартиру. Вам важно ее увидеть. Но вы должны увидеть ее правильно, не как попало. Я покажу ее вам сама. Приезжайте завтра. В десять».

Я не мог понять, как это случилось. Словно в сказках, в которых непутевый герой не знает, что делает или что должен делать, но какая-нибудь фея, или девушка, или животное вовремя приходит ему на помощь, дает намек, какую-то подсказку; и он добивается успеха, хотя сам не справился бы. Я вовсе не выказал себя серьезным, умным и доходящим до сути искателем сокровищ духа, каковым иногда себя считал. Но вот на следующий день я вместе с мадам де Зальцманн оказался в машине, направлявшейся к дому, в котором жил Гурджиев. Я больше не горел желанием увидеть это место, но теперь выбора у меня не было. Я не могу увидеть квартиру как попало, но не знаю, как подняться на иной уровень восприятия.

Накануне я попытался

проверить один факт, который всплыл из сумбура в моей голове, но в тот момент не нашел достоверных источников. Я вспомнил, как читал когда-то, что в двадцатых годах Кришнамурти недолго жил на той же самой улице. Я упомянул об этом в разговоре с мадам де Зальцманн. Ее это заинтересовало, и несколько минут мы обсуждали, что было бы, если бы Кришнамурти и Гурджиев случайно повстречались на улице. Что бы они сказали друг

другу? Я сообщил ей, что, по-моему, Кришнамурти был самым традиционным антитрадиционалистом, а Гурджиев представляется мне самым нетрадиционным традиционалистом. Я был весьма доволен, как по-умному это сформулировал, и даже ей, казалось, это понравилось. Когда машина завернула за угол, она вдруг замолчала, словно готовилась встретиться с кем-то лицом к лицу.

Машина остановилась, и она повела меня наверх по лестнице здания, где находилась квартира. Она не сразу разобралась с ключами и долго открывала дверь. Мадам де Зальцманн проводила меня поочередно в каждую комнату, подробно рассказывая о ней, с неодобрением замечая произошедшие перемены. Многие картины, мебель и прочее отреставрировали или переставили. По ее мнению, только в спальне, единственной из всех комнат, еще сохранилась прежняя обстановка. В этой уединенной комнате, в которой он часто лично принимал посетителей, на полках, где раньше хранились различные продукты, теперь стояли книжки. Ее особенно тревожило стремление некоторых учеников изображать Гурджиева «правильно». В какой-то момент она сказала: «Они ставят туда книги, чтобы придать ему ореол учености. Хм! Там у него хранилось кое-что поинтереснее: настоящая еда!»

Размышляя об этом потом, я понял, что в Работе важно не впасть в ханжество. Когда говоришь себе: «Надо сделать то» или «Надо сделать это», – в итоге всегда приходишь к конфликту порока и добродетели или к противоречию между личной свободой и навязанной извне дисциплиной. Человек должен видеть, что он из себя представляет, чего ему не хватает, в чем он нуждается. Если он видит, тогда изнутри ищет благоприятных условий – как растение разворачивается в ту сторону, где больше света. Это не вопрос из области этики; проблему решает лишь наука бытия. Нужно искать, не теряя свободы. Когда человек понимает, что ему что-то нужно: помощь, совет, другие люди, воздаяние, – тогда дисциплина и послушание поддерживают свободу, а не противоречат ей. Тогда человек сам приходит к дисциплине и послушанию, ищет свободы не столько для себя, сколько от себя.

Если я спрашиваю, будучи свободным, я оказываюсь на распутье. Что я такое? Я понимаю: я не могу совершить то, что должен, но ничего не может совершиться без меня. Я не могу, но все равно это нужно, и я должен сыграть определенную роль. В моей власти позволить, чтобы все совершилось во мне. Первый раз мы отрекаемся, когда бездействуем; второй – когда действуем в эгоистических целях.

Когда мы оказались в гостинной, мадам де Зальцманн предложила: «Давайте немного поработаем». Мы сидели в тишине минут пятнадцать. В отличие от того, как обычно протекают занятия, она ничего не говорила и не вела медитацию, но меня заставляло работать само ее присутствие.

Прежде чем мы ушли, мадам де Зальцманн сказала: «Рядом с мсье Гурджиевым каждый чувствовал невероятную свободу быть тем, кем хотел. Он угощал людей едой и питьем – даже заставлял пить слишком много, – чтобы эта свобода лучше ощущалась. Но при нем нельзя было вести себя как попало. В нем всегда ощущалось нечто высшее».

Без сомнения, рядом с мадам де Зальцманн я всегда чувствовал невероятную свободу быть просто самим собой, не отягченным страхами, желанием понравиться или притворяться с кем-то. Однако общение с человеком более высокого уровня обязывает. Очевидно, что, находясь рядом с ней, я не мог вести себя как попало.

Париж, май 1980, Галифакс, июнь 1980

Высказывания мадам де Зальцманн

ВЕРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Вы недостаточно любите себя, свое истинное «Я» – то, которое желает проявиться, которому необходимо проявиться.

Самое главное, вы должны ощутить потребность познать себя. Вы чем-то являетесь, но чем или кем – вам неизвестно. Вам нужно признать, что вы не знаете этого и что вам нужно узнать. Открыть эту дверь – самый важный шаг.

Вы ищете знание, которое берется не из книг. Лишь когда вы обретете его, голова сможет почерпнуть что-то из книг, в которых вы узнаете ваш собственный опыт. Вам нужно воспринять знание непосредственно.

Вы видите эту сторону, и знаете, что на другой стороне тоже что-то существует, но эти стороны разделены. Как увязать и то и другое? Бывает, что можно оказаться в середине.

Чему вы служите? В каждом из вас есть нечто особое – высшая энергия, которая достойна того, чтобы к ней прислушивались. Без нее вы служите только тому, что доставляет вам удовольствие. Это не значит, что нужно игнорировать нужды тела или ума. Но если вы не ощущаете более тонкой энергии внутри себя – которая не есть вы – и не служите ей, то ваша работа не имеет смысла.

Я этого сделать не могу, но нужно попытаться. Если не удастся установить связь, постоянно ощущайте, что связи нет.

Очень важно помнить об этом. То, что я сама совершить не могу, может совершиться во мне, и мне нужно сыграть в этом свою роль.

Земля взаимодействует с высшими планами бытия. Для этого нужно средство связи. Это средство связи – человечество. Но связь не осуществится сама по себе, ради этого нужно работать.

Нужно установить связь между энергиями тела и сознания. Ни тело, ни сознание не должны брать верх, они должны иметь равную силу. Тогда родится чувство.

Без человека Земля не может получать энергию с высших планов бытия. Поэтому, когда мы сознательно работаем, мы позволяем этой энергии прийти на Землю. Иначе на Земле не будет гармоний! И этот разлад можно ощутить.

Нужно привести тело и сознание – иное сознание, не то, которое обычно имеют в виду, – к одной и той же частоте вибраций. Тогда возникает связь, как между мужчиной и женщиной, и рождается ребенок – новое чувство. Высшая энергия с нами рядом, но мы не получаем ее, потому что утратили целостность. Предназначение человека на Земле – сделать возможным обмен энергией между Землей и высшими планами бытия. Это невозможно без связи между телом и сознанием.

У человека особая роль, которую другие создания не могут исполнить. Он может служить Земле в качестве проводника неких высших энергий. Без этого Земля не сможет гармонично существовать. Но человек, таков как он есть от природы,

не совершенен. Чтобы исполнить свое истинное предназначение, человек должен развиваться. Что-то в нас не удовлетворено жизнью. Через религиозные или духовные традиции мы можем узнать, чего именно нам не хватает.

Вся Вселенная состоит из сил и энергий. Они должны пребывать в гармонии друг с другом. У Земли свой собственный уровень энергии; и только через людей приходят на Землю высшие энергии. В этом призвание человека.

Для того, чтобы высшие энергии пришли на Землю, в человеке должен происходить правильный, гармоничный обмен энергией между энергетическими центрами. Энергия всегда видоизменяется, в том числе и в этих центрах, но между ними нет гармонии.

И тело, и сознание сопротивляются. Вам нужно это понимать. Все время нужно спрашивать себя: «Кто я? И почему я здесь?»

Спрашивайте с себя. Если вам не удастся соединить энергии тела и сознания, лишайте тело удовольствий.

Нужно пребывать в особом состоянии, чтобы ощутить высшую реальность. Религии сделались субъективными, их истинный смысл утрачен. Мсье Гурджиев учил, как достичь гармонии сознания, чувств и тела, не выделяя одно по сравнению с другим.

Даже если стопа стоит неправильно, связь с высшей энергией может быть нарушена.

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Без связи с высшей энергией в жизни нет смысла. Высшая энергия – это постоянное «Я», но у вас нет связи с ним. Для того чтобы эта связь осуществилась, должна родиться тонкая субстанция. Энергия тела слишком груба, она не может взаимодействовать с той энергией, которая приходит свыше. Не отступайте – постоянно ощущайте, что связи нет. Постепенно организуйте условия, которые помогают вам.

Для того чтобы возник определенный уровень энергии, должна работать группа людей. Вам необходимо работать и одному, и с другими людьми – как можно чаще.

Существует энергия, которая пытается эволюционировать.

Поэтому она приходит в тело. Если человек работает и помогает этой энергии воплотиться, после смерти она уходит на более высокий уровень. Если человек не работает, энергия возвращается на прежний уровень. Но в таком случае человеческая жизнь прожита напрасно.

Вся работа связана с энергиями. Нужно ощущать взаимосвязь энергий, внутри себя и вовне – в группах. Тогда может осуществиться обмен энергий. В этом и состоит работа. Вам нужно работать часто в течение дня, вместе с другими и одному.

Связь между умом – высшим умом – и телом – вот то, над чем непосредственно надо работать. Когда сливаются эти две энергии, тогда рождается что-то новое.

Нужно стремиться к тому, чтобы интенсивность и частота вибраций тела сравнялась с уровнем вибраций ума. Лишь тогда энергии тела и ума смогут взаимодействовать друг с другом.

Идеи, музыка и танцы в учении Гурджиева дополняют друг друга. Ничто не является целым или совершенным без двух других составляющих.

Ваше тело – не только ваше. Нужно работать, чтобы связать высшее с низшим. В этом цель человеческого существования.

СВЯЗЬ МЕЖДУ ДВУМЯ УРОВНЯМИ

То, что в разных религиях называют Богом, это высший уровень, над умом, но он познается высшей частью ума. Человек создан для того, чтобы обеспечить связь между двумя уровнями, получать энергию с высшего уровня и воплощать ее на низшем, воздерживаясь от реакции. Пока верх берет низшее я, ничто невозможно.

Чудес не бывает. Это все игра сил.

Нужно научиться активнее овладевать вниманием, которое может преодолеть пассивность. Тогда произойдет настоящее внутреннее действие, и через него – трансформация.

Одиночества не существует. Все находится в связи с другими Уровнями. Если энергия тела не соединяется с чем-то высшим, она будет захвачена низшим.

Впечатления – это самое главное. Нелегко получать впечатления, не поддаваясь импульсивной реакции.

Для того чтобы ощутить связь с высшим уровнем, необходима некоторая свобода от уровня, на котором человек существует.

Пассивность тела и ума создают препятствия. Работа требует активного внимания.

Самое главное – быть. Если нет истинного Я, тогда верх берет эго. Энергия не может существовать вне связи, сама по себе. Если по воле человека она не служит высшему Я, тогда автоматически она подчиняется эго.

Миру нужны определенные вибрации, они возникают лишь в том случае, когда некий круг людей целенаправленно работает

Поначалу мы много читаем, обсуждаем идеи, учимся двигаться, изучаем танцы, работаем с другими людьми и так далее. Потом приходит время, когда этого уже мало. Необходимо на опыте понимать, что это значит, когда центры не связаны. Идеи не могут дать необходимой энергии. Высшая часть ума должна наладить связь с телом.

Нужно развивать способность действовать на обычном уровне.

В разных религиях говорится о Господе, о Seigneur. Это энергия очень высокого уровня. Люди говорят: «Господь помогает мне». Это правда. Но от меня тоже кое-что требуется. Я должен подготовить себя, чтобы Seigneur помог мне.

Человек может служить Земле, становясь проводником между двумя уровнями. Он может получать энергию с высшего уровня, чтобы действовать на низшем уровне, воздерживаясь от автоматических реакций.

Если человек не подготовит других людей, чтобы те заняли его место и заполнили его уровень, то не будет рождаться нужных вибраций, нужной энергии, и он не сможет продолжить свое дело в высших сферах. Самый лучший способ выразить нашу благодарность учителям – работать, чтобы им не пришлось возвращаться на более низкие уровни. Если они завершили свое дело на Земле, они свободны и могут продолжить свое дело на более высоких уровнях. Иначе им придется вернуться и снова работать здесь.

Одни лишь идеи не могут изменить человека. Настоящая трансформация происходит под влиянием высшей энергии, источник которой – в области над головой, – оттого что энергия приходит в тело и изменяет его. Естественно, тело сопротивляется. Но постепенно и тело соглашается с тем, что трансформация необходима и ему. Тогда оно начинает содействовать. Удовлетворяйте лишь насущные потребности тела, но не его прихоти.

Не упустите момент в работе, когда необходимо совершенно расслабиться. Что-то нужно отпустить. Это делает усилие. Потом вы доходите до границы, когда это должно стать пассивным. Граница очень тонкая. Усилий можно приложить слишком много или слишком мало.

ЭГО НЕ ЖЕЛАЕТ СЛУЖИТЬ

В теле есть все, но мы этого не понимаем. Для этого очень важно достичь состояния внутренней тишины, расслабиться. Но человек не может просто расслабиться напрямую. Если я буду все время помнить о своей внутренней цели осознавать себя здесь и сейчас, я стану осознанным о своих напряжениях. Тогда что-то сможет коренным образом уйти, измениться.

Энергия не может существовать вне отношений. Если вы не связаны с чем-то высшим, вас свяжут с низшим и лишат целостности. Самое главное – быть. Если нет истинного «Я», тогда эго берет верх.

До тех пор пока в нас нет Я, есть только эго. Позвольте этому быть. Мы понимаем, что в нас живет высшее Я, когда ощущаем желание служить. Низшее я не желает служить. Но пока высшее Я живо, пусть низшее вас не беспокоит. Оно может быть полезным. Что еще остается? Когда проявляется высшее Я, эго тут же теряет энергию и перестает играть какую-то роль. Оно все еще есть, но уже ни на что не влияет.

Для того чтобы родиться заново, прежнее я должно умереть.

Мсье Гурджиев говорил: «Умрите для себя». Это не значит, что нужно умереть. Это значит, что нужно умереть для всех своих привычек.

Если нога

или рука повернуты немного не так, то связь с высшей энергией прерывается и высшая энергия не может проходить.

Осознанное страдание – одна из самых важных вещей. В разных религиях и традициях разработали разнообразные практики, которые заставляют страдать, но затем все забыли, для чего это нужно.

Высшая энергия рядом, но она не может сойти вниз, если тело не готово, не свободно полностью от напряжения и не пребывает в гармонии.

В теле есть все. Связь с высшей энергией зависит от готовности тела. Будьте требовательны к себе. Нужно по-настоящему осознать, прочувствовать собственные сопротивления тела и ума.

Господь, Seigneur, рядом, но ему необходимо мое тело, чтобы прийти. Тело не готово. Нужно его приготовить. Когда ум и тело объединятся, появится высшая энергия, которую в разных религиях называют Seigneur (Господь).

Этого нельзя достичь без жертв или усилий. Но это должно быть сделано. Это необходимо для поддержания жизни мира. Тело должно служить еще чему-то кроме себя самого.

ДВА ПОТОКА ЭНЕРГИИ

Важно работать именно сейчас. Сейчас, а не потом – другой такой возможности не будет. Чтобы использовать ее, вы должны потрудиться.

В этот момент одних лишь идей мало. Есть сила, высшая сила; она внутри нас, но не действует через нас, пока наше состояние препятствует этому – пока нет гармонии между центрами. На этом этапе от идей толка нет, человек должен ощутить свою немощь, прочувствовать, пострадать от этого и все свое внимание обратить на установление внутренней связи, которая откроет дверь высшей энергии.

Тело и сознание не понимают друг друга. Если тело это чувствует, оно что-то получает и начинает содействовать. Тело должно стать инструментом.

Когда человек открыт вертикальному потоку, формируется астральное тело. Другой поток, горизонтальный, – это энергия физического тела. Эти потоки не существуют один за счет другого или вместо другого. Без вертикального потока в нашей жизни нет смысла. Но без другого потока энергии в мире невозможно никакое действие. Чтобы стать целостным, нужно осознавать оба потока.

Самое главное – это осознанное внимание, оно должно становиться все тоньше и сильнее.

Тело нужно дисциплинировать – наказывать или награждать, но не мучить. Оно должно научиться служить чему-то высшему. Тело должно быть готово.

Без работы ваша жизнь ничего не значит. Без связи с высшим уровнем энергии работа не имеет смысла. Если внутри вас нет этой связи, вы ничто.

Когда человек ощущает связь с высшей энергией, он не реагирует автоматически. Он видит, что все чему-то служит. И на то, что происходит внутри, у него нет автоматических реакций. Человек понимает, как можно использовать энергию, которая тратится на негативные эмоции и мысли.

Вся Работа связана с высшей энергией и с тем, что нужно позволить ей пройти через себя, даже при движении. В этом помогают танцы.

Нужно и совершать усилие, и все отпускать. Важно знать, где эта точка перехода. Граница очень тонкая. Низшее я делает усилие, но потом оно должно стать пассивным.

Всегда ищите равновесия.

СВОБОДА ОТ ТЕЛА

Необходимо поддерживать связь между телом и умом – то есть ощущение. Тогда вы открываетесь энергии, которая приходит из области над головой. Пока есть связь с этой энергией, вы ощущаете определенную свободу. Когда связи нет, в вас всегда живет какой-то страх.

Тело – это не самое главное. Самое главное – это истинное «Я», которое не зависит от физического тела. Тело необходимо высшей энергии, тело нужно для того, чтобы она могла проявлять себя. Если связь с высшей энергией достаточно сильная, то есть если человек позволяет высшей энергии пройти через себя, истинное Я может сотворить новое тело. Сознательный отклик, или внимание, которое исходит от меня, от я низшего, – это нить, связующая Я высшее и низшее. Я мне не принадлежит. Я может пробудить меня, чтобы я послужил Земле. Вся Земля нуждается в большем количестве сознательной энергии.

Надо быть свободным от тела. Очевидно, что тело играет свою роль. Даже если человек перестает нуждаться в теле для самого себя, он по-прежнему может обитать в теле ради других. Мне нужно тело, пока не разовьется иное тело. Тело все время требует: «Мне, мне, мне!» Но если я ощущаю связь с более тонкой энергией, тогда веду себя иначе, не твержу «Мне, мне, мне!»

Всему творению нужна эта связь. Когда мы связаны с чем-то высшим и служим общей цели, тогда мы реагируем не автоматически.

Второе тело может стоять за пределами обычного тела, спереди или сзади, если оно сильно развито. У него свой разум. Это развивается через работу и внимание.

Когда вы спокойны и расслаблены, попытайтесь двигать руками или ходить, ощущая свое присутствие. Тело необходимо нам, но тело – не самое главное. Оно должно служить чему-то еще. На самом деле телу необходима связь с энергией, которая приходит свыше, которая приходит от Бога. Но мы в плену автоматических реакций. Нужно освободить тонкое тело из тюрьмы привычек обычного тела.

Все – игра сил, высших и низших. И все это часть сознательной энергии.

Борьба эго с высшим я

...Самое главное – связь с высшей энергией. Когда связь не установлена, нужно чувствовать отсутствие связи. Наблюдайте все, что происходит: ощущайте связь или ее отсутствие. Оставайтесь с этим.

Без связи с истинным Я ваша жизнь не имеет смысла. Без этой связи вы ничто.

В теле не должно быть совершенно никакого напряжения. Тогда тонкая энергия тут же придет сама по себе.

Теперь для Работы особый момент. Многое сейчас возможно. Крайне важно знать, как работать. Над чем? С чем? Почему? Надо видеть абсолютно ясно.

Уровень всегда меняется, повышается или понижается, он не может оставаться неизменным.

Важно понимать, что все религии со временем утратили свой изначальный смысл. То же самое может случиться с Работой, если мы не будем бдительны. Иногда в учении выделяется одна идея или конкретный вид деятельности, потому что на каком-то этапе это важно; но затем эта одна часть может подменить собой целое, и мы теряем истинный смысл.

Вниманию нужно дать направление, например, наблюдать за дыханием или ощущениями вдоль позвоночника, как в некоторых упражнениях. Иначе нельзя оставаться открытым. Когда соединяются энергии тела и нижней области сознания, тогда возникает новая энергия, которая может взаимодействовать с высшей энергией.

Вам нужно быть более взыскательными к себе. Велите телу сотрудничать с вами; если не помогает, наказывайте его. Не ешьте или ешьте меньше. Тело не воспримет идеи, но воспримет прямые команды. Тело играет важную роль, но оно должно подчиняться.

Человек не может бездействовать; в мире нужно действовать правильно. Следовательно, надо одновременно осознавать и высшие, и низшие потоки энергии.

Всегда идет борьба вашего эго с высшим Я. Нужно хорошо ощущать второе тело, всем своим физическим телом.

...У нас тело для другой цели. Ваше тело – не только ваше.

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ ЖИЗНИ

Ничто не длится долго. Нужно начинать снова и снова. Есть две силы – высшая и низшая. Одна приходит из области над головой, другая из тела. Человеку нужно тело, оно играет важную роль, но тело не должно брать верх. Само по себе оно не имеет значения. Оно существует ради чего-то еще.

Есть три силы – сила тела, сознания и чувства. Нельзя достичь устойчивой связи с высшей силой, если они не соединены воедино, не развиты гармонично, в равной мере. Вся Работа есть подготовка к этой связи. Это цель Работы. Высшая энергия стремится прийти в тело, но если мы не работаем, она не может сойти на уровень тела. Только работая, мы можем исполнить свое предназначение и принять участие в жизни космоса. Именно это делает вашу жизнь значимой и осмысленной. Иначе вы существуете лишь для себя самого, как эгоист, и в вашей жизни нет смысла.

Пусть понемногу, но всегда над чем-то работайте. Не реагируйте автоматически. Когда вы говорите, ходите или делаете что угодно, не теряйте ощущение, удерживайте внимание на ощущениях хотя бы в какой-то мере. Вот эта область, – она указала на живот, – особенно важна. Важно, чтобы здесь не было никакого напряжения

Каждый человек находится в плену положения тела и жестов, и соответствующих эмоциональных и ментальных поз. Нужно найти такой способ существования, который освободит нас от этих ограничений. Необходимо обрести связь с высшей энергией.

Идеи нужны, иначе мы окажемся в плену впечатлений; но самих по себе идей недостаточно. Нужно действовать.

Нужно усвоить мысль о том, что Земля совершит грехопадение, если мы не будем работать. Это поможет вам в работе и поможет понять, что ваша работа необходима.

Энергия, которая приходит свыше, – это второе тело. Ее можно ощущать во всем теле.

ПОЧЕМУ ВЫ НА ЗЕМЛЕ?

Важно, не то, сколько человек живет, а то, развивает ли он что-то, что может придать его жизни смысл. К чему вы стремитесь в жизни? Почему вы на Земле?

Если бы Бог был рядом с вами и не прикасался к вам, или, по крайней мере, вы думали бы, что Он не прикасается, как бы вы попросили Его прикоснуться к вам? Как бы вы открылись Ему?

Тело должно служить чему-то высшему, иначе в нем нет смысла. Оно не может служить только себе. Самому телу суждено погибнуть, но оно может послужить чему-то еще.

Существует энергия, которая ищет выхода. Поэтому она приходит в тело. Если человек работает и помогает этой энергии воплотиться, после смерти эта энергия уходит на более высокий уровень бытия. У энергии разных уровней разные сроки жизни. Энергия высшего уровня не умирает со смертью на низшем уровне. Высшая энергия пребывает в теле, но ее источник – вне тела.

Вы пытались помочь?

Вчера вечером я посмотрел фильм Питера Брука «Встречи с замечательными людьми». Я смотрел его уже в третий раз. Совершенно потрясающий фильм. Не понимаю, почему он мне так решительно не понравился, когда я увидел его впервые. Чего я ждал? Я почувствовал, что должен написать миссис Уэлч и извиниться – не столько за негативную оценку, сколько за то, что не верил ей и не слушал ее, когда она сказала, что восприятие этого

фильма меняется при просмотре его во второй и третий раз. Я был убежден, что моя первая реакция совершенно объективна.

Мне кажется, этот фильм – самый доступный для широкой публики рассказ мадам де Зальцманн об учении Гурджиева. Возможно, сейчас я вижу в нем больше смысла, потому что в последние три недели я, подобно герою фильма, словно нахожусь в каком-то монастыре. Мне довелось услышать почти те же слова, что и паломнику из фильма, и испытать похожие по силе переживания. В конце концов, вряд ли речь о тайном знании, что хранят монахи в каком-то далеком монастыре. Истинное знание скрыто в недоступных уголках человеческого сердца. Поразительно, какая нужна подготовка и сколько условий необходимо для того, чтобы человек хоть иногда мог совершать путешествие в те недоступные уголки.

Кроме того, меня поразило тот факт, что при одних и тех же обстоятельствах у нас есть возможность быть и послушником в монастыре, и туристом. Париж может быть монастырем братства Сармунг, а может – просто городом, где много достопримечательностей. Легко из паломника сделаться туристом, но не так легко совершить обратное превращение. Мне пришлось спросить себя: «Что ты собой представляешь? – Ты послушник в монастыре, осознающий, что с тебя много спросят? Или турист, с которого не спросят ничего? Что ты выберешь?»

* * *

Вчера у де Зальцманнов был большой праздничный ужин. Разговор велся то на французском, то на английском. Чувствуя, что осталось очень мало времени, я улучил момент и заговорил с мадам де Зальцманн перед обедом.

Она сказала: «Без связи с высшей энергией в жизни нем смысла. Высшая энергия – это постоянное Я, но у вас нет связи с ним. Для того чтобы эта связь осуществилась, должна родиться тонкая субстанция. Энергия тела слишком грубая, она не может взаимодействовать с той энергией, которая приходит свыше. Не отступайте – постоянно ощущайте, что связи нет. Постепенно организуйте условия, которые помогают вам.

Потребность ума в этой связи со временем станет насущной. Этого нельзя добиться насильно. Высшую энергию нельзя притянуть насильно. Если попытаетесь, это может привести к плачевным результатам. Постепенно это вас увлечет все больше, и отсутствие этой связи будет для вас мучительно. Может, еще рано употреблять это слово, но это любовь. Однажды вы поймете, что не можете жить без этой связи. Без нее ничто не имеет смысла или значения.

Для того чтобы возник определенный уровень энергий, должна работать группа людей. Вам необходимо работать и одному, и с другими людьми – как можно чаще».

Когда пришла пора садиться за стол, мадам де Зальцманн оставила нас, сказав, что желает предоставить молодых людей самим себе.

* * *

Мадам де Зальцманн спросила, дала ли мне что-то медитация в Мезоне прошлым вечером. Она чувствовала себя не очень хорошо и не смогла там быть. Медитацию проводил один из старших учеников, находящихся в Париже. Я был немного разочарован тем, что ее не было, и не смог погрузиться в глубокую медитацию. Я пожаловался ей, что проводивший медитацию сам, казалось, не ощущал особой связи с той энергией о которой вел речь. Мадам де Зальцманн задала один вопрос, который поразил меня как удар грома и показал, до какой степени я поглощен самим собой. Она просто спросила: «Вы пытались помочь?»

Мне на самом деле и в голову не пришло, что я просто потребитель, что Работа существует не только ради моего духовного развития, но ради того, чтобы я сам внес какой-то вклад. Ответственность за успешность медитации несет не только тот человек, который ее проводит, и делает он это не для того, чтобы мы могли его судить. Не он один работает, не он один ищет. Я тоже должен сыграть свою роль, чтобы создать условия, при которых связь с высшей энергией ощутит вся группа. При желании каждого из нас можно в чем-то обвинить. После замечания мадам де Зальцманн мне стало очевидно, что в любой ситуации единственный по-настоящему позитивный вопрос, на который нужно искать ответ: «Помог ли я?»

Париж, май 1980

Как вы работаете?

День был богат на дела и события. Хорошо, когда идет напряженная работа. Само количество работы, может, и даст результат, при том что качество усилия оставляет желать лучшего.

И утром дома, и вечером в Мезоне во время медитации я специально старался как можно дольше сидеть в позе лотоса. Я испытал интересные ощущения в теле, и дыхание было необычно глубоким. Теперь я могу высидеть сорок пять минут. Интересно, что Доген Дзен-дзи видел суть учения дзен в том, чтобы сидеть правильно (дза-дзен). Мне нужно поработать и довести продолжительность медитации до часа. Я могу предпринять хотя бы это усилие, поскольку на самом деле не понимаю, что мадам де Зальцманн имеет в виду, когда говорит, что энергии ума и тела должны соединиться так, чтобы одно не подавляло другое.

Мадам де Зальцманн ясно говорит о том, что предназначение человека и смысл его жизни – стать связующим звеном, проводником, через который энергия высших уровней способна перейти на Землю, – чтобы Небо пришло на Землю. Наш Отец, Сущий на Небесах, может исполнить Свою волю здесь на Земле, как на Небе, но это произойдет только если река Ганга, протекающая на Небесах – высоко над головой или над самой макушкой, – перетечет в Землю, в тело и напитает его водой.

В Ригведе говорится, что мы дети Неба и Земли. Возможно, мы забыли о своей связи с Небом. Позволить этой энергии сойти в тело – значит позволить Небу прийти на Землю. Это есть воплощение Слова.

Мадам де Зальцманн сказала: «Преобразование – не есть изменение энергии. Нельзя изменить высшую энергию. Вы можете позволить ей найти место внутри себя. Это очень непросто и требует многих усилий».

* * *

Мне кажется, воскресная работа здесь в Париже ничем не отличается от обычной работы. Я на самом деле не знаю, как обратить физический труд себе на пользу. Встреча с мадам де Зальцманн была для меня лучшей частью дня. Эта женщина -совершенно особенная. Она излучает невероятную силу и просто преображается во время работы. Когда она рядом, все остальные ученики кажутся такими юнцами.

В присутствии мадам де Зальцманн я абсолютно уверен, что Работа – это мой путь, следуя по которому, я смогу понять то, что истинно, найти свое место во Вселенной; но когда я не вижу ее, меня снова одолевают сомнения. Иногда я думаю, что зря беспокоюсь о выборе пути. Каким бы ни был путь – возможно, судьбе все равно, по какому пути нас направить, – мне следует идти по нему и работать. Перестань бороться с судьбой, прими все как есть – и ощутишь облегчение. Так удастся сберечь массу энергии, которую потом можно потратить на верное действие. Бесконечные сомнения – это отлынивание от работы. Но нельзя мыслить узкочастными категориями, говоря о Работе. Видимо, существует некий круг людей, которые исповедуют различные учения, но все слышат тихий голос Истины. Каждый в этом кругу нашел свою традицию и способ действия, но это не мешает никому признавать ценность и истинность других путей. Меня всегда огорчал недостаток великодушия в этом смысле со стороны Кришнамурти. А Роши Кобори, напротив, когда в разговоре со мной узнал, что я общаюсь с мадам де Зальцманн, сказал: «Она – одна из самых замечательных женщин, которых я когда-либо встречал».

* * *

Вчера умерла моя невестка. Я вижу, что ничего не знаю о смерти и очень мало знаю о жизни. Каким образом я могу ей помочь? Когда я пытаюсь побыть в тишине несколько минут, мои мысли разбегаются. Я не могу сосредоточиться. Как я способен помочь ей или

вообще кому-то? Как я могу хоть что-то сделать? Я понимаю, что у меня нет сил или даже связи с энергией, которую можно собрать и сфокусировать и которая может возыметь действие. Я вижу, как разум занимает то одна мысль, то другая, и все мысли вращаются вокруг поиска удовольствия. Постоянно кто-то умирает, кто-то рождается. В этом году умрут более чем сто миллионов человек, и такое же число или больше умрет в следующем году и еще больше родится. У Матери-Земли крайне прожорливые челюсти и очень плодовитое чрево. И я тоже нахожусь на этой конвейерной ленте, которая неизбежно движется к смерти, и при этом гордо вышагиваю, что-то кричу, привлекая к себе внимание, стараюсь добиться своей ничтожной выгоды.

Я рассказал мадам де Зальцманн о смерти моей невестки, о том, что совершенно ничего не знаю о смерти, и о том, что понял вчера, что ничем не могу ей помочь. Она сказала: «Вы не в состоянии ей помочь, потому что не в состоянии помочь самому себе. Вы не знаете, каким образом. Если попытаетесь сейчас совершить то, чего не умеете, напрасно потратите энергию, может, даже во вред. Существует энергия, которая пытается эволюционировать. Поэтому она приходит в тело. Если человек работает и помогает этой энергии воплотиться, после смерти она уходит на более высокий уровень. Если человек не работает, энергия возвращается на прежний уровень. Но в таком случае человеческая жизнь прожита напрасно».

Она с таким убеждением говорит, что нужно понимать движение энергии и ощущать жизнь, в которой мы участвуем. Не обычную жизнь, но жизнь внутри жизни, как она выражается, «une autre vie dans la vie ordinaire» («иная жизнь внутри обыденной жизни»).

* * *

Мадам де Зальцманн все время спрашивает: «Как вы работаете? Что именно вы делаете?» Она действительно желает, чтобы я ощутил Истину и ясно понимал, что это значит – Работать. «Вам сейчас не нужно читать "Фрагменты". Важно приобрести свой опыт. Если хотите, можете почитать что-нибудь из Гурджиева, почитайте его ответы на вопросы учеников. Но вы должны видеть, что не являетесь целостной личностью, что словно распылены; вам следует понять, что нужно установить связь между энергиями тела и ума. Энергия ума – высшего ума - должна сойти свыше и объять энергию тела. Тогда возникнет что-то новое. Вы должны страдать из-за своей немощи. Это нелегко. Нужно все время это ощущать. Иначе нельзя. Можно говорить красивые слова, прочесть сотню книг и написать сотню книг, но это ничего не изменит».

Она хочет, чтобы я работал на самом деле и

понял что-то не только умом, но и на опыте. Я вижу, что мое тело пассивно. Она сказала: «Всегда ощущайте свою немощь, и тогда что-то изменится. Связь с высшей энергией – главное, к чему вы стремитесь. Помните об этом в любом деле. Это самое главное: постоянно ощущайте, что связи нет, что вы не в состоянии ее достичь. Вся работа связана с энергиями. Нужно ощущать взаимосвязь энергий, внутри себя и вовне – в группах. Тогда может осуществиться обмен энергий. В этом и состоит Работа. Вам нужно работать часто в течение дня, вместе с другими и одному».

Нью-Йорк, 1973, 1979, Париж, май 1980

Все время ощущайте свое тело

Вчера я медитировал дома и вдруг услышал, как какая-то женщина, француженка, три или четыре раза окликнула меня с улицы – отчетливо и громко. Я встал, подошел к окну и громко спросил: «Кто там?» Никто не ответил. Очевидно, никто с улицы меня не звал. Я

слышал еще кого-то; возможно, глубинную часть самого себя, подсознательное отражение. Я подумал: а что если мадам де Зальцманн пыталась напомнить мне о чем-то во время медитации? Разумеется, в это время я гораздо тише и сосредоточенней, чем обычно, и восприимчив к более тонкому общению. Даже когда мы занимаемся один на один, мы работаем в тишине от двадцати минут до получаса, чтобы я мог слышать ее на более тонком уровне, чтобы мог воспринимать не только слова, но и то, что за ними стоит, не добавляя ничего от себя, остановив бесконечную болтовню в голове. Как бы там ни было, я продолжил медитировать. Потом позавтракал. В глубине души (что мне не свойственно) я снова ощутил потребность медитировать – так и поступил. И мне довелось пережить нечто совершенно новое, у меня возникло чувство, что со мной вот-вот произойдет что-то невероятное и значительное.

Когда я встретил мадам де Зальцманн, то в подробностях описал ей свои необычные переживания. Я объяснил, что меня эти переживания захватили так, что я даже подумал: нужно быть осторожным и специально не пытаться это повторить. Она отметила, что это верно; казалось, она была довольной мной; она сказала, что я стою на пороге понимания.

Потом мы переменяли тему, и она спросила, знаком ли я с айкидо (кстати, совершенно не знаком). Она очень высокого мнения об этом боевом искусстве; ее внукам занятия были очень полезны. Она посоветовала мне изучать айкидо, если удастся найти хорошего учителя японца; возможно, и моему сыну стоит позаниматься, если учитель не будет возражать. Мы говорили на многие темы. В частности, я сказал, что, хотя Успенский вовсе не желал, чтобы его считали набожным, и всегда в своих книгах исповедовал научный подход, мне он кажется религиозным аскетом. Он, похоже, так поглощен созерцанием чистого белого цвета, что, по-моему, не воспринимает ничего другого и не наслаждается всем многоцветием человеческого опыта. Видимо, Англия изменила его русскую душу; Успенского и его последователей отличает склонность к морализаторству и пуританству. Она согласилась, что отчасти это правда.

Я спросил, почему главы «Беседы Вельзевула с его внуком» различаются с точки зрения качества литературы и как себя настроить, чтобы воспринять книгу правильно. Она спросила, какие главы, на мой взгляд, «выпадают». Я ответил, что такие главы, как «Ашиата Шиеша», глубокие и захватывающие, а главы вроде «Америки» кажутся мне поверхностными.

Она просто сказала: «Зачем это было писать?» И добавила: «Успенский тоже так считал». Потом она погрузилась в молчание и больше ничего не говорила. А я не настаивал, чтобы мы продолжили эту тему, потому что наши встречи с ней, естественно, всегда проходили на ее условиях.

* * *

Я чувствовал себя не очень хорошо, сил почти не было, и, когда я пришел на медитацию в Мезон, решил тихо сесть в дальнем углу, чтобы никого не беспокоить. Мадам де Зальцманн позднее заметила, что, должно быть, я плохо себя чувствовал, потому что был неусидчив во время медитации. Ничто от нее не скроется!

Мадам де Зальцманн сказала мне: «Вы слишком много работаете. Я чувствую это. У вас усталый вид. Может, вам стоит денек отдохнуть. Вы похожи на меня в молодости – та же целеустремленность». Она сделала одобрительный жест, означавший, что она признает мою силу и что это ее радует, и продолжила: «Мсье Гурджиев говорил: „Ах!“».

Потом она сообщила: «Завтра я еду в Лондон. Вы останетесь здесь. Если необходимо, звоните в Лондон». Когда я сказал, что вряд ли возникнет необходимость беспокоить ее в Лондоне, она заметила: «Как знать». В ее голосе звучала большая теплота. Не знаю, какая напасть, по ее мнению, могла со мной приключиться. Она дала мне упражнение, над которым велела работать, и, возможно, хотела быть уверенной, что ничего непутевого в ее отсутствие не приключится. Меня ободрила ее поддержка.

* * *

Я обнаруживаю в своем теле глубоко запрятанные узлы напряжения, словно каждая мысль и чувство оставляет соответствующую отметину. Ясно, что надо понять и переменить всю свою жизнь, целиком. Когда ты по-настоящему расслаблен, ты по-настоящему свободен. Я отчетливо вижу, как импульсивные мысли и эмоции низшего порядка создают в теле узлы напряжения, и различные виды узлов напряжения соответствуют определенным негативным эмоциям. Я также ясно вижу, что внимание определенным образом действует на тело, преображает и перерождает его. Высший ум производит новое тело; но, с другой стороны, без нового тела нельзя достичь связи с высшим умом.

* * *

Я часто не ценю свое счастье, не осознаю, как мне повезло в том, что я столько времени могу общаться с мадам де Зальцманн. Что требуется от меня? В Евангелии сказано: «Кому много дано, с того много и спросится». Без сомнения, мне дано многое. И не может быть, чтобы только ради меня. Мое я слишком маленькое, чтобы оно могло иметь достойный смысл само по себе. Нужно служить чему-то высшему. Что требуется? Как я могу это понять просто, ничего не выдумывая?

Похоже, если просто ждать – спокойно, не бездействуя, но и не теряя головы, – можно получить гораздо больше, чем ожидаешь. Почему так происходит? Может, существуют какие-то силы, например ангелы-хранители, чья забота – благополучие подопечных, и они помогают, даже если подопечные не просят ни о чем определенном? Я просто сидел в коридоре в Мезоне, старался быть самим собой, насколько возможно. Мимо прошла мадам де Зальцманн. Она остановилась передо мной и сказала: «Возможно, вы хотели бы со мной поработать?» Что за вопрос! С другой стороны, на самом деле это не вопрос – скорей кружка воды, протянутая изнывающему от жажды человеку.

Она сказала: «Связь между умом – высшим умом – и телом – вот то, над чем непосредственно надо работать. Когда сливаются эти две энергии, рождается что-то новое. Нужно работать над этим каждый день. Вы многое откроете в себе – скрытые узлы напряжения, скрытые силы. Пока не будем об этом говорить. Вы все увидите. Нужно ощутить. Все время ощущайте свое тело. Работайте с другими людьми. Они побуждают вас искать активнее. Когда вы поймете, что вам нужно нечто большее, возвращайтесь. Приходите в любое время.

Нужно стремиться к тому, чтобы интенсивность и частота вибраций тела сравнялась с уровнем вибраций ума. Лишь тогда энергии тела и ума могут соединиться».

Париж, май–июнь 1980

Раскаяние и утверждение

Мне понравились слова мадам де Дампьер о «Беседах Вельзевула с его внуком»: «Важно то, какое действие сказанное возымело на меня; неважно, что именно имелось в

виду. Некоторые воспринимают текст "Вельзевула" слишком буквально. Гурджиев так его сочинял, чтобы у людей не возникало обычных ассоциаций. Иногда он вставлял словечко, которое переводится как "бог-бог-бог" с трех разных языков или "долг-долг-долг", а люди выискивают в этом особый смысл».

Видимо, в Париже нет специальных групп по изучению «Вельзевула», по крайней мере, в настоящее время, хотя существует группа по изучению «Фрагментов». Мадам де Дампьер сказала, что людей в группах просят вспомнить внутренний опыт, связанный с каким-то важным словом или идеей, и попытаться связать свой опыт и слова книги.

Мы говорили о роли идей; я сказал, что хорошо понимаю, что высшие понятия нельзя охватить низшим умом. Однако людей, обладающих высшим умом, таких, как мадам де Зальцманн, похоже, не увлекают разговоры об идеях. Меня поразило замечание одного древнего поэта, писавшего на санскрите, который утверждал: «Книга бесполезна для тех, кто не ведает. И бесполезна для тех, кто ведает. Следовательно, книга бесполезна!» Так идеи бесполезны?

Очевидно, что священные книги и идеи нужны для того, чтобы сфокусировать ум и дать ему какое-то направление. Но, видимо, надо быть осторожным, дабы не впасть в фанатизм и не решить, что какая-то идея или фраза абсолютно истинна. Очевидно, что великий источник Истины превосходит любую форму, какой бы совершенной она ни была. Об этом говорит существование в Индии огромного множества богов, философий, космологий и мифологий. Бесконечность (дословно: Брахман) нельзя охватить никакими законами, формой или понятиями, сколь бы хитроумными они ни были. Иногда можно Это узреть на краткий миг (пережить даршан), но Это нельзя заключить в рамки какой-то единственно верной формулировки, как пытаются сделать фундаменталисты всех религий. В тот момент, когда я думаю: «Это одно есть Бесконечность», – я уменьшаю ее до малых размеров. Как говорится в одном из чудесных высказываний Будды, «человек удаляется от мудрости, когда думает: „Вот это Истина, и ничто другое"».

Мадам де Дампьер сказала: «Однажды нашли записи Гурджиева, в которых говорилось о „Законе Девяти". Возможно, это то, что позднее превратилось в „Закон Семи". Он не хотел, чтобы люди переставали мыслить гибко и заикливались на чем-то одном, утверждая: „Это так, и вот что это значит". Он всегда стремился к тому, чтобы нас озадачивало сказанное, чтобы мы опирались на то, что понимаем по-настоящему, что знаем на собственном опыте, чтобы мы уже от этого могли идти дальше».

Нетрудно увидеть, как идеи и практики становятся косными, когда окончательно формируется традиция

и появляются ее приверженцы. Те самые идеи и практики, которые возникли, чтобы пробудить нас от сна, могут снова усыпить нас. Все великие учителя так или иначе говорили об этом; и это особенно подчеркивается в Евангелиях: «Имея очи, не видите? имея уши, не слышите?»

Мадам де Дампьер вспоминала: «Однажды на уроке танцев Гурджиев сказал, что ему нужно придумать шесть слов. Он придумал „отец", „мать", „брат", „сестра", „я" и подыскивал шестое слово. Кто-то предложил „идиот". Он рассмеялся и взял это слово. Теперь есть люди, которые выискивают в этом глубокий смысл, все воспринимают слишком серьезно. А он часто просто делал что-то шутки ради».

Нельзя не восхищаться теми, кто прилежно изучает значение отдельных слов, в частности, в тексте «Вельзевула», который особенно провоцирует на подобные

размышления. Наверное, это помогает не уходить далеко от текста. Разум нужно чем-то занять; иначе он сам займет себя мыслями о колебаниях цены на хлопок в Египте и прочей ерундой. Можно быть вблизи храма и измерять толщину стен или делать что-то необходимое для поддержания храма в надлежащем состоянии. Всегда есть риск чрезмерно увлечься тем, что продается возле храма, или же увлечься интересной флорой и фауной в Городе Обезьян, как в книге Рене Домала "Гора Аналог".

Все традиции говорят о том, что разум должен утихнуть, чтобы пришло что-то свыше. Возможно, наполнять разум правильными мыслями – один из способов привести его в тишину. Разве идеи – не часть науки бытия, которой учит Гурджиев? Я помню, как мадам де Зальцманн сказала много лет назад в Нью-Йорке: «Идеи, музыка и танцы в учении Гурджиева дополняют друг друга. Ничто не является целым или совершенным без двух других составляющих».

С другой стороны, она недавно мне сказала: «Вам сейчас нужны не идеи. Вам нужны факты. То, что знаешь на опыте, – это факт».

Говоря о великих творениях, таких, как Собор в Шартре или индийская мифология, мадам де Дампьер снова заметила: самое главное – какой эффект они непосредственно оказывают на человека. «Иначе нельзя определить, имеет ли какая-то идея или символ отношение к Работе. В противном случае идеи Работы начинают ставить рамки; великие символы и мифы перестают воздействовать на меня».

Я понял, что это важно. Нужно очень тщательно изучать великие традиции или произведения искусства, иначе можно дойти до того, что придется составить словарь ассоциаций, в котором говорится, что x в системе A – это y в системе B .

Мадам де Дампьер заметила: «Если бы вы не работали так часто вместе с мадам де Зальцманн, я бы спросила: "С каким вопросом вы к ней приходите?" Но сейчас могу и не спрашивать». И все-таки эта мысль мне представляется очень важной и нужной. С каким вопросом я прихожу?

Она сказала: «Мадам де Зальцманн была единственной истинной ученицей Гурджиева. Может, вся его Работа была лично для нее».

Меня поразили эти слова. У учителя может быть множество учеников, много слушающих, которые извлекают какую-то пользу для себя, но быть истинным учеником нелегко, о чем говорит и Евангелие. Весь груз учения, само его существование зависят от готовности учеников пожертвовать всем, что они имеют, чтобы учение полностью преобразило их. В моем случае я вижу, что мое низшее $л$, или эго, всегда требует: «Мне, мне, мне!» – и настаивает на своем.

Я вспомнил, как доктор Уэлч однажды сказал мне во время семинара в Армонке, неподалеку от Нью-Йорка, глядя на собравшихся – двести человек или около того: «Возможно, семинар по-настоящему изменит лишь одного или двух человек. Возможно, все и устроено лишь для этих одного или двоих».

Если смотреть с перспективы низшего я, от этой мысли цепенеешь. Но где-то в глубине души я понимаю, что, видимо, это правда: для постройки пирамиды нужны все камни, а не только те, которые наверху.

Я описал мадам де Дампьер, какие глубокие переживания испытал во время занятий

медленными танцами, как я сосредоточился на внутренних ощущениях: «Из самой глубины души поднималось что-то сродни раскаянию, только это не раскаяние. Что-то еще – ощущение связи с чем-то неизмеримо высшим».

Она сказала: «Есть два рода движений, они имеют противоположное действие. В медленных танцах можно ощутить связь с высшим миром и увидеть, как ты далеко от него; и тогда приходит раскаяние. Исполняя эти танцы, нужно освободиться от обычной повседневной суеты, и музыка и медленные движения помогают установить связь с высшим миром; тогда в тишине чувств мы способны принять то, что приходит свыше. Энергичные танцы ведут к той же цели через утверждение. Я утверждаю себя. Но лишь потому, что связан с высшей энергией».

Нью-Йорк, 1971, Париж, июнь 1980

Связать низшее с высшим

Мадам де Зальцманн предлагает медитировать иногда сидя на стуле, а не на полу, скрестив ноги, как я обычно медитирую. Важно не привязываться к одной конкретной позе, в которой работаешь. Она также подчеркивала, что важно работать часто, каждый раз понемногу.

Она несколько раз и на разные лады повторяла, что мы с Мишелем пойдем друг друга. «У вас с Мишелем есть что-то общее. Он очень искренний. Я думаю, вы с ним могли бы работать вместе».

Он был очень занят и пока не мог уделить мне много времени. Поездка в Голландию оказалась очень плодотворной. Меня глубоко тронули внимание и гостеприимство голландских учеников. Мишель был необычайно великодушен. Особое впечатление на меня произвели занятия танцами с Жозе де Зальцманн. Мы выполняли спокойные, медленные движения, пытаюсь открыть свету разные уголки своей души. Меня охватили такие сильные чувства, в частности раскаяние, что после занятия я просто стоял и плакал.

Во время поездки в Голландию на одном из занятий в группе Мишеля, в которой было около пятидесяти человек, он попросил меня ответить на вопросы собравшихся. Я чувствовал, что волнуясь, и часто повторялся, особенно в первые четверть часа. Я ясно ощущал отсутствие связи с кем бы то ни было. Потом, возможно, под влиянием энергии группы, я почувствовал внутри себя связь с чем-то более тихим и существенным. В голове прояснилось; я начал видеть себя и других яснее и непосредственнее. Я видел, что большинство присутствующих словно спят, как и я спал незадолго до этого и как, несомненно», усну снова в скором времени. Я отчетливо понял, как важно работать с другими людьми. В нашей группе должно быть гораздо больше народа. Я понимаю, что это необходимо в том числе ради меня. Каким-то образом нужно это сделать. Мадам де Зальцманн сказала, что не только мое сознание, но и тело стало гораздо более восприимчивым, чем вначале. Надеюсь, что она права. Она посоветовала: «Не форсируйте дыхание. Полезно обращать внимание на дыхание, но главное - это слияние энергий тела и ума».

К концу моего пребывания в Париже я осознал, какое невероятное великодушие проявила ко мне мадам де Зальцманн, уделив мне столько времени и внимания. Я спросил у нее: «Как мне отблагодарить вас?»

«Просто работайте. Потом будет видно. Может, вам придется исполнить что-то, о чем нельзя будет попросить других». И добавила: «Разумеется, приезжайте снова. Если хотите,

приезжайте на более длительный срок. В следующем году, в мае, например; я вам сообщу, если появится другое, более подходящее время».

Мадам де Зальцманн попросила меня описать движение энергии внутри тела. Я объяснил, что ощущаю связь гораздо лучше, если энергия движется от головы вниз по спине, огибает тело снизу и направляется вверх по груди, нежели когда энергия движется от головы в область груди. Она сказала, что правильное направление то, которое я описал первым. Чтобы родилось чувство, энергия из области головы должна соединиться с энергией нижних центров тела. Иначе ничего не выйдет. «Пока этого достаточно. Работайте над этим хотя бы раз в день, потом поговорим о следующем шаге. Может быть, когда встретимся в Америке. Передайте мои самые теплые приветствия вашей жене. И Уэлчам и Джесмин Ховарт. Доктор Уэлч мой добрый друг. Мы много вместе с ним пережили. Я очень рада, что вы приехали. Может, скоро встретимся в Америке». Стоило ли приезжать в Париж? Да! Во-первых, даже если доказывать от противного. Иначе я провел бы эти шесть недель еще где-то – в Киото, в Нью-Йорке или Галифаксе. Время идет в любом случае. Нечто похожее я пережил, когда первый раз приехал в Канаду много лет назад. Тогда, как и теперь, я потерялся во внешнем мире – во многом из-за языкового барьера, – поэтому приходилось выживать за счет внутренних ресурсов. Но, что гораздо важнее, я кое-чему научился. У меня есть чувство цели Работы, и я понял, как работать, исходя из высшего источника Работы, – теперь для меня это живой источник. Важно добираться до источника, как бы далеко или высоко он ни был. Лишь возле источника можно обрести свободу. Я совершенно не знаю, что будет с Работой после смерти мадам де Зальцманн. Без сомнения, тот же самый вопрос волновал всех в последние годы жизни Гурджиева.

Теперь я возвращаюсь к своей прежней жизни, к моей группе, к моим привычкам. Как я могу применить на деле то, чему научился, и углубить свой опыт? Если я по-настоящему что-то усвоил, то это непосредственным образом передастся другим,

Духу нужно тело; работе нужна форма. Есть свобода вне формы, есть воплощение. У всего есть тело. Но тело нельзя присваивать. Полезно помнить слова мадам де Зальцманн: «Ваше тело – не только ваше. Нужно работать, чтобы связать высшее с низшим. В этом цель человеческого существования»

Париж, май–июнь 1980, Галифакс, июнь 1980

Чудес не бывает

Несмотря на все трудности, все-таки стоило съездить в Париж и провести там шесть недель. И мадам де Зальцманн, и другие старшие ученики с безграничным великодушием тратили на меня время и силы, уделяли мне массу внимания. Я постепенно начал понимать, что в теле есть все ключи. Еще десятки лет назад я прочитал эту мысль среди высказываний Будды, но раньше я ее не понимал. Я все время вспоминал слова мадам де Зальцманн: «Ваше тело – не только ваше. Вам нужно работать, чтобы связать высшее с низшим. В этом цель человеческого существования».

Близилась осень, и мне стало казаться, что встречи с мадам де Зальцманн остались в очень далеком прошлом, будто все было давным-давно. Я уже не мог сколько-нибудь живо вспомнить, что мне открылось, когда я находился с ней рядом. То, что когда-то мне было совершенно ясно и побуждало к действию, теперь представлялось просто неплохой идеей, которую, возможно, когда-нибудь стоит применить на практике.

Я написал мадам де Зальцманн о трудностях своей внутренней жизни. В сентябре 1980

года она мне ответила:

"Спасибо за Ваше письмо. То, что Вы чувствуете, естественно - неудовлетворенность, недостаток глубины восприятия; недостаток свободы в обычном сознании... чувство, которого нет, и которое дало бы Вам силы посмотреть в лицо любой правде, пережить это состояние... Я буду рада увидеть Вас снова. Я в любом случае собираюсь приехать в Нью-Йорк на два месяца в конце ноября. Приезжайте, когда сможете. Но заранее позвоните. Я готовлюсь к съемкам фильма о танцах – тяжелый труд, но очень важный. Танцы – это то, что трудно усвоить... Я буду рада поговорить с Вами об этом».

Когда я встретился с мадам де Зальцманн в Нью-Йорке, она говорила про фильм о гурджиевских танцах, над которым велась работа. У меня было несколько общих вопросов относительно танцев и несколько особых вопросов насчет опытов, которые я проводил над собой. Она попросила меня уточнить, про какие движения я хотел поговорить. Я быстро изобразил начало танца под названием «Сорок поз» – просто показал движения, не прислушиваясь к чувствам внутри себя а она сказала: «Так неправильно. Важно, выполняя движения следить за превращением энергии внутри себя. Многие учителя танцев не понимают этого. Когда вы делаете определенное движение рукой, энергия не должна уходить дальше определенной границы».

Я понял, как глупо и механистично относился к позам. Движение, которое я сделал, нельзя было хоть в каком-то смысле назвать «священным». Я оправдался тем, что всего лишь хотел объяснить, какой танец имею в виду, но она была недовольна. Ей были неинтересны мои объяснения и извинения, и она попросила меня попробовать снова. Я повторил движения, на сей раз обращая внимание на то, что происходит внутри меня. Это она одобрила и потом долго говорила про движения. Я сказал ей, что порой чувствую себя более сосредоточенным, когда хожу или выполняю простые движения, нежели чем когда просто тихо сижу. Она ответила: «Иногда это очень полезно. Сперва посидите тихо, затем походите, потом выполните простые движения, которые для вас несложны. Попробуйте разнообразить движения и темп, старайтесь понять, что вам помогает».

Потом вдруг она сказала: «Я думала о вас, и я не знаю, над чем вы работаете. Как вы работаете?»

Я рассказал и показал упражнения, которые мне удавались. Она сказала: «Хорошо. Завтра, наверное, я покажу упражнение, которое вам будет полезно».

Она говорила о «любви» и о «Боге»: «То, что в разных религиях называют Богом, это высший уровень, над умом, но он познается высшей частью ума. Человек создан для того, чтобы обеспечить связь между двумя уровнями, получать энергию с высшего уровня и воплощать ее на низшем, воздерживаясь от автоматической реакции. Поэтому вы есть сгусток энергии: чтобы получать энергию свыше и действовать на низшем плане. Если вы не исполняете этого на практике, все остается умозрительной конструкцией. Пока верх берет низшее я, ничто невозможно».

Мадам де Зальцманн сказала, что, если достаточное число людей не подключатся к сознательной работе, с человечеством и с планетой произойдет что-то нежелательное. Я ясно ощутил, что человек должен работать на благо всей Земли и ради жизни на Земле; иначе все, что тут существует, будет выброшено во тьму внешнюю, где плач и скрежет зубовой, как говорится в Библии. Быть может, мы не в состоянии работать на благо всего космоса – он слишком далек от нашего уровня, – но мы можем работать на благо Земли.

* * *

Потом, на занятии в группе, мадам де Зальцманн повторила почти теми же словами то, что сказала раньше во время нашей встречи. «Человек создан для того, чтобы обеспечить связь между двумя уровнями, получать энергию с высшего уровня и воплощать ее на нижнем, воздерживаясь от автоматической реакции». Что меня все время поражает: я иногда понимаю это так ясно, без сомнения и смятения, а потом, очень скоро, начинаю вести себя так, будто никогда об этом не слышал. В следующий раз, когда она об этом говорит или, скорее, когда она снова показывает это своим примером, мысль изумляет меня с новой силой.

Трансформация – результат видения. Мадам де Зальцманн говорит об этом снова и снова. Я начинаю понимать, почему в Евангелиях рассказывается о стольких чудесах. Лишь необычайное событие или человек могут оторвать нас от обыденного сознания. Но мы снова и снова теряем веру. Все чудеса – внутри нас. Когда духовный уровень учеников повышается, даже на краткое мгновение, когда вода претворяется в вино, они говорят: «Господи, мы верим», что значит: «Мы видим». Однако проходит немного времени – и человек все забывает и перестает видеть. Вскоре после того, как свершилось великое чудо, ученики ведут себя так, будто ничего не поняли. Лишь когда рядом учитель, видишь свет и все ясно. А удаляешься от учителя – одолевают тьма и смятение. Рядом с учителем даже обычная вода на вкус как вино. А когда мы сами по себе, даже вино вскоре теряет вкус. Трансформация восприятия – это чудо, которое должно повторяться снова и снова.

На следующем занятии с мадам де Зальцманн, когда мы позволили себе немного расслабиться, что неизбежно по прошествии получаса или часа напряженной работы, я сказа ей, что буду величать ее Мадонной Перманентного Чуда. Она улыбнулась и несколько минут молчала. Потом произнесла: «Чудес не бывает. Это все игра сил. Вы можете сами прочесть об этом в священных книгах».

Затем она вспомнила Шри Анирвана, который, очевидно говорил что-то похожее. Она с большим интересом выслушала мой рассказ о встрече со Шри Анирваном, состоявшейся несколько лет назад. Он был смертельно болен и во время нашей встречи не поднимался с постели. Среди всего, о чем мы беседовали, наиболее меня поразили его последние слова: «Когда вы прикоснетесь к Истине, вы поймете, что "God" (Бог) – это то же самое, что и "dog" (пес)». Она внимательно слушала, потом на несколько минут погрузилась в молчание и наконец сказала: «То же самое, но не совсем».

* * *

Во время занятия в группе я задал вопрос о страхе трансформации. Что-то внутри меня не желает трансформации. Что-то внутри меня даже не хочет, чтобы я задавал этот вопрос. В этом смысле мой вопрос был неискренним. Я заставил себя спросить, осознавая в то же время, что этот вопрос для меня не насущный, я не горю желанием узнать ответ. Но я не хотел поддаваться лени, которая одолевала меня, и по опыту знал, что, если задам вопрос, взгляд мадам де Зальцманн будет обращен на меня. А когда она отвечает на мой вопрос, мне трудно оставаться всецело пассивным.

Мадам де Зальцманн говорила о совершенно естественном сопротивлении и пассивности. Она сказала: «Нужно научиться находить более активное внимание, которое может преодолеть пассивность. Тогда произойдет настоящее внутреннее действие, и через него – трансформация».

* * *

Во время сегодняшнего занятия с мадам де Зальцманн я на собственном опыте понял нечто очень важное: ощущение тела и ощущение присутствия Я в теле – не одно и то же. Пока ты занят обычными делами, нужно постоянно ощущать свое присутствие здесь и сейчас. Иногда с этой целью полезно сосредоточить внимание на какой-то одной части тела.

Энергия тела не то же самое, что ощущение тела. Ощущение - это способ связать энергию тела с энергией ума. Даже теоретически никакая энергия не может существовать сама себе, в одиночку – исключая только энергию самого высшего уровня.

Мадам де Зальцманн выразила это так: «Одиночества не существует. Все находится в связи с другими уровнями. Если энергия тела не соединяется с чем-то высшим, она будет захвачена низшим.

Нам нужна энергия высшего ума, который находится над головой, вне тела. Она должна соединиться с энергией тела. На это нужно время. Для этого в теле не должно быть никакого напряжения. Сознание должно погрузиться в очень глубокую тишину.

Вы видите, что существует разлад между головой и телом? Если вы глубоко ощутите отсутствие связи между энергиями тела и ума, то вы будете нуждаться в этой связи и работать, чтобы установить ее.

Когда человек обращает внимание вовнутрь, тогда две энергии, которые раньше были направлены в разные стороны и действовали по-разному, перенаправляются друг на друга. Они движутся друг к другу. Возникает чувство. Они могут не встретиться, но все равно человек ощущает себя иначе. Равновесие очень зыбкое: любое движение может прервать эту связь. Поэтому нужно учиться двигаться медленно – медленно ходить, слушать или говорить.

Впечатления – это самое главное. Нелегко получать впечатления, не поддаваясь импульсивной реакции.

Для того чтобы ощутить связь с высшим уровнем, необходима некоторая свобода от уровня, на котором человек существует. Пассивность тела и ума создают препятствия. Работа требует активного внимания».

Я сказал, что осознаю, что тщеславие – источник моей несвободы. Тщеславие привязывает меня к обычному уровню и лишает свободного общения с чем-то высшим. Я спросил: "Почему я хочу быть каким-то особенным? Я вижу, что на это впустую тратится столько энергии".

Она ответила: «Самое главное – быть. Если нет истинного Я, тогда верх берет эго. Энергия не может существовать вне связи. Если по воле человека она не служит высшему Я, тогда автоматически она подчиняется эго».

В моем мозгу промелькнула строчка из классического произведения китайской литературы. Я прочел его несколько лет назад в письме Мао Цзэдуна к жене. Там говорилось: «Когда лев уходит с горы, обезьяна становится царем зверей». И, похоже, в момент просветления Мао Цзэдун добавил: «И я стал царем!» Я понял, что мы везде строим

Город Обезьян, даже на горном склоне, просто потому, что внутри нас царь – обезьяна.

Мадам де Зальцманн посмотрела на меня и улыбнулась. Она сказала: «Несколько дней – это очень мало. Приезжайте на более долгий срок. Можете приехать в Париж в мае или июне, в любое время».

Уходя, я все думал о словах мадам де Зальцманн, которые она произнесла непосредственно перед тем, как я мысленно перенесся в Китай: «Самое главное – быть. Если нет истинного Я, тогда верх берет эго. Энергия не может существовать вне связи. Если по воле человека она не служит высшему Я, тогда автоматически она подчиняется эго».

Париж, июнь 1980, Нью-Йорк, декабрь 1980

Низшее Я не совершает никакой работы

Вчера вечером на занятиях в группе в Нью-Йорке кем-то был задан вопрос о страхе смерти, и мадам де Зальцманн ответила: «Энергии разного качества имеют разный срок жизни. Энергии высших уровней не умирают, когда наступает смерть на низших уровнях. Со смертью тела умирают не все энергии тела. Более высокие энергии могут пребывать в теле, но их источник – вне тела».

Работа состоит не только в том, чтобы ощущать свою правую руку. Зачем ощущать? Наше внимание настолько рассеяно, что нужно учиться направлять его на тело, чтобы мы ощущали тело, чтобы твердо стояли на земле. Эти упражнения выполнять необходимо, но это еще не работа. Основная идея Работы в том, что наши энергетические центры не находятся в гармонии между собой. Но почему вы должны в это верить? Вы ощущаете это? Вы понимаете, что теряете оттого, что утратили целостность? Цель Работы – в том, чтобы привести эти Центры в состояние гармонии, тогда проявится высший ум. Когда вы понимаете, что внимание рассеивается по причине вашей пассивности, не пытайтесь что-то предпринять; самое главное – постоянно ощущать это и страдать от этого. Подобный опыт – источник нового знания. Вы недостаточно страдаете».

Потом, дома у Уэлчей, мы читали заметки Гурджиева о занятиях с парижской группой. Много из прочитанного было актуально и очень полезно. Там говорилось о том, что бороться с собой нужно на деле, а не только на словах. Ученикам советовалось выделить для работы определенное время. Если не удастся Работать, нужно читать об этом, думать об этом, говорить об этом. Если не делаешь того, что связано с работой, не делай вообще ничего, просто оторвись от дел. Пусть работу стимулирует какая-нибудь сильная привычка, например привычка курить или есть. Не кури, если не исполнишь то, что решил сделать.

Я не хотел бы чрезмерно увлекаться этими идеями, но сам отчетливо чувствую, что с собой нужно бороться на деле, в повседневной жизни, иначе все, чем я могу похвастать, – это красивые теории и слова. Я понимаю, что мне нужно по-настоящему вести внутреннюю работу. Я нахожу повод отлынивать, что бы ни решил сделать. Все время возобновлять работу и работать на деле – вот насущная необходимость.

Нет смысла жалеть себя или лить слезы оттого, что мне не хватает силы воли и способности понять. Когда мадам де Зальцманн говорит: «Если необходимо, накажите тело», – я отказываюсь это слышать. Я вдруг перестаю понимать ее слова или не желаю их принять. Потом, через несколько дней или недель, я обращаюсь к ней снова и прошу о помощи. Я хнычу: вот бы мне прямо сказали, что нужно делать, как работать в полную силу. Мне должно быть стыдно за себя. «Если нужно, наказывайте тело», – разве это не достаточно внятный совет? Все-таки до чего мы любим оправдывать и обманывать себя!

* * *

Был День святого Валентина, поэтому я решил подарить мадам де Зальцманн цветы. Горничная собиралась было отнести мой букет, как это принято. Я сказал, что хотел бы лично вручить цветы. Горничная, дородная негритянка, была очень добра ко мне и сказала: «Будьте влюбленным!» Я подарил цветы мадам де Зальцманн и вместе с ними положенный в этот день поцелуй. Мне показалось, она была рада. Она с чувством сказала: «Merci, monsieur» («Спасибо, мсье»).

Но на этот личный обмен любезностями было позволено потратить лишь несколько мгновений. Мадам де Зальцманн призвала к работе. Она много раз подчеркивала необходимость активно действовать в повседневной жизни. «Это учение призвано сотворить из нас не ангелов, но людей».

Мы поехали на машине в Фонд, где лорд Пентланд организовал для мадам де Зальцманн просмотр видеозаписи встречи, организованной в прошлом году группой из Сан-Франциско, которую вели мы вместе с Фритьофом Капррой. Интересно было посмотреть запись вместе с мадам де Зальцманн. Ее присутствие изменило мое восприятие, и я мог взглянуть на себя более беспристрастно. Оказывается, я говорю гораздо медленнее, чем не казалось, и очень напряжен, даже агрессивен.

* * *

Я спросил у мадам де Зальцманн: «Как я могу быть уверен, что переживаю в точности то, о чем вы говорите? Возможно, я просто думаю, что понимаю вас. Я хочу ясно ощущать, что есть связь между энергией тела и энергией ума». Я попросил ее понаблюдать за мной во время работы, когда я пытаюсь установить внутри себя эту связь. Она была очень внимательна и чутко ощущала мое внутреннее состояние. Время от времени она говорила: «Вот сейчас связь правильная», «А сейчас вы ее утратили».

Теперь я лучше понимаю, что такое связь между энергиями ума и тела. Недостаточно ощущать какую-то часть тела, присутствие высшей энергии нужно ощущать во всем теле. Ощущение какой-то части тела может способствовать установлению связи, но если слишком сосредоточиться на ощущении, то, напротив, можно даже отвлечься. Она сказала, что не надо форсировать внимание или слияние энергий, нужно просто наблюдать. Это само по себе приведет к слиянию энергий, с той или иной степенью успеха; но она снова подчеркнула, что не надо издеваться над телом или умом или игнорировать их. «Низшее я (это) не совершает никакой работы. Низшее я – это не тело и не ум».

Я отчетливо понимаю, что без связи между энергиями тела и ума в моей жизни мало смысла. От слияния энергий действительно возникает новая сила, или энергия, но, вне всякого сомнения, установить эту связь не в моей власти. Я понимаю, что высшее нельзя завоевать; за ним нужно ухаживать, словно за любимой, выказывая внимание и заботу.

Я рассказал мистеру и миссис Уэлч о

т

м, как прошла встреча с мадам де Зальцманн. Их обоих очень заинтересовали мои вопросы, особенно им понравилось, что я попросил понаблюдать за мной во время работы и прокомментировать, как мне удастся соединить энергию сознания и тела. Доктор Уэлч заметил что мадам де Зальцманн была словно биологический датчик, замерявший параметры моего внутреннего состояния. Я подумал, неужели она на самом деле видела мое внутреннее состояние? Неужели внутреннее состояние человека не секрет для зорких глаз? Во всяком случае, у меня сложилось о ней именно такое впечатление.

* * *

Когда в следующий раз я поехал в Париж, в аэропорту меня встретил друг, который отвез меня в Мезон. Мы приехали как раз ко времени ланча. Я не спал всю ночь, но чувствовал себя весьма бодро. Мадам де Зальцманн говорила о том, что необходимо целенаправленно работать – не только для себя но и для мира. «Миру нужны определенные вибрации, они возникают лишь в том случае, когда некий круг людей целенаправленно работает».

Мне удалось встретить мадам де Зальцманн после ланча. Она, как всегда, была великодушна ко мне и высказывалась очень прямо. Она сказала, что я могу посещать все занятия, на которые ходил в прошлом году, а также ее группу по средам. Она вновь повторила, что мне следует сойтись с Мишелем. «В нем есть что-то особенное. Его до двадцати лет или около того воспитывал мсье Гурджиев. Мсье Гурджиев заронил в нем нечто важное».

Я ответил, что не хотел бы ей докучать и тратить ее время попусту. Я приехал просто чтобы побыть рядом с ней. Я спросил, есть ли у нее время. «Да, я найду время. Может быть, не завтра, потому что я вас не ждала. Потом я смогу назначить встречу. Двадцать пятого мая я улетаю в Лондон на десять дней. Вы можете отправиться со мной, если желаете. Поживем – увидим».

* * *

Мадам де Зальцманн сказала: «Вы мне должны описать, как работаете со своей группой».

Я только начал думать, что ей ответить, как она спросила, чего я хочу. Я сказал: «Я хочу испытать знание, попробовать его на вкус. Я много прочитал, могу выступать с лекциями об этом, но не знаю ничего на опыте. Я хочу все знать на опыте».

Она сказала: «Par la sensation... une sensation suffisante» - «Для ощущения... достаточно ощущения».

Точно, это так. Я стремлюсь пережить такие чувства, которых будет достаточно, чтобы это знание стало вещественным, чтобы его можно было потрогать, нарезать. Она сказала: «Для ого требуется внимание. Усильте внимание. Идеи нужны, но этого мало. Вам нужен опыт».

Человек должен ощутить, что он развален на части. Постоянно ощущайте это, страдайте из-за этого. Тогда возникнет новое чувство, которое может что-то переменить. Работа не обращает ум к телу. Обычное сознание должно быть совершенно тихим. Лишь тогда может установиться связь высшего сознания и тела. Это требует внимания, активного внимания». Я признался, что придумываю себе поводы не работать. Она заметила: «Не вы, а ваше себялюбие придумывает эти поводы». Я задумался, что именно может научить активному вниманию. Она ответила: «Видение того, что вы нецелостны и что вы хотите стать целостной личностью».

Галифакс, февраль 1981, Нью-Йорк, февраль 1981, Париж, май 1981

Работать нужно интенсивно

Если не быть осторожным, нетрудно увлечься деятельностью, «занятостью» и попытками самоутвердиться. Сложно сохранить тишину чувств и воздержаться от того или иного действия. Я осознаю, что хочу заняться массой дел, особенно таких, которые помогут мне самоутвердиться. Мне нужно понимать, что ничего особенного я из себя не представляю. Я просто человек, который иногда желает познать себя, но который на самом деле познать себя не может, пока остается таким, каков он есть.

Мне следует помнить, что я здесь, в Париже, лишь для того, чтобы перенять от мадам де Зальцманн все, чему она может научить меня. Мне нужно ждать и искать встреч. Будет глупо, если она мне позвонит, а я в это время буду осматривать достопримечательности города или сидеть на уроке французского. Я не знаю, когда она может позвонить, поэтому мне надо всегда быть свободным. Иначе я потрачу время впустую. Мне нужно помнить, зачем я здесь – не только в Париже, но и в этом теле, в этом мире.

Сегодня вечером наше занятие с мадам де Зальцманн длилось почти полтора часа. Она совершенно потрясающая! Каждый раз, когда я ее вижу, она спрашивает меня, как я работаю. Ее вопросы припирают меня к стенке: «Как вы работаете? Что переживаете на опыте? Что значит внимание? А теперь, если вы работаете, что вы делаете?»

Что нужно? Полностью утихомирить ум, избавиться от напряжения. Борьба с рассудком ничего не даст. Надо постоянно ощущать, что в тебе нет связи с высшим; тогда ты начинаешь стремиться к этой связи. Она сказала: «В различных религиях говорится о том, что нужно "отвергнуться себя". Но изначальный смысл утрачен, все перестали понимать, ради чего это нужно.

Надо работать интенсивно. Работайте по крайней мере три или четыре раза в день от двадцати минут до получаса. Когда человек открывает глаза, он видит то, чего раньше не видел. В определенный момент внутри случается что-то вроде взрыва. Сложно объяснить. Но лишь тогда возможно преображение. Работайте над этим два или три дня, затем поговорите со иной. Старайтесь не отвлекать внимание от того, что происходит внутри, даже во время встреч с другими людьми, во время каких-то дел. Работайте еще упорней. Иначе вы просто теряете время».

Она сказала: «Вам нужно узнать Мишеля поближе. У вас с ним есть что-то общее. И еще вам нужно пообщаться с Полиной де Дампьер. Она хорошо учит, как поймать внутри нужное ощущение. Может, они навещат вас, когда приедут в Нью-Йорк». Это мне придало храбрости, и я спросил, не согласится ли и она стать моим гостем. Она подумала немного, улыбнулась и ответила: «Я очень занята на съемках фильма. Но вы должны встретиться с Мишелем... Я позвоню вам завтра. Может, вы приедете к нам завтра на ланч».

Она обещала дать мне почитать конспекты лекций мсье Гурджиева и его ответы на вопросы учеников. Она попросила меня не делать копий. Я снова осознал тот груз ответственности, который она несет на своих плечах, – насколько пристально она следит за состоянием и потребностями каждого ученика.

* * *

Невероятно: у меня столько свободного времени, а я все-таки умудрился опоздать на встречу с мадам де Зальцманн. Я зашел в кабинет, и мне было стыдно за то, что я не пунктуален.

Мадам де Зальцманн, казалось, излучала необычайное радушие. Она снова выразила

желание, чтобы я сошелся с Мишелем, Посреди разговора, вроде бы без особого повода, она сказала, что было бы славно, если бы Мишель мог к нам присоединиться, «я пойду посмотрю, дома ли он». И вот она встала, подошла к его двери и постучала. Бедный Мишель! Только этого ему не хватало. Он был простужен; он всегда очень занят, и столько людей желают, чтобы он уделил им время. Однако он вышел, и мы поговорили некоторое время. Она оставила нас одних, будто устроив тайное свидание робким влюбленным. Мы договорились встретиться за ланчем через несколько дней. Он сказал, что может даже устроить семинар в Галифаксе.

* * *

Я объяснил мадам де Зальцманн, что, когда я слушаю ее речь на английском, впечатление иное, нежели когда она говорит по-французски. Будто на французском ее слова действуют сильнее. Я вспоминал, в частности, групповое занятие накануне. Она сказала, что в тот вечер она говорила прямо, потому что группа была к этому готова. Это правда, в Париже я вижу и слышу ее при более разнообразных обстоятельствах, чем в Нью-Йорке. И все-таки мне кажется, что она сама выражает более глубокие чувства, когда говорит по-французски, нежели когда по-английски; все-таки нужно делать усилие, чтобы передать мысль на иностранном языке.

Я сообщил ей, что предыдущим вечером во время медитации мне удалось ощутить внутри себя очень глубокую связь с чем-то высшим. Изменилось все: вибрация, дыхание, ощущение в теле, хотя зачастую мои переживания не были как-то связаны с тем, о чем говорил человек, проводивший медитацию. Как только я упомянул имя этого человека, она немедленно предложила познакомить меня с ним. «Вы можете с ним работать. Позвоните ему, поговорите. Скажите, что я вас направила».

Я был тронут ее великодушием. «С кем бы вы ни захотели встретиться и поработать, это можно устроить».

Я сказал ей, что понимаю: вопрос не в том, что космос или Работа могут дать мне, а в том, что я им могу дать. Я часто думаю об этом, особенно в последний год. Дело не в том, что они значат для меня, а в том, что я значу для них. И у меня постоянно возникает ощущение, особенно после недавней медитации, что все, чем я занимаюсь, все мои умственные построения – это полная чушь. Я живу так, будто вся Вселенная придумана только для моей выгоды и для того, чтобы я рос над собой. Она с интересом слушала, пока я говорил, и отметила, что это верно. «Поэтому нужно работать. Чтобы построить иные отношения с миром. Человек – это звено, связующее два уровня. Нужно учиться сознательно работать, чтобы оправдать свое существование».

Я попросил у нее лекции, основанные на конспектах лекций Гурджиева, о которых она упоминала. Она ушла в другую комнату и вернулась с четырьмя лекциями на английском. Я спросил, можно ли почитать еще что-нибудь по-французски. Она снова ушла за лекциями. Я похвалил себя за сообразительность: таким образом, мне удастся выудить побольше лекций, часть на английском, часть на французском. Она принесла лекцию на французском, но попросила вернуть одну из лекций на английском. Очевидно, мне бы дали только четыре лекции в любом случае – можно и на французском, если мне так хочется. Дела плохи, подумал я, я бы точно куда больше пользы извлек из чтения по-английски. Зря умничал, стоило ее послушаться: ей виднее, что для меня лучше.

Она сказала: «Приходите в воскресенье в одиннадцать. Не опаздывайте, дверь будет закрыта. Вы успеете все прочесть к завтрашнему дню. Мы сможем это обсудить».

* * *

Мадам де Зальцманн советовала в настоящее время не отказываться

полностью от обычной жизни. «Иногда человеку этого хочется. Но что нам делать, если мы не связаны с этим уровнем? Когда я была молода, мне нравилось ходить в рестораны, на танцы, делать что-то еще. Когда я повстречала людей, подобных Кришнамурти, на меня это произвело большое впечатление. Но я не хотела отказываться от привычных удовольствий. Я хотела быть как они, но не все время. Постепенно, благодаря мсье Гурджиеву мне открылось нечто, что куда интересней, чем танцы, и оказалось, что так можно жить все время. Если человек не устремлен к чему-то еще, к чему-то высшему, он не может и не должен отказываться от деятельности на том уровне, на котором пребывает. И у тела есть потребности. Следует работать на том уровне, на котором мы находимся. Нельзя перейти на другой уровень, если что-то высшее не захватит наше внимание».

Она сказала: «Поначалу мы много читаем, обсуждаем идеи, учимся двигаться, изучаем танцы, работаем с другими людьми и так далее. Потом приходит время, когда этого уже мало. Необходимо на опыте понимать, что это значит, когда центры не связаны. Идеи не могут дать необходимой энергии. Высшая часть ума должна наладить связь с телом».

Мы поработали вместе, и она, как и раньше, спросила, нужно ли мне это. «Вы видите, что вам не хватает этой связи? Она может возникнуть лишь тогда, когда человек постоянно ощущает свою немощь и страдает от этого. Мы сами не можем установить эту связь, и все-таки от нас многое зависит».

Париж, май 1981

Между телом и умом нет гармонии, тело и ум не связаны

Вчера у меня была встреча с мадам де Дампьер. Для нее решать какой-то вопрос – значит все время думать на эту тему. Постепенно вопрос расширяется, выявляется много связей, но проблему по-прежнему окружает область неизвестного. Мадам де Дампьер прочитала книгу Стеллы Крамерих об индуистском искусстве и пришла к выводу, что индийские храмы и скульптуры, возможно, тоже работают с потоками энергии, потому что, по ее словам, «потоки энергий – это ключевая тема Работы».

Мы заговорили о мадам де Зальцманн, и я сказал, что она удивительная и что она – музыкант одной ноты. Она нашла истинную и верную ноту и лишь ее исполняет, привлекая внимание всех к тому, что насущно. Мадам де Зальцманн интересуется главным, что нужно сделать: связать энергию ума и тела.

Мадам де Дампьер не вполне согласилась с моими словами. Она сказала: «Мадам де Зальцманн не просто удивительная. Она больше чем удивительная. И кроме того, даже если она и говорит одно и то же, то всегда по-разному».

* * *

В Мезоне читали лекцию, с которой Гурджиев когда-то в сороковых годах выступил в Нью-Йорке. Мне она показалась очень интересной. Помимо всего прочего там говорилось: «Ребенка уже в возрасте от четырех до пяти лет надо начинать просвещать в вопросах полового воспитания. У вас есть свой опыт, на который вы можете опереться. В этом смысле детей очень редко воспитывают нормально, и мы понимаем это, увы, слишком поздно. С сексом связаны 75 процентов мыслей и чувств. Это проявляется днем и ночью, и все этим

крашено. В Азии половое воспитание – часть религиозных обрядов, и результаты превосходные.

В каждом из нас есть луна, не только солнце, и еще много всего. Мы – это целая система. Если вы знаете, какова ваша луна и на что она влияет, вы можете понять весь космос».

Мысль о том, что внутреннее устройство человека отражает внешний космос, выражена во многих традициях. Разумеется, в нас должны существовать сферы, связанные с Луной и Солнцем. Я задумался, какова же моя Луна?

* * *

На занятии мадам де Зальцманн спросила у меня, как спрашивала много раз: «Что вы делаете в группах?» Я рассказал, что мы постигаем идеи, обмениваемся наблюдениями, занимаемся танцами; работаем по воскресеньям в Доме Работы, в мастерской, занимаемся тихой работой. Она заметила, что можно постигать ремесла, идеи и так далее и при этом удалиться от Работы. Мы поговорили о том, как велика опасность позабыть об истинной Работе, увлекшись каким-нибудь ремеслом или вообще любой деятельностью.

Она всегда старается привлечь наше внимание к иному измерению или к иному уровню бытия, на котором существует связь с реальной Работой и от которого нас постоянно отрывает то одно «дело», то другое. Я сказал, что, похоже, мы везде создаем Город Обезьян. Нас очаровывает окрестная флора и фауна, и мы забываем, что когда-то стремились взойти на гору. Я запросто могу потеряться, штудируя текст «Вельзевула» или символизм Евангелий и других книг. «Все-таки, – подытожил я, – изучение текстов всего лишь средство». Она согласилась.

Мы поговорили о работе в группах и о тихой работе. В таких случаях я и сам лучше ощущаю связь с высшей энергией. «Это естественно», – заметила она. Я объяснил ей, что иногда чувствую, как будто моя роль – быть хорошим металлическим проводником, по которому электричество проходит от одного полюса к другому. Но я чаще стремлюсь переработать и использовать эту энергию, нежели позволить ей изменить себя. Она с большим интересом это выслушала, и сказала:

«Нужно позволить энергии, которая приходит свыше, изменить нас, изменить наш ум и тело. Как это сделать?»

Мы говорили о многом. Ей было интересно мое упоминание «Горы Аналог», она упомянула, что привела Рене Домая к мсье Гурджиеву.

Я сказал ей: «Я долго жил с чувством, что единственное, что может придать моей жизни хоть какой-то смысл, – служение некой высшей цели, большей, чем я сам».

Она ответила: «Теперь самое важное – понять на опыте что между вашим телом и умом нет гармонии, необходимо всегда ощущать это и страдать из-за этого разлада. Работайте часто, но недолго, потому что на это уходит много энергии; почувствуйте, насколько по-разному вы себя ощущаете, когда есть связь с высшим уровнем, и в обычном вашем состоянии».

* * *

Иногда у меня возникает сильное желание убежать от обычной жизни – со всеми ее обидами, переживаниями и потерей энергии. Хочется убежать от мира, от работы, семьи, соседей. Но я вижу, что бездействие не есть путь к свободе от уз действия. Так или иначе я не могу избавиться от суеты, уйдя от «обычной» жизни, потому что повсюду ношу с собой свое обычное и суетное Я.

Возможно ли на самом деле жить, не испытывая трудностей, не зная бед? Или трудности призваны привести человека к связи с чем-то высшим? В любом случае, Кришна говорит, что мы не избегаем уз действия через бездействие. Лишь через святость действия я могу освободиться от обиды и смятения. Существует тайная связь между знанием, действием и бытием – вот три восходящие по спирали, переплетающиеся нити.

Ни одна из этих нитей не имеет смысла без двух других. Если бы я был по-настоящему мудрым, то есть если бы я действительно видел, что для моей души есть благо, я бы слал цветы тем, кто делает мою жизнь такой трудной, потому что они могут принести душе много пользы. Это не значит, конечно, что нужно становиться бесхребетным и соглашаться на все, чего они хотят. В битве, описанной в «Махабхарате», Дурьодхана способствовал развитию Арджуны, но это не значит, что Дурьодхане бесконечно позволялось совершать эгоистичные поступки.

Этот мир нужен нам, и сопротивление необходимо. Все религии призывают людей улететь на Небеса, будто наш мир – это ошибка. Религия учит тому, что обычная жизнь иллюзорна; наука полагает, что Небес не существует. Но те, кто ощущает себя детьми и Неба и Земли, не должны быть пристрастны. Так называемое грехопадение человека тоже необходимо изгнание Адама и Евы из Эдемского сада – это также открытие мира. Адам и Ева поняли нечто, и их отправили испытать себя в мире. В фильме «Встречи с замечательными людьми» паломника отправляют обратно в мир, чтобы он проверил верно ли понял, что значит вести внутреннюю борьбу.

Я думал об этом практически весь день. Когда вечером я пришел на встречу с мадам де Зальцманн, первое, что она сказала, было: «Нужно развивать способность действовать на обычном уровне». Она говорила об этом очень убедительно. Несколько месяцев назад она сказала, что учение призвано сотворить из нас не ангелов, но людей, – и теперь смысл этих слов мне был понятен как никогда.

* * *

Я вошел в кабинет к мадам де Зальцманн, поскольку мне была назначена встреча в семь часов. Она сказала, что у нее другая встреча и что наше занятие в восемь. Я был уверен, что она ошиблась. В любом случае, в восемь в Мезоне занималась женская группа, к тому же на прошлой неделе я приходил в семь. У меня не было сомнений, что я пришел вовремя. В конце концов, она сказала: «Хорошо, входите!» Когда я вошел в маленькую комнату, я понял, что расписание, должно быть, поменялось. Там проходила встреча четырех или пяти старших учеников, и, очевидно, мне быть среди них не следовало. Но вот я там оказался; я так отчаянно протестовал, что вряд ли мог уйти. Пришлось остаться.

Я не ощутил в своем теле глубокой связи с высшей энергией, но я старался. Мадам де Зальцманн излучала большую силу. Говоря об энергии высшего уровня, она сказала: «В разных религиях говорится о Господе, о Seigneur - о Высшем Начале. Это энергия очень высокого уровня. Люди говорят: "Господь помогает мне". Это правда. Но от меня тоже кое-что требуется. Должен подготовить себя, чтобы Seigneur помог мне». Я всегда чувствовал, что это правда, но она придала этому такое прямое – почти осязаемое – значение.

После того как встреча завершилась, ко мне подошел мистер Уильям Сигал, который был среди собравшихся; он с одобрением отозвался о том, с какой силой и ясностью я говорил и как настаивал на своем. Он сказал: «Это был настоящий дзенский момент. Разрешите по этому поводу пригласить вас на обед». За обедом он спросил у меня, согласен ли я с тем, что здоровье Земли зависит от сознательной работы ряда людей, как утверждает мадам де Зальцманн. «Вы верите, что ваша работа важна для Земли?»

Я ответил ему, что у меня нет полной уверенности, но эта идея мне кажется не лишённой смысла. Она означает, что есть более высокий смысл моего существования, нежели удовлетворение потребностей эго. Кроме

того, я вырос в Индии, где до сих пор многие верят, что Земля – живая. В одной из Упанишад сказано: «Земля медитирует». Современная наука обездушила наш взгляд на планеты и на Солнце. Однако даже среди ученых есть те, кто полагают, что люди – это сознание планеты, если не всего космоса.

Я сказал, что мне нравится размышлять об этом и жить с мыслью, которую я часто слышал от мадам де Зальцманн: «Человек может служить Земле, становясь проводником между двумя уровнями. Он может получать энергию с высшего уровня, чтобы действовать на низшем уровне, воздерживаясь от автоматических реакций».

Париж, май 1981

Если не подготовить других

День работы в Мезоне прошел очень плодотворно. Снова передо мной встал вопрос: что я тут делаю? Почему я здесь? Почему я занимаю тут место? Чего пытаюсь добиться во внутренней жизни? Я понимаю, что вскоре мне удастся убедить себя, что я не понял как следует задание, которое мне дали, что оно слишком абстрактно или неэффективно. Есть по крайней мере три способа действия. Первый – экономить расход энергии. Следовательно, можно уменьшить напряжение в теле, равно как негативные эмоции и пустые мысли. Кроме того, выполняя работу, нужно использовать лишь самое необходимое количество энергии, то есть сосредоточить ее в той части тела, которая работает. Остальное тело должно быть расслаблено. Во-вторых, не помешает следить за дыханием. В-третьих, чувствовать то одну часть тела, то другую и постепенно ощутить состояние, в котором можно сказать: «Я есть». Это похоже на молитву, которая помогает постепенно углубить ощущения, особенно если не отвлекаться на мысли, почему то или это бесполезно.

Если человек, избирая одну из форм Работы, по сути не посвящает себя сознательной работе, вряд ли он что-то приобретет иным путем.

Я чувствовал себя не очень хорошо. Потом я вспомнил слова мадам де Зальцманн, которые мне передал один мой друг в Париже, о том, что болезней бояться не стоит. Она сказала, что страх производит негативные вибрации и создает проблемы. Страх и напряжение, связанное с болезнью, создают больше проблем, чем сама болезнь. Я уверен, что большую часть времени обращаюсь с собой слишком трепетно и нежно. Тело скорее управляет мной, нежели служит мне. Но как оно может служить чему-то более высокому, чем я сам если оно не служит ничему толковому даже во мне самом?

* * *

Я увидел мадам де Зальцманн в Мезоне: она спешила и была очень занята. Я сперва колебался, но потом решил все равно попытаться встретиться с ней. Я вспомнил, что

однажды в прошлом году в похожей ситуации, когда я сомневался, думал: «Она очень занята, я не должен докучать ей, к тому же у меня нет никаких насущных вопросов, во всяком случае ничего такого, что не терпит отлагательства», – и я решил не звонить ей и не просить увидеться. При следующей нашей встрече она потребовала объяснить, почему я не позвонил. Я объяснил причину, гордый собой оттого, что я так добродетельно пожалел ее. Она терпеливо выслушала меня, пристально глядя в глаза, и сказала: «У меня есть право сказать "нет". Вы должны звонить!»

Насколько я понимаю, я оказался под ее опекой и с тех пор, как это случилось, я не вправе не спрашивать ее. Она может сказать «нет» или «в другой раз». Ей, а не мне решать, встречаться нам или нет. Вскоре я начал понимать, как сложно мне на самом деле дать ей свободу сказать «нет». Что-то во мне часто ведет себя так, словно мне лучше знать, что для меня благо. В некоторых случаях, когда она действительно говорила «нет» или «в другой раз», оказывалось, что я воспринимаю это как личный укол, как осуждение. Я понимаю, что мне нужна помощь, и ищу врача, который сможет вылечить меня; потом настаиваю на своем и диктую доктору, что он должен мне прописать. Если мне помогают, похоже, это случается вопреки мне самому.

Как бы там ни было, на этот раз я попросил ее о встрече, хотя было очевидно, что она крайне занята. Она проявила ко мне большое великодушие; когда я сказал, что не хочу ее беспокоить, потому что знаю, что она занята, она едва сдержалась: «Да, я занята. Но встретиться с вами важно. Я встречаюсь с теми, с кем желаю встретиться».

Затем мы пошли к ней в офис и поработали там. Я описал ей необычные переживания, которые испытал во время медитации накануне вечером, и сказал, что именно поэтому желал поговорить с ней. Она провела медитацию и показала очень действенное упражнение. Что несколько нехарактерно, во время медитации она произносила очень религиозно окрашенные слова и говорила об энергии, которая приводит к рождению новой жизни. К концу медитации я вдруг почувствовал, что всякое напряжение исчезло, что голову ничто не сдавливает. Я отчетливо видел свои мысли: они чрезвычайно замедлились, и я наблюдал за ними без особого интереса, будто они принадлежали кому-то еще. Я шел домой, голова была легкой, и я с интересом изучал свое состояние: очень медленные мысли, необычайно ясная голова, все вижу отчетливо, краски невероятно живые и яркие. Это состояние длилось минут двадцать. Постепенно, от огней уличной рекламы, шума машин и атмосферы всеобщей суеты, ко мне вернулся обычный ход мыслей, а вместе с ним и напряжение в голове. Разница была разительной.

Мадам де Зальцманн с интересом выслушала мой рассказ, уточняла подробности. Потом сказала: «Это совершенно нормально. Стоило приехать в Париж уже ради того, чтобы это испытать».

Казалось, она не торопится меня отпускать. Несколько человек за дверьми ждали встречи с ней. Я улавливал или воображал, что улавливаю, их негативные чувства по отношению ко мне и ощущал некое самодовольство. Но всякий раз, когда я порывался встать, она спрашивала меня еще о чем-нибудь. Казалось, что у нее море времени и что у нее нет дела более важного, нежели болтать со мной. Она задавала мне разные вопросы, например, занята ли в Работе моя жена, сколько у меня детей и так далее. Я уже начал торопиться, поскольку уже на десять минут опаздывал на занятия танцами.

Мадам де Зальцманн сообщила, что на следующий день едет в Лондон, о чем уже упоминала раньше, и пригласила меня поехать с ней. Наконец она сказала: «Позвоните мне, как только прибудете в Лондон. Тогда я буду знать, когда смогу с вами встретиться. Может

быть, мы встретимся послезавтра за ланчем. Теперь отдыхайте. Вам нужен отдых».

* * *

Я понимаю, что не вижу весь ужас своего положения. Я нечасто понимаю, что ничего из себя не представляю. Я могу говорить о высоких материях, питать амбиции. У меня есть уйма идей, ассоциаций и привычек, и в различных обстоятельствах я – это различный набор этих компонентов. Я продолжаю мечтать о славе или воображать ужасы, я поглощен тем, что меня удовлетворило или обидело. Я говорю о жертве, могу распространяться о ее месте в религии или в жизни, но на самом деле особо ничем не жертвую. Я не хочу ни от чего отказываться, будто бы я на самом деле чем-то обладаю. Как верны строки Рене Домала в заметках в конце его книги «Гора Аналог»:

Я мертв, потому что у меня нет устремления;
У меня нет устремления, потому что я думаю,
что обладаю;
Я думаю, что обладаю, потому что не пытаюсь дать.
Пытаясь дать, понимаешь, что у тебя ничего нет;
Поняв, что у тебя ничего нет, пытаешься отдать себя;
Пытаясь отдать себя, понимаешь, что ты ничто;
Поняв, что ты ничто, ты стремишься стать;
Стремясь стать, ты начинаешь жить

(Перевод Ю. Стефанова).

То, что я называю словом «я» или «моя жизнь» – это всего лишь крошечная пульсация в широком пространственно-временном энергетическом континууме. Это факт. В необъятной Вселенной существуют миллиарды других пульсаций, от самых медленных до самых быстрых. По случайности моя жизнь как-то связана с некоторыми другими пульсациями. Как и другие, я исчезну и, может, появлюсь где-нибудь еще в другой форме. Я понятия не имею, есть ли во всем этом преемственность или цель.

Что я призван сделать в своей собственной жизни, в этой части пространства и времени? Как нужно слушать, чтобы услышать? Как откликнуться? Вне поисков ответа на эти вопросы моя жизнь не имеет смысла.

Однажды во время медитации, кажется, в Лондоне на мемориальной церемонии в честь мадам Ланс, которая много лет возглавляла Работу в Англии, мадам де Зальцманн произнесла очень интересные слова, которых я не слышал от нее раньше. Она сказала: «Если человек не подготовит других людей, чтобы те заняли его место и заполнили его уровень, то не возникнут необходимые вибрации, необходимая энергия, и человек не сможет продолжить свое дело в высших сферах. Самый лучший способ выразить нашу благодарность учителям – работать, чтобы им не пришлось возвращаться на более низкие уровни. Если они завершили свое дело на Земле, они свободны и могут продолжить свое дело на более высоких уровнях. Иначе им придется вернуться и снова работать здесь».

Меня глубоко поразили эти слова. Выходит, нужно поддерживать определенный уровень энергии и работы. Нельзя оставлять после себя пустоту, форму без содержания. Меня поработят низшие формы и уровни, если на мое место не придут другие люди. Вот поэтому не только ученикам нужен учитель, но и учителю нужны ученики. Иначе учитель не может освободиться от нынешнего уровня существования.

Париж и Лондон, май 1981

Одни лишь идеи не могут изменить человека

Когда я встретился с мадам де Зальцманн в Лондоне, она начала занятие будто с нуля; но постепенно, по мере того как мы оба погружались в работу, она говорила со все большей силой. Она сказала: «Важно работать часто, постоянно ощущать тело, добиться слияния энергий ума и тела. Одни лишь идеи не могут изменить человека. Настоящая трансформация происходит под влиянием высшей энергии, источник которой - в области над головой, - оттого что энергия приходит в тело и изменяет его. Естественно, тело сопротивляется. Но постепенно и тело соглашается с тем, что трансформация необходима ему. Тогда оно начинает содействовать. Удовлетворяйте лишь насущные потребности тела, но не его прихоти».

Я сказал мадам де Зальцманн, что у меня было такое чувство, будто в самой

глубине моей души или очень высоко меня зовут куда-то, но это ощущение очень зыбкое. Я рассказал ей о том, что испытал накануне: я ощутил себя одной из миллиардов волн в необъятном океане энергии-пространства-времени. Она с большим интересом восприняла мои слова. Я также пересказал ей свой недавний сон: в нем Кришна стрелял в меня из револьвера, вместо того чтобы метать свой диск. Возможно, предположила она, мой ум, который все понимает, пытается заставить мое тело работать.

* * *

Я понимаю, что бездумная суэта играет по крайней мере одну роль. Она питает мое эго. Похоже, мне нужно хоть немного суетиться, чтобы ощущать себя самим собой, словно я следую принципу: «Я суечусь, следовательно, существую». А повод может быть абсолютно любой. Беспокойная мысль цепляется за что угодно. То, что меня тревожит, отражает не истинное положение дел, а всего лишь уровень моего ума. Я заикливаюсь на одних и тех же мыслях. Большую часть времени в этом нет необходимости, и это совершенно бесполезная трата энергии. Но я веду себя так, будто перестану существовать, если не буду беспокоиться и суетиться, будто в этом смысл моей жизни. Боль или смятение, переживаемые без конца, словно помогают мне помнить себя, дают мне ощущение стабильности. Я понимаю, что если не направлю свое внимание в нужное русло, мою энергию поглотит суэта.

Разве не об этом говорила мадам де Зальцманн? Энергия на любом уровне бытия всегда связана с энергией других уровней. Если моя обычная жизненная энергия никуда не направлена и нигде не используется, она потратится впустую. Как она сказала: «Всегда действуйте созидательно. Постоянно бодрствуйте». Эго сопротивляется, когда его ставят на службу чему-то высшему; поэтому оно цепляется то за одно, то за другое, что утверждает его значимость; оно копит обиды, держится за приятные воспоминания и требует будущих удовольствий. Нужно всегда спрашивать себя: "Какому делу служит моя энергия?" Иными словами: "Чему я служу?"».

* * *

Мистер и миссис Уэлч также были в Лондоне на мемориальной церемонии в честь мадам Ланс. Миссис Уэлч очень хотела посетить могилу Орейджа, ее первого учителя в Работе. Мы отправились на поиски могилы, сперва заблудились, но потом отыскали ее на церковном кладбище в Олд-Хэмпстеде. На памятнике Эрик Джилл выгравировал эннеграмму и один из самых любимых стихов Орейджа из «Бхагавадгиты»:

Мудрые не оплакивают ни живых, ни мертвых.

Никогда не было времени, когда не существовали бы я или ты,
Ни кто-то из людей, ибо наш удел – вечное царство.
И никогда мы не перестанем быть.
То, что неистинно, не имеет бытия.
Истинное никогда не перестает быть.

Я с радостью прочитал эти стихи миссис Уэлч на санскрите. «Бхагавадгита» неизмеримо глубока и постоянно дает мне пищу для размышлений. На мой взгляд, это самая гениальная из всех книг, созданных в Индии.

* * *

Занятие с мадам де Зальцманн в ее лондонской квартире прошло чудесно. Мы поработали, потом, как обычно, несколько минут говорили на общие темы. Она не очень торопилась отпускать меня, и мы обсудили разные вопросы. Я сказал, что накануне встречался с Кришнамурти. От знакомого я узнал, что он здесь на несколько дней и что остановился в Броквуд-парке, недалеко от Лондона, куда я и поехал, чтобы встретиться с ним. Я сказал ей: «Кришнамурти всегда говорит о чем-то за пределами мысли и времени. А я всегда спрашиваю его, как постичь тот уровень бытия во времени и с помощью мысли. Здесь мы оба, похоже, беспомощны. Я тут, он там. Мы видим друг друга на расстоянии и зовем друг друга, но мы не можем коснуться друг друга. Нет истинной встречи. Он вдохновляет на поиск, с ним есть о чем поспорить, что обсудить. Но разве истинная трансформация может случиться в результате обсуждения? Мне надо открыть глаза, чтобы я увидел, как двинуться с того места, где застрял; за тем, кто не учит меня видеть, я не могу никуда идти».

Мадам де Зальцманн с большим пониманием отнеслась к моим словам. Я чувствую, что могу идти за ней, потому что она знает все мои трудности и объясняет, как именно их преодолеть.

На встречу с Кришнамурти в Броквуде со мной поехал член группы по Работе. Я с удивлением заметил, что он в штывы воспринимал все слова Кришнамурти. И держался более чопорно, чем было уместно. Как у многих учеников, его мировоззрение сделалось косным, потому что он вообразил, что врата рая можно штурмовать, вооружившись одной лишь мрачной решимостью. Я упомянул об этом в разговоре с мадам де Зальцманн. Она заметила в ответ: «Не может быть, чтобы никто не был бесполезным». Я осекся и с тех пор, несмотря на необычную грамматическую конструкцию, очень ценю этот афоризм.

Каждый раз, когда я думаю об этих словах, я невольно улыбаюсь и в очередной раз понимаю, что человек, свободный от привязок вроде «нравится – не нравится», может увидеть в каждой ситуации и в каждом человеке какую-то пользу и ценность.

Мадам де Зальцманн говорила о том, что жизнь – неудержимая сила. Я сказал ей, что одно из высказываний Успенского, которое всегда мне казалось весьма странным, это мысль о том, что смех – напрасная трата энергии и что Иисус Христос никогда не смеялся. Должно быть, Успенский был религиозным аскетом, хотя стремился создать о себе противоположное впечатление. Индийские мудрецы говорят, что ananda (ощущение восторга) присуще высшему уровню. Без сомнения, смех – это разновидность ананды. Как Успенский мог утверждать, что Христос никогда не смеялся? Мадам де Зальцманн рассмеялась от души.

Потом она говорила о необходимости погрузиться в жизнь. Она сказала: «Все великие учителя возвращаются в мир, даже если в монастыре или где-то под деревом им открылась высокая истина».

Ее очень заинтересовали слова Раджниша про йогу – она прочитала их в одной книге. По его мнению, во всех религиях утрачено понимание того, что единственное, что важно, – это йога. Под словом «йога» он подразумевает духовный метод обретения гармонии. Внезапно я почувствовал, что она, глядя на меня, о чем-то задумалась. Возможно, она решала, в чем я могу принести пользу. Она спросила, занимался ли я йогой, и я назвал ей две классические позы, которые я выполняю каждый день. Она задала много вопросов о моей жизни, о том, что я преподаю, и так далее. Она хотела, чтобы я больше времени провел во Франции, выучил язык, чтобы приезжал летом. Она сказала, что Мишель просит меня прочитать в Мезоне лекцию о «Бхагавадгите» и что она придет ее послушать. С одной стороны, я хочу, чтобы она пришла, с другой – боюсь этого. Кто во мне хочет похвастаться и кто боится? Я таков, каков есть; нельзя притворяться или прятаться.

* * *

Мадам де Зальцманн еще раз разобрала со мной одно упражнение по тихой работе, относительно которого у меня были вопросы, и предупредила, что в группе его можно выполнять только с продвинутыми учениками. Потом она сказала «Вам нужно работать с другими людьми, даже если

в группе всего четыре-пять человек. Тогда вы больше поймете. Помогите им в тихой работе. Делитесь и со своей женой тем, чему учитесь».

Она подчеркнула, что нужно заниматься танцами, что это очень полезно. Она хотела бы показать мне некоторые танцы в связи с фильмом, но пока еще рано. Ученики еще недостаточно подготовлены.

Она показала мне два упражнения, которые посоветовала выполнять, и сказала: «Напишите мне через три или четыре недели, расскажите, чего вы достигли благодаря этим упражнениям и чего не достигли. Будьте на связи; тогда я смогу помочь вам».

Я сказал, что знаю, что она занята, и не хотел бы отнимать у нее время. Она посмотрела на меня с большим участием и сказала: «Я вам скажу, когда занята. Мне нужно кое-что успеть на этой Земле, это правда. Но я скажу вам прямо».

Она говорила о том, насколько мы отождествляем себя со своим телом. «Нам не придется все время возвращаться на уровень физического тела лишь в одном случае: если у нас сформируется второе тело». Она спросила, был ли я на медитации, посвященной мадам Ланс. Я сказал, что меня очень поразила речь, которую она тогда произнесла: о том, как мы можем освободить учителей от необходимости возвращаться на нижние уровни. Она задала мне много вопросов, будто пыталась понять, слышал ли я то, что она тогда сказала.

Потом она говорила об усилении и о способности отпускать. Она сказала: «Не упустите момент в работе, когда необходимо совершенно расслабиться. Что-то нужно отпустить. Это делает усилие. Потом вы доходите до границы, когда это должно стать пассивным. Граница очень тонкая. Усилий можно приложить слишком много или слишком мало».

Лондон, май–июнь 1981, Париж, июнь 1981

В теле есть все

Я понимаю, насколько я напряжен и полон противоречий. Вот я нахожусь в центре Работы и при этом считаю дни до отъезда. Когда я далеко отсюда, горю желанием приехать сюда. Когда я здесь, хочу уехать. Будто я уже насытился даршаной, состоялось определенное число встреч, прошло столько-то дней и так далее – как всегда, дело в количестве – и я начинаю стремиться домой, где я буду выглядеть в глазах других важным, мудрым и таинственным. Когда мой ум просветляется, я понимаю, что на самом деле знаю не так уж много. Тогда я ощущаю раскаяние и желание работать, но тут же внутри меня что-то натывается на невидимую стену. Я это ощущаю физически в районе солнечного сплетения... и потом снова начинаю жить головой и мечтать.

Я понимаю, что уже сейчас мне не терпится уехать. Похоже, мой предел - это десять или двенадцать дней, потом я начинаю скучать по привычной обстановке и кругу людей. Здесь, в Париже, у меня квартира и местонахождение лучше не придумаешь. Но мне не хватает привычных дел и связей. Наверное, мне нужно беспокоиться, думать о повседневных заботах и тратить на это определенное количество энергии, иначе я не буду знать, куда ее девать. Похоже, я хочу не только казаться значимым, но еще и быть полезным. Что-то должно от меня зависеть. Я понимаю, что насилие – как внешнее, так и внутреннее – происходит от чувства собственной ненужности и бесполезности.

Но очевидно, что в мировом

масштабе ни один человек не является незаменимым. Даже в маленьком масштабе я на самом деле не очень-то нужен. Все что угодно на свете может произойти без меня. Поэтому нужно по-новому взглянуть на ситуацию. В чем мое истинное предназначение? Где я по-настоящему нужен? Не собственно я, но данная мне энергия, талант характер. Какова истинная – то есть служащая высшей цели – задача, которую я могу выполнить? Я сам, мое эго, не должно утверждать свою значимость. Гордыня, на самом деле, – это главное, что мешает развитию. Очевидно, что без участия эго я ничего не могу совершить, но когда оно доминирует и вытесняет все остальное, разумный и правильный порядок вещей нарушается. Эго – хороший слуга, но плохой хозяин. Я все больше осознаю, как мало знаю и до какой степени ограничен мой внутренний мир. Я так часто упускаю возможность научиться чему-то истинному. Похоже, для меня важнее быть кем-то особенным, нежели просто быть. Почему? Внутри меня множество всяческих скрытых мотиваций, поводов для беспокойства, напряжения и самообмана. И, видимо, страх – фундамент моего мира, он порождает глубоко укоренившиеся узлы напряжения и сопротивление работе.

В общем, по-видимому, доктор Уэлч прав, говоря, что «Работа не есть общество по самоулучшению». Но эти слова действуют на меня лишь единственным образом: я начинаю лениться, поскольку нахожу еще один повод не работать. Доктор Уэлч с иронией относится к мнению, которое выражается словами: «Если не больно, значит, не работаешь», но я все больше осознаю, что в отношении меня это так: если не больно, на самом деле я вряд ли работаю. Что-то внутри меня – может, эго – действительно нужно унижить или ранить, чтобы я начал работать.

Этим вечером, впрочем, мое самолюбие ущемили не раз. На уроке танцев мадам де Дампьер поставила меня в первый ряд и много раз поправляла. Я понимаю, что могу быть ленивым и нерадивым. Если исправляют, это хорошо. Жозе поступала так же. Я вспомнил слова из «Откровения»: «Кого люблю, того обличаю и наказываю». Она удивлялась, до чего я отрешен от своего тела, особенно для индийца. Она хорошо чувствует, в работе над какими движениями мне нужна помощь. Она предложила мне походить к ней на дополнительные уроки танцев.

Мадам де Зальцманн сказала: «В теле есть все, но мы этого не понимаем. Для этого очень важно достичь состояния внутренней тишины, расслабиться. Но человек не может просто расслабиться. Если я буду все время помнить о своей внутренней цели, осознавать себя здесь и сейчас, я увижу все свои узлы напряженности. Тогда что-то сможет коренным образом уйти, измениться».

От нее исходила большая сила. Мне даже делалось не по себе, если я слишком долго смотрел на нее. Я все больше чувствую, насколько инертен и как мне трудно работать. Как я себя берегу! Что-то чувствую, но не хочу смотреть правде в глаза. Лучше витать в облаках. О лабиринты ума и сердца! И вдруг в этом унынии и смятении мне почему-то вспомнились строчки из «Бхагавадгиты»:

Полагаясь на мою волю во всем, что делаешь, помни о своем истинном Я, ни на что не рассчитывай, не ищи своего, борись без смятения.

Какие прекрасные слова, особенно хорошо они звучат на санскрите. Но как трудно поступать в соответствии с ними! Удивительно: слова «Бхагавадгиты» всегда оказываются жизненны и полезны. Мне постоянно нужно помнить, о чем говорится в этой удивительной книге. Эти слова выражают то же, к чему призывал Гурджиев: «Помните себя всегда и везде».

Париж, май-июнь 1981

Что есть я?

Я закончил читать лекцию о «Бхагавадгите», которую подготовил по просьбе Мишеля. В Парижском Фонде собрались многие старшие ученики, и весь вечер был посвящен очень напряженной работе. Я никогда не обращался к публике с большим вниманием. До сегодняшнего дня я толком не понимал, что от внимания что-то существенно может зависеть. Мадам де Зальцманн сидела в стороне; поэтому я не мог смотреть на нее, не игнорируя остальных. Но один мой друг потом сказал, что большую часть вечера на лице мадам де Зальцманн была блаженная улыбка. Почти к самому концу лекции, когда я привел слова Кришны: «Если я не буду работать, эти слова погибнут», – мадам де Зальцманн внезапно сказала с большим чувством: «Я буду работать. Что есть я?»

Она часто начинала медитацию словами: «Qui suis-je?» - «Кто я?».

Точно так же и я задаю себе этот вопрос снова и снова. Вот он передо мной: не вопрос из книжки, не ее вопрос или мой, а тот самый – вопрос рыбы на крючке. Я что-то понял и поймал себя на том, что говорю слова, о которых даже не задумывался раньше. Больше, чем что-либо, меня поразила невероятная важность уајпа. Я отчетливо ощутил, хотя вряд ли могу объяснить это логически, что уајпа есть сердце любой духовной дисциплины. Обычно это слово переводится как «жертвоприношение», но такой перевод не совсем адекватен.

Это слово подразумевает обмен энергиями между разными уровнями. Много лет назад я читал в Ригведе слова великого мудреца о том, что «уајпа – это пуп мира, вокруг которого обращается Вселенная». До сих пор я не понимал, что это значит. Теперь эта истина представлялась мне очевидной.

Все эти мысли пронеслись в моей голове в мгновение ока. Но мне тяжело слишком долго пребывать на столь высоком уровне ума, и я снова обратился к словам из священной книги. Я начал развивать тему различий между словами Арджуны: «Я не буду бороться», – и словами Кришны: «Я работаю». Мадам де Зальцманн снова сказала: «Я не буду бороться. О

каком "Я" идет речь? Они что-то недоговаривают. Может, не хотят говорить». Я сделал паузу – больше для того, чтобы собраться с духом, нежели для того, чтобы вспомнить прочитанное. Помнить себя и помнить цитату – это вовсе не одно и то же. Атмосфера в комнате весьма оживилась. Я молчал, как мне показалось, достаточно долго и наконец решил, что теперь мой черед не говорить, а слушать. Я обратился к мадам де Зальцманн с тем же вопросом: «А как бы вы это выразили?» Она широко улыбнулась и сказала очень таинственно: «По-своему», Это положило конец очень напряженному обмену мнениями и разрядило обстановку.

Потом Мишель спросил, неужели я нашел в «Бхагавадгите» так много идей, сходных с учением Гурджиева. Я сказал, что, без сомнения, учение Гурджиева произвело на меня очень сильное впечатление, но в «Бхагавадгите» уже все сказано. Он заметил, что обмен мнениями на эту тему был очень полезен и хорошо бы продолжить его в следующем году.

Потом, когда мы встали, мадам де Зальцманн произнесла: «То, о чем вы рассказывали, многим было интересно. Вы правильно говорите о связи священных книг с Работой. Само собой, у них много общего. Если вы не воспримете эти идеи из одного источника, они все равно придут к вам из другого».

Потом мы разговорились, и она сказала: «В Лондоне на занятиях танцами мы затронули что-то очень важное. Стало понятно, как важно изучать танцы и каков источник движений». После некоторого молчания она добавила: «Я вам сообщу, когда поеду в Нью-Йорк, возможно, в октябре или ноябре. Вы можете приехать туда ненадолго. Приезд сюда вам пошел на пользу».

Я потом узнал, что она приехала на лекцию прямо из аэропорта, сразу по прибытии из Лондона. Невероятно!

На следующее утро я уехал из Парижа. Мишель устроил мне шикарный завтрак в отеле «Наполеон». Когда я уезжал, он сказал медленно и серьезно: «Вы останетесь с нами в Париже».

Потом из портфеля он вынул коробку шоколадных конфет и сказал: «Моя мать передала это для вас».

Я уехал из Парижа с изрядным сожалением и с некоторым облегчением. Мне было бы чем подумать. Из Парижа я поездом поехал в Брюссель; всю дорогу я наслаждался шикарным ланчем, какой способны устроить только французы. Меня пригласили на конференцию по философии науки, которая проводилась в Бельгии, в Корсенданке; участников размещали в монастыре постройки XV века. Здание теперь в частной собственности жены президента Национального банка; она держалась очень просто, с аристократической непринужденностью, присущей самым богатым. Монастырь претерпел невольную перемену: у дальней стены, где раньше была часовня, устроили бар.

На конференцию были приглашены около двадцати самых именитых интеллектуалов Европы, все невероятно ученые, специалисты в своей области, все полиглоты. Я оказался там в основном потому, что организатор конференции полагала, что она в долгу передо мной по некоему пустяковому поводу. Мне подумалось, что Соединенные Штаты сполна возвратили долг Англии: английский не был родным языком ни для одного участника, однако на нем велась конференция! Хорошенькая официантка в ответ на мой комплимент сказала: «Надеюсь, вы понравитесь обеду!» И правда! Еды, вина и разговоров было предостаточно, и все, насколько я могу припомнить, самого высшего качества. Хозяйка была почему-то

уверена, что я только что прилетел из Канады, и поэтому держалась со мной очень обходительно. Она старалась выказать дружелюбие и развлечь меня, а я старался «понравиться обеду», согласно пожеланию доброй официантки. Но все казалось пресным. Мое сердце и душа были вовсе не там. Все выглядело чужим, словно я прилетел с другой планеты. У туземцев были забавные ритуалы и интересные манеры, но я не мог увлечься тем, что они говорили.

Я все время возвращался в мыслях к словам мадам де Зальцманн: «Qui suis-je?» Я сам так долго задавал себе этот вопрос. Мои друзья в университете даже прозвали меня Кто-же-я Равиндра, но до вчерашнего вечера я не осознавал всей глубины вопроса. Несомненно, ответить на этот вопрос нельзя, оставаясь на обычном уровне. Нужно трансформироваться, чтобы приблизиться к ответу. Что бы я ни сказал, что бы ни подумал или ни прочел, по сути от этого я не изменюсь – это очевидно.

Лишь высшая энергия может возыметь действие на низших уровнях. Видение, опыт, страдание! Ничто не изменится, если я не буду страдать от того, что из себя представляю. На словах я стремлюсь к чему-то очень высокому. За это требуют высокую плату. Готов ли я принести ту ягью, что требуется?

Вся Вселенная вряд ли могла быть устроена ради моей славы или удовлетворения самолюбия. Я должен осознанно принести ягью – жертву, чтобы свершился обмен энергий. Напряженность и огонь! Ягья – жертвовать своим низшим я, которое лишь ищет своего.

Кто же я?

Париж, июнь 1981, Корсенданк, июнь 1981

Когда появляется высшее Я?

Очевидно, нам нужно удерживаться от искушения навязывать свою волю другим людям – и тем более тому, что выше нас. Высшим, если это действительно выше нас, нельзя управлять. Попытки управлять тем, что выше тебя, – это разновидность насилия над собой, потому что в результате ты закрываешься от высшей энергии. Часто в своих действиях мы склонны навязывать другим свою волю и прибегать к насилию; чтобы избежать этого, нужно быть очень чутким, стремиться жертвовать собой и находиться в служении. Я вспоминаю, как мадам де Зальцманн говорила, что нужно уметь не только полностью расслабиться, но и предпринять усилие. На что опереться, чтобы сделать усилие? И что отпустить, чтобы расслабиться? Она сказала: «Не упустите момент в Работе, когда необходимо совершенно расслабиться. Что-то нужно отпустить. Это делает усилие. Потом вы доходите до границы, когда это должно стать пассивным. Граница очень тонкая. Усилий можно приложить слишком много или слишком мало».

И так каждый раз, словно идешь по лезвию ножа: с одной стороны, лень и бездействие, с другой – навязывание своей воли и насилие. Либо ты расслабляешься и говоришь: «Пусть это сделает кто-то другой!», – либо штурмуешь ворота рая под руководством эго, которое вовсе не изменилось. Мне кажется, очень важно различать низшее л, или эго, и высшее Я. Очевидно, что нужно быть и воином и любовником, одновременно действуя в разных направлениях. Тяжела участь тех, кто любит тьму и борется против восхода солнца. Нам нужно активное восприятие, а не пассивные переживания. Как часто повторяла мадам де Зальцманн: «Энергия не может существовать вне

отношений. Если вы не связаны с чем-то высшим, вас свяжут с низшим и лишат

целостности. Самое главное – быть. Если нет истинного Я, тогда это берет верх».

В конце лета 1981 года я написал мадам де Зальцманн:

«Я стараюсь работать, как вы учили. Я снова и снова нахожу в себе множество потаенных страхов и узлов напряжения, укоренившихся глубоко в моем теле, будто я целиком соткан из этих страхов и тревог. И еще из желаний. Однако я понимаю, что научиться действовать позитивно, то есть служить энергии более высокого порядка – это куда важнее, чем предаваться печали по поводу моей непроявленности. Я понимаю, как трудно связно выразить себя в письме и насколько мне нужно быть ближе и к себе, и к Вам. Я приеду в Нью-Йорк, когда Вы будете там, и потом приеду весной и летом в Париж. Пожалуйста, сообщите мне, когда вы планируете быть в Нью-Йорке. Я понимаю, что легко чрезмерно увлечусь внешним действием и построением планов. Я знаю, что это важно, но, похоже, не в состоянии отводить этому правильное место. Поверхностная активность поглощает все мое внимание, и я действую на автопилоте. В моей голове скопилось гораздо больше наблюдений и открытий, но я не уверен относительно их ценности или глубины. Я оставляю их до нашей встречи в Нью-Йорке».

Вскоре пришел ее ответ:

«Я была рада получить Ваше письмо и вижу, что Ваше пребывание в Париже пошло Вам на пользу. Мне Ваши трудности понятны. Вначале так всегда бывает. Нам нужно встретиться, когда Вы приедете в Нью-Йорк. Возможно, в начале ноября. Я сообщу точную дату, когда Вам лучше приехать».

Я смог поехать в Нью-Йорк лишь несколько месяцев спустя. Мы встретились несколько раз. Она особо подчеркивала, что необходимо добиться слияния энергий сознания и тела.. Для того чтобы эти две энергии, или силы, достигли союза, соединились в любви, нужна нейтрализующая сила видения. Тогда из активной силы ума и пассивной силы тела может возникнуть что-то новое. Этот новый, более высокий уровень энергии становится доступен лишь тогда, когда в низших уровнях все на своих местах; то есть, интеграция нижних уровней имеет ключевое значение для интеграции высших уровней.

Мадам де Зальцманн сказала: «Старайтесь работать. Если нет связи с высшей энергией, все время ощущайте это, осознавайте, что вас сковывает тяжесть, одолевает сон. Постоянно ощущать отсутствие связи – значит добровольно страдать. Это самое главное. Работайте на протяжении часа или около того, затем выполните что-нибудь простое, экономьте силы. Вам нужно учиться действовать в жизни, не утрачивая при этом связи между центрами».

Она подчеркнула, что тело должно быть в правильном положении и полностью расслаблено, лишь тогда можно стать свободным от тела. Как правило, тело целиком контролирует нас. Нужно освободиться от уз тела. Требовать его содействия; наказывать, если надо; давать ему лишь половину того, что просит. В Париже она сказала: «Удовлетворяйте только потребности тела, а не его прихоти». Тело надо контролировать. В ответ на мой вопрос она сказала, что не советовала бы слишком увлекаться постом, но стоит есть поменьше. «Попробуйте есть вполтину меньше обычного и посмотрите, что это даст». То же касается и секса. Она велела пока не задумываться об этом. «Работа забирает много сексуальной энергии. Что нужно, то будет взято. А тем временем она может послужить чему-то еще». Она спросила, не располнел ли я. Она посоветовала мне следить за весом. «Лишний вес – это знак того, что в человеке что-то ослабевает».

Я подумал: а что если желание чувствовать свою значимость, то есть на самом деле значимость это, начинается с поисков истинной значимости высшего Я, но энергия

направляется в неверное русло? Очевидно, что помнить себя – значит все время вспоминать о том, что ты не являешься целостной личностью. Высшее Я не есть это. Самореализация не есть потакание низшему «я». Почему ты появился на свет? Потому что пожелал быть. Желание быть – это *raison d'être* (смысл - фр.) нашего рождения на свет. Отрезать себя от бытия – значит лишиться себя самого смысла существования. Неудивительно, что и в Новом, и в Ветхом Завете одно из самых священных имен Бога - Я ЕСМЬ.

Я спросил у мадам де Зальцманн, как отличить высшее Я от низшего я и как бороться с низшим л. Она сказала: «До тех пор пока в нас нет высшего Я, есть только это. Позвольте этому быть. Мы понимаем, что в нас живет высшее Я, когда ощущаем желание служить. Низшее я не желает служить. Но пока высшее Я живо, пусть низшее вас не беспокоит. Оно может быть полезным. Что еще остается? Когда проявляется высшее Я, это тут же теряет энергию и перестает играть какую-то роль. Оно все еще есть, но уже ни на что не влияет».

* * *

На занятиях в группе Мишель де Зальцманн говорил о том что высшее должно действовать через нас. Это важнее, чем личные усилия, как подчеркивает Успенский. Последнее более экзотерично и потому полезно только вначале. Успенский не говорит об ощущении тела, о танцах или внимании Так Работа может совсем уйти в психологию. Но от нас теперь требуется нечто иное: не действенное усилие, не направленное неверно сверхусилие, а восприимчивость и усиление внимания.

В другой раз на занятии с Мишелем я упомянул, что думаю написать статью об ахимса – ненасилии и о ягье, жертвоприношении ради обмена энергиями между различными планами. Он ответил, что его интересует эта тема: как не навязывать свою волю и позволить высшему действовать через нас. По его мнению, усилие или сверхусилие в этом случае может оказаться вредным. Когда мы приносим в жертву свое эго, открывается возможность обмена энергией с высшими уровнями. Это истинная цель усилия; об этом нужно не говорить, но делать и сознательно требовать этого от себя.

* * *

Сегодня я снова занимался с мадам де Зальцманн, хотя чувствовал, что не заслужил этой встречи. У меня на самом деле не было вопросов, и я не работал после нашего предыдущего занятия. Однако я все-таки решил встретиться с ней – это было сильнее меня; я просто не мог иначе. Она даже спросила, нужно ли мне после стольких наших с ней встреч и занятия с Мишелем по-прежнему заниматься с ней. Я не знал, что ответить. Интересно, понимает ли железный прут, почему его тянет к магниту. Она, как обычно, была очень великодушна. После встреч с ней ясно понимаешь, что нужно работать. Для этого надо преднамеренно страдать и осознанно трудиться. Без осознанной Работы Земля окажется в большой опасности.

Мадам де Зальцманн сказала: «Для того чтобы родиться заново, прежнее «я» должно умереть».

Это заставило меня глубоко задуматься. Что для меня значит «прежнее "я"»? Приятненькое прежнее «я», которое о чем-то думает, чего-то желает. Я понял, что мысль – один из способов навязать свою волю, и это желание происходит от страха. Прежнее «я» – это сумма всех моих страхов и желаний, всех мыслей и знаний, любых схем отношений с миром и людьми. Смерть прежнему «я» точно означала бы смерть. Я содрогнулся и уверил себя, что я прочно связан с окружающим миром. Я не горю пока желанием с ним

распростаться.

Птица в клетке.
Дверца открыта настежь.
Полет ей неведом.
Сидит в клетке,
Сочиняет оду
Свободе.

Лондон, июнь 1981, Нью-Йорк, февраль 1982

Даже у ангелов есть это «Quis suis-je?» («Кто я?»). Мадам де Зальцманн начала сегодня медитацию с этого вопроса. Я ощутил, насколько это верно, точно и по существу. В конце концов это и есть самый главный вопрос. Самая суть. Нет смысла изучать теологию или космологию, если ты не познал себя. Как можно что-то измерить, если нечем измерять? И если не знать, что измеряешь? Майстер Экхарт сказал, что душа бесконечна, как Бог, и нет иного пути к Богу, кроме как через душу человека. Видимо, это правда.

Я спрашиваю себя: «Почему я хочу увидеть мадам де Зальцманн? Что мной движет – тщеславие? Почему мне нужно заниматься с ней один на один? Что мне нужно на самом деле?» Я вижу, что должен работать еще упорнее. Но я не всегда понимаю, что связывает меня с Работой. Учение Гурджиева – это мой путь? Среди учеников очень мало людей, с кем я внутренне не спорил бы. Мадам де Зальцманн – единственная, к кому я испытываю безграничное

уважение. Что есть Путь? И какой мой путь? Что именно я должен делать?

В целом я вижу, что все, что делается во имя Работы, включая то, что делаю я, весьма буржуазно и теплохладно. А в мадам де Зальцманн есть огонь. Она требует горения и от себя, и от других. Теперь она слишком стара, слишком далека от всего земного, ее не волнует, на кого какое впечатление она производит и чье самолюбие надо побережь, она сосредоточена лишь на том, что должна совершить. Рядом с ней я чувствую, что загнан в угол. Я не могу вытворять свои обычные фокусы: не могу очаровать ее или уверить в пользе моих интеллектуальных выводов. Рядом с ней я либо горю, либо страдаю – и иногда в этом огне очищаюсь, – либо придумываю себе оправдания, и страдает она, терпеливо слушая и не теряя надежды. Часто я понимаю потом, что поберег себя, увеличив бремя ее страданий, и упустил возможность оправдать свое существование.

Я предстал перед мадам де Зальцманн по прибытии в Париж, о время своего ежегодного (так уж повелось) паломничества на несколько недель. Просто трудно поверить, что с нами есть такой человек и что можно учиться у нее. Она, как и всегда, проявила ко мне большое великодушие. По ее мнению, мне следует особенно поработать над танцами: продолжать участвовать с другими в тихой работе, завершая ее медленными, экономными движениями. Она особо подчеркивала, что важно правильно настроить тело. Тело должно быть полностью расслабленным, но без автоматизма. Она сказала: «Продолжайте работать с другими, вести профессиональную деятельность, читать лекции, писать книги и статьи. Когда вам нужно, исчезайте ненадолго и будьте наедине с собой. В одиночку работать тяжело, особенно теперь». Потом она прибавила: «Самое главное – это сознательно страдать. Постоянно ощущайте, что связи нет».

Она сказала: «Мсье Гурджиев говорил: "Умрите для себя". Это не значит, что нужно умереть. Это значит, что нужно умереть для всех своих привычек».

Я осознаю, что я есть то, что мне привычно. Если я умру для этого, я умру на уровне привычного. Следовательно, стану свободным от этого уровня. Освобождение и смерть для того, что привычно, – это одно и то же.

После занятия по travail special, как называют тихую работу в Парижском Фонде, кто-то мне сказал: «Тебе достаются все трофеи». Меня эти слова удивили и поразили. Я чувствую, что часть меня также мыслит в терминах наград и наказаний и радуется «трофеям». Но что-то во мне знает, что участие в медитации или в занятиях танцами – это участие в ягье, в обмене энергией, означающем принесение чего-то в жертву. «Трофеи» на самом деле стимулы на этом пути, они призывают нас к страданию. Я отчетливо ощутил, что получить «трофеи» – значит услышать призыв к преднамеренному страданию. Я уверен, что люди, несущие на своих плечах большую ответственность за Работу, страдают больше, нежели остальные. В этом почти вся суть ответственности. Мадам де Зальцманн, конечно же, страдает.

Смысл в том, чтобы не страдать глупо или неосознанно.

* * *

На занятии в мужской группе сегодня вечером мадам де Зальцманн много раз подчеркивала, как важно, чтобы тело находилось в правильном положении. «Ваше тело препятствует правильной связи между центрами» – таков был общий смысл ее речи. Она сама сидит прямо и совершенно без напряжения, показывая на собственном примере, что значит правильное положение тела и связь с высшей энергией.

Очевидно, что надо научиться сидеть, стоять или ходить правильно. Теоретически возможно сохранять связь с высшей энергией при любом положении тела, верном или неверном. Я помню одну встречу с мадам де Зальцманн, когда она не сидела в своей обычной позе. Должно быть, у меня во взгляде читалось осуждение, потому что она сказала, указывая на свою «неверную» позу: «Я могу так сидеть, не утрачивая связи, а вы не можете».

Разумеется, мне нужна всевозможная помощь. Я не должен придумывать себе оправданий, не должен подражать тем, кто сидит в неправильном положении. Мне нужно пребывать в правильной позе, точно также как нужно соблюдать различные правила и установления. Это полезно. Мадам де Зальцманн сказала, что положение тела – это ключ ко всему «Если нога или рука повернуты немного не так, то связь с высшей энергией прерывается и высшая энергия не может проходить». Я вспомнил, что читал о великом дзенском учителе До-гене: еще он говорил о том, как важно соблюдать правильное положение тела.

После встречи мадам де Зальцманн попросила меня пройти в ее комнату. Она спросила, понял ли я то, что она говорила во время встречи. Я ответил, что работал во время встречи, как она велела. Она сказала: «Не совсем! Попробуйте еще раз, и мы поговорим об этом. Позвоните мне завтра».

* * *

Осел хочет идти вперед, но обезьяна упрямится. У меня такое впечатление – и я сказал об этом мадам де Зальцманн на следующем занятии, – что во время медитации мое тело быстрее включается в работу, чем ум, – мысли все время разбредаются.

С головой у меня больше проблем, чем с телом. Она ответила, что я замечаю лишь сопротивление ума, но тело на самом деле сопротивляется еще больше.

Разумеется, слово «тело» может означать все, включая ум. Мне кажется, мадам де Зальцманн подразумевает под этим словом все, что принадлежит уровню Земли. Это понимание несколько отличается от того, к чему я привык. Но в том же значении мы видим слово «плоть» у святого Иоанна Евангелиста. Когда он говорит, что «Слово стало плотью», он имеет виду и ум – тут явно подразумевается нечто гораздо большее, чем буквальное значение слова.

Я подумал: а можно ли каким-то образом помочь телу? Все, что мне приходит на ум, – это пост, воздержание и прочие ограничения. Но мадам де Зальцманн считает, что в этом нет особенной пользы, если это не связано с Работой. Она сказала: «Самое важное – сознательное страдание. В разных религиях и традициях разработали разнообразные практики, которые заставляют страдать, но затем все забыли, для чего это нужно».

* * *

Меня пригласили на завтрак с мадам де Зальцманн и Мишелем. Мишель сказал мне, что Гурджиев часто его спрашивал: «Что ты выберешь: дьявола, который приведет тебя к Богу или бога, который приведет тебя к Дьяволу?» Гурджиев задавал этот

в

прос довольно часто, и каждый раз надо было придумывать свежий и правильный ответ. Я задумался, что бы я выбрал.

Мы говорили на общие темы. Я заметил, что все проявления низшего я очень примитивны. Мадам де Зальцманн задумалась, а что было бы, если б не было низшего я. Она сказала: «Когда появляется истинное Я, эго встает на свое место. Мсье Гурджиев кому-то советовал развивать свое я, потому что они были слишком слабы. Потом, когда эго переставало быть нужным хозяину, мсье Гурджиев советовал погрузить его в холодную воду».

Под словом «эго», похоже, она подразумевает все, что мы себе присвоили. Я понимаю, что есть разница между присвоенным и присущим личности изначально. Реализовать себя – не значит самоутвердиться. Истинное Я, которое достойно воплощения, не есть то, что мы присвоили. Однако без определенной формы или упорядоченности энергий не может быть ответственности и нельзя предпринять никакое действие. Таким образом, для того, чтобы воплотить свою личность, выразить истинное Я, нужна определенная форма, способность действовать и брать на себя ответственность. Нельзя сказать, что Иисусом Христом руководило эго, но даже ему нужно было обрести тело, чтобы исполнить волю своего Отца. Свобода от эго не означает потерю личности, иначе просветленной душе уже незачем будет жить и она может просто умереть. Почему Будда стал учить других? Он ведь не получил от этого никакой личной выгоды.

Этот мир – ошибка? Неужели единственная цель инкарнации – выбраться из этого мира? Должен ли человек просто стать духом без каких-то отличительных черт? Мадам де Зальцманн часто говорит о том, что важно действовать в этом мире. Истинный вопрос в том, как посвятить себя позитивному действию, свободному от личной корысти и, самое главное от эгоизма. Как быть собой, но не быть поглощенным собой? Как обрести себя истинного, не делая истиной самого себя?

Нужно четко видеть разницу между тем, что мы присвоили, и тем, что присуще нам

изначально. Индуисты, как правило, желают отринуть и то, что присвоено низшим «я», и то, что присуще личности; они стремятся к тому, чтобы пребывать в самадхи, в недеянии. Христиане пытаются спасти душу, спасти свою личность, но часто в итоге начинают искать своего? Ни высшее Я само по себе, ни эго не дают ответов. На любом уровне нужно их взаимодействие. Тогда низшее я человека уподобляется линзе, которая улавливает и фокусирует солнечный свет высшего Я, и таким образом в мире будет поддерживаться надлежащий порядок. Нужно ни одно или другое само по себе, но верное отношение между ними. Это так на всех уровнях бытия. Как сказала мадам де Зальцманн: «Даже у ангелов есть эго, из более тонкой материи. И им так же трудно совладать с ним, как и человеку».

Париж, апрель–май 1982

Если тело не готово

Почти всякое усилие исходит от низшего л, и, следовательно, уже поэтому тут есть элемент навязывания своей воли, присвоения и насилия. Истинное ненасилие, которое не следует путать с недостатком силы, – это послушание высшему порядку. В этом случае высшее зовет и низшее отвечает. Необходимо делать усилие, даже сверхусилие, потому что, как говорит Кришна, «действие лучше, чем бездействие». Но эти действия на самом деле экзотерические. Самое главное – позволить высшему действию осуществиться через тебя. Действие не может породить бытие; действие должно проистекать из того, что ты помещаешь себя в правильный миропорядок. Первый принцип истинной экологии – ненасилие, то есть ненарушение истинного порядка.

В мифах и священных текстах разных народов сказано, что У дракона, которого надо победить, твое собственное лицо. Я знаю, что это правда, но что-то во мне не хочет признавать этот простой факт. Согласие с миропорядком дает мне не столько личную свободу, сколько свободу от меня самого. Но низшее я желает утвердить себя, и я хочу ощутить свою значимость. Мне трудно принять истину на ее условиях; я пытаюсь так или иначе присвоить ее. Я не очень точно помню слова мадам де Зальцманн об этом: «То, что истинно, не может принадлежать мне; то, что принадлежит лишь мне, не может быть истинным».

* * *

Мадам де Зальцманн снова говорила о связи с высшей энергией. «Высшая энергия рядом, но она не может сойти вниз, если тело не готово, не свободно полностью от напряжения и не пребывает в гармонии. Когда установлена связь между центрами, энергия спускается вдоль позвоночника». Для этого существует упражнение, в котором концентрируют внимание на одной части тела; так очищаются каналы, по которым может сойти высшая энергия.

Мадам де Зальцманн считает, что крайне важно приготовить тело, достичь состояния гармонии, чтобы осуществилась связь с высшей энергией. Она просто сказала: «*Sans cette relation, vous n'avez pas de sens*» - «Без этой связи в вас нет смысла».

Я пытаюсь понять до конца смысл этих слов. Разумеется, любое истинное прозрение или великая идея приходят свыше, с того уровня, который мне, как правило, недоступен. Как мой человеческий разум может постичь это? Что обычно происходит: в какое-то мгновение меня затрагивает что-то, какое-то откровение. Потом меня захлестывает поток ассоциаций и объяснений, и я начинаю все искажать и приукрашивать. В результате простота идей и связь их с опытом утрачиваются. Я понимаю, что в таком случае духовные сокровища – это ловушки; строгость и бедность скорее приблизят нас к Истине.

Как воздействует на нас идея? В этом корень вопроса. Можно обсуждать Закон Троичности, или Эннеаграмму, или что угодно и, разумеется, это все нужно знать; но если идея не вызывает в человеке никаких перемен, в этих обсуждениях на самом деле мало смысла.

В прошлое воскресенье во время занятия с большой группой мадам де Зальцманн задала очень простой и важный вопрос: «Вы участвуете в Работе уже несколько лет. Как изменилась ваша обычная жизнь?»

Действительно, это насущный вопрос. Давно пора спросить себя: как влияет Работа на мою жизнь?

Я все чаще осознаю, что мало работаю. Как на самом деле понять, что значит «преднамеренное страдание»?

* * *

Снова и снова мадам де Зальцманн подчеркивает: «В теле есть все. Связь с высшей энергией зависит от готовности тела. Будьте требовательны к себе. Нужно по-настоящему осознать, прочувствовать, собственные сопротивления тела и ума». Я сказал ей, что все яснее вижу, насколько я пассивен, и что по-настоящему не работает ни один энергетический центр. Меня более-менее увлекают лишь некоторые упражнения и виды работы и работа в одиночку. В остальных случаях в любом деле я не могу обойтись без напарников. На самом деле я оживаю, лишь когда рядом есть другие люди. Выразить что-то через письменное слово мне очень трудно, это слишком одинокая и рассудочная работа. Она просто сказала: «Не надо поддаваться лени. Вы сами не знаете, кто вы и на что способны».

* * *

На занятии в группе мадам де Зальцманн говорила с большой убедительностью: «Господь, Seigneur, рядом, но ему необходимо мое тело, чтобы прийти. Тело не готово. Нужно его приготовить. Когда ум и тело объединятся, появится высшая энергия, которую в разных религиях называют Seigneur» (Господь).

У меня было ощущение, что между головой и туловищем открылся почти реальный физический канал.

Она продолжала: «Этого нельзя достичь без жертв или усилий. Но это должно быть сделано. Это необходимо для поддержания жизни мира. Тело должно служить еще чему-то кроме себя самого. Телу суждено погибнуть; оно должно служить чему-то высшему».

Потом, когда я оказался с ней один на один, я задал вопрос о готовности чем-то жертвовать. Я ощущаю, что готов жертвовать своими силами, временем, деньгами. Но есть какое-то препятствие. Может, это дьявол внушает мне сомнения: а не движет ли мною, хотя бы отчасти, мое низшее я? Она сказала: «Вам придется узнать на опыте. А как иначе? У вас есть свой искуситель. У каждого он есть. Он не хочет работать и придумывает любые оправдания. Узнайте на опыте».

Париж, май 1982

Важно работать именно сейчас

Мадам де Дампьер спросила меня, что для меня оказалось самым полезным в этот приезд в Париж. Я ответил: «Тихая работа и танцы. Я понимаю, насколько инертно мое тело и несобран ум, и все острее чувствую, что в теле нет гармонии». Я с некоторым удивлением узнал от нее, что сказала мадам де Зальцманн: по ее мнению, мое тело очень восприимчивое. Я сам этого точно не ощущаю. Мне кажется, я инертен и глуп, как огромная горилла, в плену у своих привычек и лени. Мадам де Зальцманн часто говорила, что в теле есть все. Иногда я даже чувствую это, но по-настоящему не уделяю телу внимания. Мое тело не в гармонии; может, мое сознание, может, в какой-то мере даже чувства – но не тело. В любом случае нет достаточной связи между телом и головой.

Я часто осознаю, что нахожусь в плену своего невежества; похоже, у меня есть только обычные удовольствия и обычные желания и амбиции – вот и все, что я из себя представляю. Нередко мне кажется, что я даже не пытаюсь понять смысл своей жизни и найти свое призвание. Не это ли мадам де Зальцманн имеет в виду, когда говорит, что нужно осознавать свою пассивность? Если те, кого я уважаю, мадам де Зальцманн или миссис Уэлч, сообщают мне что-то обо мне, на минуту я проявляю интерес, а потом у меня возникают сомнения, объяснения, теории, и я снова принимаюсь ходить по кругу. Как я могу умереть и освободиться из тюрьмы, которую сам сотворил или, по крайней мере, в которую сам себя заточил? Как вырваться из плена привычек?

Мадам де Дампьер отметила, что моя Работа теперь стала более предметной. «Теперь вы во всеоружии, – сказала она. – Вы осознаете свое положение и над этим должны работать».

Надеюсь, что так. Но я еще и боюсь.

Я пожаловался мадам де Дампьер, что у меня паралич мысли, хоть голову отрубай – настолько я оступел. Она ответила, что порой даже если человек не думает и не говорит ни слова, может наступить паралич мысли. Она сказала: «У нас есть и тело, и ум. Необходимо и то и другое. Ум не может обходиться без мыслей, точно так же как легкие не могут не дышать. Но нам нужно

учиться мыслить по-иному. Мысли без слов – это внимание. Это энергия ума, которую нужно направить в тело. Даже если вы усердно работаете над этим лишь полчаса в день, ощущаете глубокое удовлетворение. Начинаете не просто мыслить ассоциативно, но прозревать суть вещей. Поэтому нужно давать себе задания, ставить цели. Задача лишь в том, чтобы энергия ума соединилась с энергией тела. В качестве подготовки полезно научиться ощущать свое тело».

Я сообщил мадам де Дампьер, что не нахожу достаточной пищи для души в изучении различных наук или духовных традиций. Она заметила: «Вначале полезно изучать традиции, чтобы понять, что Гурджиев не выдумал свое учение. Но потом нужно все отпустить. А когда человек начинает что-то понимать на опыте, можно вернуться к традициям».

Эти слова выражают именно то, что я чувствую. Мне неважно, найду ли я поощрение своих действий или подтверждение своего опыта в какой-то духовной традиции или науке. Что-то либо истинно, либо нет. Истинно не потому, что так говорится в Библии или в Бхагавадгите. А потому, что знаешь на опыте. Это и есть то, что для меня теперь Работа. Это есть то, что мне нужно, то, чего я желаю. Нужно работать предметно, видеть непосредственно. Учиться чему-то, организовывать группы, читать лекции о Работе – это не главное. Если у меня нет связи с высшим умом, вся моя Работа – это витание в облаках или переливание из пустого в порожнее. А чтобы возникла эта связь, тело и ум должны быть в гармонии.

Как что-либо сделанное под влиянием обычного сознания может привести к трансформации? Наверное, все группы по изучению тем «Работа и традиции», «Работа и наука» и так далее - гораздо полезнее для тех, кто уже видит все с высшей точки, потому что они могут добиться того, чтобы истинное видение привело к действию в нашей обычной реальности и изменило ее. Но с точки зрения начинающего ученика вопрос таков: «Как изучение этих идей может приблизить меня к высшему уму?» Чтобы переместиться в иной мир, нужен радикальный отказ от всего обыденного и привычного. Высший мир, разумеется, не есть расширение или надстройка нижнего мира. Поэтому и Кришнамурти утверждал, что мысль не может привести к Истине. Мы везде создаем Город Обезьян – начинаем изучать какой-то предмет, становимся экспертами, но забываем о самом главном. Надо всегда спрашивать себя: «Что сейчас самое главное?» Все остальное ненужно и, следовательно, грешно. Истинное искусство должно быть простым, должно отринуть все, что не есть необходимость. Так же и в отношении искусства жить по-настоящему, искать по-настоящему – здесь это даже важнее, чем в каком-либо другом искусстве.

* * *

Я понимаю, что низший ум – это источник проблем, и он не подскажет верных решений. Как прав Уильям Блейк, когда он говорит о «рассудке, как об огромной змее, обвивающей мои члены, сдавливающей меня при малейшем движении».

Я сказал мадам де Зальцманн, что ощущаю, будто заперт в собственной голове, а все при этом советуют полагаться на разум и решать задачи в таком ключе, ориентируясь на рассудок. Она сказала: «Рассуждать для вас сейчас не самое насущное. Вам нужно работать, особенно важна тихая работа. Работайте упорно, часто и подолгу, когда возможно – вместе с другими людьми. Сейчас для вас главное – ощутить связь с высшей энергией. Все остальные удовольствия – пища, секс, деньги, дети – найдут свое место. Все деньги мира или полсотни детей не откроют эту дверь».

Она говорила о том, что нужно жертвовать чем-то, платить, главным образом через добровольное страдание, постоянное переживание собственной немощи. Я никогда не видел, чтобы она говорила с такой силой. Она была далеко и близко, бы-ла требовательной и сострадательной. Она спросила у меня: «Вы готовы заплатить сколько потребуется?»

Меня это сильно потрясло, почти до слез. Я хотел сказать «да», но чувствовал, что не могу, что во мне что-то сопротивляется. Я понимал, что стремлюсь к чему-то очень высокому но не желаю платить за это.

Она убедительно говорила о том, что важно работать теперь, в настоящий момент. «Важно работать именно сейчас. Сейчас, а не потом – другой такой возможности не будет. Чтобы использовать ее, вы должны потрудиться. Вы это понимаете?»

Требование мадам де Зальцманн: «Важно работать сейчас» и ее лицо – строгое и волевое, но не суровое – врезались в мою память. Мне нужно спрашивать с себя, хотя бы с себя самого. Иначе я буду в себе глубоко разочарован. Кто я? Что требуется от меня? Готов ли я заплатить эту цену?

Париж, май 1982

Одних лишь идей мало

Через несколько месяцев после того, как я вернулся из Парижа, я написал мадам де

Зальцманн:

«По мере того как время, проведенное с Вами, уходит в прошлое, я ощущаю все большее смятение. Что тогда казалось ясным, теперь источник сомнений. Меня снова одолевают мысли о том, что все бессмысленно и любые усилия тщетны. В частности, мне трудно что-то от себя требовать. И что-то во мне все с большим успехом находит оправдание. Я не хочу жить ради низменных позывов, но, похоже, не в состоянии ответить на призыв свыше. По-настоящему меня не увлекает ничто, кроме Работы, но при этом я все равно не работаю. Я знаю, что должен работать, но забываю об этом, словно вообще ничего никогда об этом не слышал. Я прихожу к выводу что мне очень помогает Работа с другими людьми».

Это было летом 1982 года, когда в Париже, Лондоне и Нью-Йорке кипела работа над фильмом о гурджиевских танцах. Осенью пришел ответ от мадам де Зальцманн:

«Мне очень хорошо понятно состояние, о котором Вы говорите. Вы на пороге новых возможностей, но Вам нужно упорно работать, иметь волю принять решение, которое нелегко будет выполнить. В этот момент одних лишь идей мало. Есть сила, высшая сила; она внутри нас, но не действует через нас, пока наше состояние препятствует этому – пока нет гармонии между центрами. На этом этапе от идей толка нет, человек должен ощутить свою немощь, прочувствовать, пострадать от этого и все свое внимание обратить на установление внутренней связи, которая откроет дверь высшей энергии. Мы можем основательно поработать над этим, когда Вы приедете. Я приезжаю специально для того, чтобы заняться с учениками танцами, - в фильме должна была показана новая стадия Работы».

* * *

Встреча с мадам де Зальцманн, как всегда, была чудесной. Я все больше убеждаюсь в том, что мне надо учить французский, потому что ей трудно выражать оттенки смысла на английском, хотя ей вряд ли нужен какой-либо язык вообще. Она, без сомнения, все понимает даже без единого слова. И она говорит с такой силой, что ее речь воспринимается почти физически. Однажды я сказал миссис Уэлч, что человек понял бы суть и вес слов мадам де Зальцманн, даже если бы она говорила по-китайски!

Она снова говорила о необходимости ощущать свою немощь. «Страдать из-за того, каков ты есть, – вот преднамеренное страдание». Это не ее слова, но то, как я их понимаю. Тело нужно ограничивать, но не мучить.

Мадам де Зальцманн сказала: «Тело и сознание не понимают друг друга. Если тело это чувствует, оно что-то получает и начинает содействовать. Тело должно стать инструментом. Если необходимо, наказывайте тело. Можно сказать себе: "Пока не установится связь, не буду есть". Можно отказать телу в каком-нибудь другом удовольствии».

Мадам де Зальцманн говорила о двух потоках энергии. Когда человек открыт вертикальному потоку, формируется астральное тело. Другой поток, горизонтальный, – это энергия физического тела. Эти потоки не существуют один за счет другого или вместо другого. Без вертикального потока в нашей жизни нет смысла. Но без другого потока энергии в мире невозможно никакое действие. Чтобы стать целостным, нужно осознавать оба потока».

Она сделала жест рукой, который впервые для меня открыл смысл крестного знамения. Она добавила: «Никто не может сделать это за другого. Иначе для него это может быть даже

опасно».

Мадам де Зальцманн попросила меня встретиться с ней еще раз перед возвращением в Канаду. Ее щедрость и теплота просто переходят все границы. Она очень занята: столько людей приезжают с ней встретиться. Я и просить не смел, а она пригласила меня еще раз. А когда она заносила мое имя в записную книжку, она не могла вспомнить мою фамилию! Очевидно, что имя – это просто какая-то условность. Слишком дорожить своим именем и беспокоиться о собственной значимости (что я обычно и делаю) – значит увлекаться внешней мишурой, а не тем, что истинно.

Чем больше я осознаю, в каком я неоплатном долгу перед старшими учениками, тем больше меня это пугает. Я вижу, какой высокой жизнью живет мадам де Зальцманн и как велико ее сострадание, и я начинаю понимать, почему Симон, сын Ионин, был так потрясен собственным ничтожеством в присутствии Христа. «Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный», – сказал он.

Мадам де Зальцманн рассказала об одном эпизоде, случившемся в последние годы жизни Гурджиева. Она приехала к нему в Швейцарию. Он выглядел очень печальным и подавленным. Она спросила у него: «Вы переживаете потому, что мы недостаточно работаем? Мы чего-то не делаем?» Он с большой горечью сказал ей, что между тем, что нужно сделать, и тем, что удалось, огромная пропасть. Он чувствовал сострадание к ученикам и при этом понимал, что не может совершить Работу вместо них. Потом он жестом попросил ее пойти и поиграть на пианино.

В глазах у мадам де Зальцманн стояли слезы; она вспоминала об этом так живо и с таким чувством, что я инстинктивно взял ее за руку. Она очень тепло улыбнулась. Я ощутил, что она чувствует в отношении меня то же, что Гурджиев чувствовал в отношении нее, – огромную пропасть между тем, что нужно, и тем, что достигнуто. Я ощущал свою немощь, свое ничтожество. Я понимал, что не делаю того, что требуется.

Переписка, июль–август 1982, Нью-Йорк, декабрь 1982

Если бы не тщеславие...

Во время занятия в группе я хотел задать вопрос, который вдруг прозвучал из уст самой мадам де Зальцманн: «Что значит Работать: принимать себя таким, каков ты есть, или бороться с тем, каков ты есть?»

Из последующего обсуждения мне стало ясно, что одно не противоречит другому. Принять себя таким, каков ты есть, страдать от этого, постоянно ощущать свою немощь – значит бороться с самим собой. Когда мне не нравится то, что я вижу, я хочу измениться, чтобы больше не страдать от того, каков я есть. Но я понимаю, что на самом деле не могу измениться, поскольку вижу лишь то, что на поверхности. Более того, то, каков я есть, – это результат всей моей предыдущей жизни, большую часть которой я не понимаю. Поэтому я делаю вид, что преобразился. Делаю вид, потому что не могу принять себя таким, каков я есть. Изредка все же случаются прозрения, но энергия, которая приходит таким образом, тратится на бесплодные выдумки и не преобразует нас. Преобразить нас может только огонь страдания. Преднамеренно страдать, несомненно, значит страдать и от того, каков ты есть.

Когда я общаюсь с мадам де Зальцманн, я чувствую, что она видит и самые глубинные, и поверхностные слои моей личности. Она знает, что поможет мне реализовать самые сокровенные потребности и желания, которые не противоречат тому, что объективно нужно.

Ведь самая глубокая часть моей личности, равно как и личности любого человека, принадлежит Царству истины. Требуется найти лишь свой способ служить чему-то высшему. Учителя указывают нам путь, который Должны понять и которому должны следовать. Я понимаю, что колебания, непослушание и даже самоуничтожение - это все проявления низшего «я». Священное действие не имеет ничего общего с понятиями «нравится» – «не нравится» или с перспективой провала либо успеха; это просто то, что нужно сделать. Кришна так часто говорит об этом в Бхагавадгите. Если достичь совершенной простоты, откроется самая глубокая часть личности – та, которая, по выражению Данте обитает в высших небесах. Как он прекрасно сказал в конце «Божественной комедии»:

Здесь изнемог высокий духа взлет;
Но страсть и волю мне уже стремил,
Как если колесу дан ровный ход,
Любовь, что движет солнце и светила.

(Перевод М. Лозинского)

* * *

Я спросил у мадам де Зальцманн про связь между тщеславием и страхом. Я вижу, что они взаимосвязаны, но что первопричина: страх или тщеславие? У меня по этому поводу много вопросов, но мое внимание рассеивается, когда я пытаюсь исследовать себя на сей счет. В этом случае сильнее, чем когда-либо, я ощущаю, что во мне что-то сопротивляется, мешает увидеть все, как есть. Когда я говорил с ней на занятии, я чувствовал себя необычайно хорошо. Полагаю, отчасти оттого, что я нарочно мало ел перед встречей, но не могу за это ручаться. Ответ мадам де Зальцманн меня несколько удивил. Она сказала: «Напишите статью об основных идеях Работы. Это необходимо сделать». Потом она задумалась и добавила, умеряя как мой страх, так и тщеславие: «В частности, тогда вы начнете все понимать несколько лучше».

На тот краткий миг, когда я ощутил приступ страха и тщеславия, и в то же время отстранился от них, должно быть, я сделался более восприимчив, чем обычно. Она долго испытующе смотрела на меня. Затем улыбнулась и добавила: «Вам нужно работать еще интенсивнее».

Это низшее я всего боится; оно хочет всем нравиться, хочет, чтобы им восхищались, и боится неодобрения. Кроме того, низшее я уверено, что я все смогу. Очевидно (и мадам де Зальцманн часто говорила об этом), что все истинное не может принадлежать низшему я, а то, что принадлежит только низшему я, не может быть истинным.

На следующем занятии мадам де Зальцманн говорила о том, что человек всегда чего-то боится; он избавлен от страхов только когда ощущает связь с высшей энергией. Я задумался об этом, и мне стало ясно, по крайней мере в теории, что лишь на уровне Абсолюта можно быть свободным от страхов и желаний. На всех прочих уровнях свобода относительна. Теперь эта мысль кажется очевидной и даже банальной, но в тот момент оттого, что я это ясно ощутил, у меня появилось чувство внутренней легкости и свободы. Если человек не признает, что все относительно, он неизбежно считает свое мнение абсолютной истиной, хотя это не более чем умозрительная конструкция, поскольку в Абсолюте мы не пребываем. Так уже в самом начале пути мы обрекаем себя на поражение. Мысль о том, что все относительно, на самом деле помогает не терять надежду. Может быть, мы не станем совершенными, как совершенен Отец Наш на Небесах, но мы способны сделать один

маленький шаг в правильном направлении как во внутренней, так и во внешней жизни. В реальной жизни старшая сестра или брат может стать более важным учителем и примером для подражания, чем совершенный Отец. Конечно, учитель должен быть связан с потоком высшей энергии.

В ответ на мой вопрос о высшем Я и низшем я мадам де Зальцманн спросила, приходилось ли мне ощущать высшее Я. Я описал разные случаи, как я ощущал в себе присутствие высшего Я, или пророка. Об одном из таких случаев она заметила: «Это была очень высокая энергия». Потом добавила: «В ней можно пребывать все время».

Я сказал ей, что страх и тщеславие мешают мне. Она заметила: «Если бы не тщеславие, что бы еще нами двигало? Когда приходит нечто высшее, тогда тщеславие, или низшее я, автоматически занимает подчиненное место».

Нью-Йорк, декабрь 1982

Тело должно служить чему-то высшему

«Я вижу, что вы по-прежнему способны ощущать тело. Это нужно развивать дальше», – это были практически первые слова, которые я услышал от мадам де Зальцманн по приезде во Францию из Индии. Она часто говорит о восприимчивости моего тела. Это меня удивляет, особенно если вспомнить, насколько тяжело мне даются танцы. Что она имеет в виду? Меня все больше интересует, что она хотела сказать; мне уже мало того, что эти слова тешат самолюбие и повергают в некоторую растерянность от мысли, что нехорошо таять от похвалы. Со временем я понял, что она подразумевает под «ощущением тела». Это сочетание трех моментов: направленного внутрь внимания, правильного дыхания и отсутствия напряжения в теле. Мне кажется, ее замечание не относится лично ко мне, имеется в виду скорее моя национальность и культурные корни. В любом случае, чем бы ни являлось это «ощущение тела», как она заметила, его надо развивать дальше.

Я спросил, каким образом развивать. Она улыбнулась, будто ждала моего вопроса, и сказала: «Дело не в том, что вы должны что-то делать или чего-то достигать. Низшее я никуда не исчезнет. Нужно видеть. Осознавать, что вам необходимо понять, кто вы, – вот что самое главное».

Мадам де Зальцманн сообщила мне, что в Нью-Йорке ей делали операцию на глаза. Она сказала: «Теперь я вижу гораздо лучше. Я вернулась из Америки неделю назад. Я вижу, что все сильно постарели. Вы единственный, кто не стареет».

Я только-только вернулся из Индии, где провел два с половиной месяца, и был в крайне плохой физической форме. Но у меня не было времени пожаловаться, потому что она переключила скорость и сказала: «Самое главное – это осознанное внимание, оно должно становиться все тоньше и сильнее».

Затем она словно за руку привела меня в нужное состояние, я все внимание обратил внутрь себя. У меня было такое ощущение связи с высшей энергией, прикосновения к таким тайнам глубинам, что на глаза навернулись слезы. Я сидел, по большей части закрыв глаза, и она смотрела на меня. Последний раз испытал нечто подобное три месяца назад в Нью-Йорке, куда отправился, чтобы встретиться с ней перед отъездом в Индию.

Она сказала: «Голова мешает. Когда голова вмешивается, связь утрачивается. Голова начинает думать и комментировать».

Было очевидно, что ощущение ушло. «Позвоните мне, если вам что-нибудь понадобится: если вы захотите походить на чьи-то занятия танцами или на групповые занятия и медитации».

Я сказал, что сделаю, как она посоветует. Я слишком часто решаю, что мне нужно, но на самом деле не знаю этого. У меня есть свои соображения, и хочется успеть сделать и то и это. Но я не знаю, что на самом деле для меня полезно. Она улыбнулась и сказала, что посмотрит, что будет мне полезно, и позвонит мне через день. Я не знаю, как можно быть столь великодушным, полным тепла и сострадания, как мадам де Зальцманн.

Я вспоминал свои прошлые визиты в Париж и встречи с мадам де Зальцманн. Я часто понимаю – обычно уже после того, как уезжаю, – насколько мало слышу. На самом деле я не слышу и не вижу ничего, что радикально отличается от моих собственных идей и ожиданий. Я так поглощен самим собой и так убежден, будто знаю, что правильно, что даже когда спрашиваю про что-либо, подспудно я высказываюсь насчет того, как все есть или как должно быть. В этот раз, отправляясь на встречу с ней, я сказал себе (как говорю и сейчас и намерен повторять это каждый день, пока я в Париже, чтобы это дошло до самых глубин моей души), что я здесь не для того, чтобы учить, спорить, критиковать или жаловаться. Я здесь, чтобы учиться. Я должен все время об этом помнить. Когда я впервые приехал в Канаду, один чело-век преподавал мне хороший урок, сказав: «Если вам тут не нравится, почему вы не возвращаетесь туда, откуда приехали?» Я полагаю, что здесь в Париже я как бы духовный иммигрант; и если мне тут не нравится, я могу вернуться туда, откуда я приехал. Если я уже все знаю, мне незачем быть здесь. Если я чего-то не знаю, мне нужно помнить об этом и открыться чему-то новому. Позднее мадам де Зальцманн позвонила мне и сообщила, какие рекомендует посещать занятия в группах, медитации и танцы. Она желала фактически, чтобы я встретился и познакомился со всеми старшими учениками и инструкторам. Затем она сказала: «Позвоните мне, если вам что-то понадобится». Я увидел, что в расписании занятий, которое она подготовила, встречи с ней были всего лишь раз в неделю. Снова поколебалась моя решимость только принимать и ничего не требовать самому. Я сказал, что желал бы встречаться с ней чаще, если у нее есть время. Она, не задумываясь, ответила: «Да, вы правы. Звоните мне каждый день утром, и будем выяснять, сможем ли встретиться в тот день. А завтра приходите в десять» Очевидно, нельзя просто сдаваться

и делаться пассивным так ничего не выйдет. Нужно постоянно проявлять инициативу; но еще и следует оставить место для того, о чем ты не просил и чего не ждал.

* * *

Вчера на групповых занятиях мадам де Зальцманн излучала большую силу. Она была подобна и ястребу, и тигру одновременно, и черты ее лица чем-то напоминали лица североамериканских индейцев, которые я видел на портретах их вождей прошлого века. Вдруг она спросила меня по-французски, все ли я понял. Я сказал: «Да, мадам». И снова по-французски она попросила меня описать в деталях, что значит для меня работать: «Что вы делаете?» Меня это как следует встряхнуло. Я заговорил по-английски, и она начала отвечать по-английски. Вдруг ощущение стало совсем другим. Как будто зачарованный круг языка, звука и смысла был разорван. Английский казался таким тусклым, невыразительным.

Я спросил о том, о чем спрашивал раньше и что до сих пор мне не совсем ясно: мне кажется, у меня проблемы в основном не с телом, а с мышлением, я не могу сосредоточиться. Она ответила, что внимание рассеивается, отвлекается на ряд ассоциаций потому, что тело очень напряжено. Из-за этого не осуществляется связь ума с телом. Тело должно быть полностью восприимчиво и полностью расслаблено. Она часто повторяет:

«Если где-то есть узел напряженности, связь прерывается».

«Тело нужно дисциплинировать – наказывать или награждать, но не мучить. Оно должно научиться служить чему-то высшему Тело должно быть готово. Без работы ваша жизнь ничего не значит. Без связи с высшим уровнем энергии работа не имеет смысла. Если внутри вас нет этой связи, вы ничто».

Чем убедительнее она говорила, тем яснее я видел себя зеркале сознания, весь свой груз тщеславия, лени и привычек Однако все время осознавать это мне сложно, и вскоре мой ум вернулся к мыслям о вчерашнем и завтрашнем дне.

Во время встречи я очень ясно ощутил, что мне не будет прощения, если моим детям не представится шанса познакомиться с ней. Я решил спросить у нее после встречи, когда я мог бы привезти их, просто ради даршана, ради того, чтобы они увидели ее.

Очевидно, что мадам де Зальцманн чувствует свою ответственность за тех, с кем работает. Она внушает нам, что Работа – это насущная необходимость, и требует, чтобы мы работали дважды, а то и трижды в день. После встречи она сказала мне, что едет на два дня в Лондон. «Вы можете, если хотите, поехать в Лондон со мной. Но для вас лучше остаться и поработать над танцами и в группах». Как в предыдущих случаях, когда она уезжала в Лондон, она добавила: «Вы можете позвонить мне в Лондон, если понадобится». Она дала мне несколько упражнений, над которыми велела работать, и выразила желание даже в отъезде приглядывать за мной.

По возвращении из Англии, мадам де Зальцманн попросила меня рассказать, что я вынес из упражнений, которые она велела выполнять. Я описал, как пытался преодолеть во время медитации телесные ограничения. В результате происходило нечто интересное. В ноги поступала новая порция энергии, прилив ощущений, и после длительной медитации в позе лотоса я без труда мог встать и ходить. Я понял, что в теле есть все и что необходимо предпринять усилия с целью привести себя в состояние полной расслабленности. Нужно ограничивать себя на том уровне, где мы можем ощутить спонтанный всплеск энергии, нисходящей с другого уровня бытия. Мадам де Зальцманн задала мне много вопросов и подытожила: «Тело должно служить чему-то высшему; иначе в нем нет смысла. Оно не может служить только себе».

Париж, май 1983

Нужно и совершать усилие, и все отпускать

Суть Закона Трех (The Law of Three) состоит в том, что существуют три силы: активная, пассивная и примиряющая; то есть подразумевается, что есть две противодействующие силы, и это противоречие нужно преодолеть. С этим связана любая идея борьбы, сопротивления, волевых усилий и так далее. Если в таком ключе рассуждать о мужской и женской энергиях, то мы, само собой, получим идею борьбы полов. Но бывают ситуации, когда обе силы стремятся к одной цели и никоим образом не противоречат друг другу Лишь в таком случае происходит соединение в любви; лишь тогда может родиться что-то новое, качественно иное. То же верно и в отношении энергий тела и ума, если я правильно понимаю мадам де Зальцманн. Лишь когда эти энергии взаимодействуют и соединяются в любви, возникает что-то новое.

Вот такое же чувство рождается, когда видишь фреску Микеланджело в Сикстинской капелле: Творение – это когда сближаются Бог и человек, верхнее и нижнее. Насколько я понимаю, этот взгляд в индийской традиции не особенно в чести. Там всегда преобладает

стремление освободиться от кармы, от тела, от всего царства пространства-времени. Но для чего нам свобода? Для чего освобождение, если не для правильных взаимоотношений между Небом и Землей, как внутри себя, так и снаружи?

Сегодня утром во время тихой работы я пережил нечто необычайное. У меня возникло такое сильное и явное ощущение, что тело, как невесту, зовут на брачный пир, в котором жених – это высшая энергия. На брак приглашены все час тела. Поле нужно вспахать, возделывать его и охранять.

В моем мозгу молнией пронеслась мысль, что «Гита Говинда» и «Песнь Песней» воспевают вот такую любовь. Тонкое, восприимчивое, глубокое чувство – это новое творение. Это есть тонкое тело, или душа. Это тонкое тело – Мария, зачавшая от Духа Святого и родившая Слово.

Влияние головы, пустопорожних мыслей, видимо, сродни действию негативных эмоций и напряжения в теле: они мешают союзу Вот с этим и нужно бороться, здесь нужно быть на страже. Брачную палату следует оградить от посторонних. То, что происходит между влюбленными, дело тонкое, и для этого должно найтись подходящее тихое место.

Нужно быть и воином, и любовником. Во всех духовных книгах иногда один аспект подчеркивают сильнее, чем другой, но нужно сочетать в себе и то и другое. Кришна одновременно и воин, и любовник. Нужно быть мудрецом-королем (раджариши) и воином-любовником (вирапреми).

* * *

Вчера на занятии мадам де Зальцманн сказала: «Земле нужна сознательная работа. Ей нужна высшая энергия. Если я не пускаю высшую энергию в свое тело, как еще ей прийти на Землю?»

Я очень глубоко ощутил это во время медитации. Подобно тому, как деревья становятся для нас проводниками солнечной энергии, так же и мы через нашу работу можем помочь высшей энергии сойти на Землю. Земле нужна наша работа, потому что мы можем быть проводниками или станциями, передающими энергию от Солнца Земле.

Мадам де Зальцманн сказала: «Когда человек ощущает связь с высшей энергией, он не реагирует автоматически. Он видит, что все чему-то служит. И на то, что происходит внутри, у него нет автоматических реакций. Человек понимает, как можно использовать энергию, которая тратится на негативные эмоции и повторяющиеся мысли».

Я сказал ей, что чувствую в глубине души большое сопротивление Работе и трансформации. «Я недостаточно ощущаю потребность в этом. Я не понимаю, что работать нужно, что эта необходимость назрела. Неужели я на самом деле не вижу весь ужас своего положения? Я помню, как Кришнамурти сказал мне однажды: «Вы не видите, что дом горит». О чем нам всегда надо помнить и о чем мы всегда забываем: в обычном состоянии сознания мы отрезаны от Истины, от энергии, которая поможет нам видеть ясно, придаст смысл и значимость нашей жизни. Из-за тщеславия, лени, страха и зависимости от желаний мы отрезаны от великого царства Бытия и изолированы от мира на очень маленьком клочке пространства, называемом «я сам». Никакая деятельность, никакая слава и удовольствия не имеют смысла, если ты отрезан от самого главного. Иногда я чувствую, что понимаю слова мудреца Яджнавалкья в одной из древних Упанишад: «Лишь ради истинного Я (Атман) мы любим семью, или царство, или даже самих себя»

Ни в каком учении нет смысла, если оно не приводит к познанию истинного Я. Я должен страдать оттого, что отрезан от высшего Я, не ощущаю связи с ним. Единственное, что по-настоящему нужно, – все больше отдаваться своему истинному Я. Для этого надо жить с ощущением свободы, но без чувства страха. Пока тобой владеет страх, нельзя понять что-то истинное. Но ужас отрезанности от Истинного не есть страх в обычном смысле слова. Этот ужас исходит не от низшего я, он происходит от мимолетного соприкосновения с истинным Я, которое желает воплотиться и которое нужно питать.

Как работать со всей отдачей, чтобы уменьшить печаль Того, Кого ничто вместить не может? Его бесконечность. Если это нас волнует не только на словах, нужно быть готовым преднамеренно страдать и жертвовать чем-то.

* * *

Мне часто кажется, что мадам де Зальцманн говорит что-то новое, не то, чему учил Гурджиев, хотя очевидна преемственность учения. Видимо, теперь акцент не на том, что нужно предпринять усилие, а на том, что нужно отдать себя высшей энергии, которая приходит из области над головой. Возможно, теперь ученики готовы к этому.

И, похоже, она говорит об этом лишь последние четыре или пять лет. Она сказала: «Вся работа связана с высшей энергией и с тем, что нужно позволить ей пройти через себя, даже при движении. В этом помогают танцы».

С одной стороны, в Работе – особенно в книгах и лекциях Успенского и Гурджиева – постоянно говорится о волевом усилии, сознательном труде, целенаправленных действиях и так далее. С другой стороны, как, в частности, подчеркивает мадам де Зальцманн, надо отдавать себя, все отпускать. В продвинутых стадиях медитации человек даже не думает о теле.

Тело будто во сне, оно остается в одном положении и ничего не требует. Имеет значение только тонкое внимание, свободное от эгоцентричных мыслей ума и тела. Можно сказать, что забвение, в каком-то смысле, отчасти воспоминание о связи с истинным. Это нужно понимать, чтобы отрешиться от собственной воли, усилий, целей и так далее, чтобы суметь услышать призыв свыше и служить высшей цели. Как сказала мадам де Зальцманн, «нужно и совершать усилие, и все отпускать. Важно знать, где эта точка перехода. Граница очень тонкая. Низшее я делает усилие, но потом оно должно стать пассивным. Всегда ищите равновесия».

Я понимаю, что большая часть усилий уходит на то, чтобы исправить искаженное время. Лишь тогда можно пребывать здесь и сейчас. Это «сейчас» – оно во времени, но оно вне времени; тут речь скорее о качестве бытия. Мы желаем жить именно так, в вечности, и нам необходимо освободиться от времени. Время и мысль очень тесно связаны. Действие может быть священным лишь в том случае, если оно родилось в вечности и проявилось в настоящем времени.

* * *

Вчера вечером на занятии с мадам де Зальцманн я медитировал очень глубоко. Я все лучше понимаю, что можно прочесть много книг, с восторгом говорить о высших идеях и пережить какое-то расширение ума, но от этого человек не трансформируется. Конечно, можно оставить мысли о высоком, и тогда нас поглотят приземленные заботы: счета,

инфляция, новости дня и прочее. В этом тоже нет гибкости. Если мы не осознаем себя и не видим себя ясно, нас поработают повторяющиеся мысли. Как можно освободиться от того уровня, где мы заиклены на себе – на деньгах, славе, пище и сексе, – где коренятся все страхи и желания? Как мне освободиться от самого себя, целиком состоящего из страхов и желаний? Я понимаю, что мне мало теорий. Мне нужны конкретные факты. Но готов ли я заплатить, сколько потребуется? Я понимаю все лучше, что жертва, которую нужно принести, – это отказ от попыток самоутвердиться.

Париж, апрель-май 1983

Я может пробудить меня

Порой я совершенно отчетливо понимаю, как мне сложно направить свои усилия на Работу и как отчаянно я сопротивляюсь. Похоже, тщеславие и самолюбие движут мной почти все время. Как посвятить себя исключительно Работе? Как постоянно ощущать свою немощь?

Работать – значит бороться, постоянно выбирать между «да» и «нет». Это значит поступать как велит долг, преодолевая обычную эгоистичную волю. Мадам де Зальцманн говорила об этом очень ясно и убедительно.

Сегодня я особенно ясно ощутил, что сознательное усиление внимания гораздо важнее, чем усилие мускулов. Наверное, первое – это усилие жизни, тогда как второе – усилие деяния. Нельзя принижать значимость никакого усилия; если есть чистота намерений и желание работать, то любое усилие, даже самое слабое и поверхностное, правильно и полезно.

Преднамеренная работа (или осознанное внимание) и добровольное страдание – вот ключи к Работе. Если я не ощущаю связи с энергией, которая приходит свыше, я должен добровольно страдать. Надо постоянно ощущать свою немощь и отсутствие связи. Если эта связь осуществилась, нужно просто продолжать преднамеренную работу, сознательно усиливая внимание. Вот и все. Все остальное – просто слова. Ощутить связь с высшим уровнем, с истинным Я – значит вспомнить себя. Меня призывают, я отвечаю. Когда меня призывают, когда я не слышу, что меня зовут, или когда я не могу ответить, я страдаю.

Вчера вечером в Мезоне медитация была особенно глубокой. В какой-то момент ощущения были настолько сильны, что я почувствовал, что вот-вот потеряю сознание. Может, это оттого, что душно, или потому, что мы в замкнутом пространстве или почему-то еще. Я подумал, не стоит ли встать и выйти или просто лечь между рядами. Но я не хотел никого беспокоить и устраивать переполох, отключившись у всех на виду. Весь этот внутренний диалог занял минимум времени. Наконец я лег где сидел, меня словно накрыла волна – и я потерял сознание. Не знаю, надолго ли, возможно, не больше чем на минуту. Потом я сел, как раньше, и продолжил медитировать вместе со всеми, будто ничего не случилось. Но мое сознание стало невероятно ясным.

Я сидел довольно далеко от первого ряда и был уверен, что никто не заметил, как я лег на пол во время медитации. Но потом мадам де Зальцманн пригласила меня в свой кабинет. Она задала мне много вопросов и сказала, что в мое тело вошла энергия очень высокого уровня, но я не был к этому готов и не мог принять ее. Она увидела, что немного погодя я снова сел и продолжил работать. Она сказала: «Вы похожи на меня в молодости...» Я был так рад услышать эти слова; я не мог бы придумать большей похвалы. Прежде чем я смог насладиться ею, однако, она добавила, словно для того, чтобы уравновесить фразу «...та же решительность и надменность».

И я оказался подвешен между надеждой и реальностью, фактом и возможностью.

* * *

На следующем занятии мадам де Зальцманн сказала: «Необходимо поддерживать связь между телом и сознанием – то есть ощущение. Тогда вы открываетесь энергии, которая приходит из области над головой. Пока есть связь с этой энергией, вы ощущаете определенную свободу. Когда связи нет, в вас всегда живет какой-то страх».

Потом, во время медитации, у меня было очень отчетливое ощущение в области темени, будто на нем покоилась рука Божия. Говорят, частота дыхания не совпадает с частотой энергии, которая приходит свыше. Это так: энергия совершенно независима от тела, независима от мысли, ощущений, дыхания.

Я осознал, что мой внутренний мир подобен дому, в котором все должно пребывать в гармонии. Мой обычный ум и обычное тело должны соединиться через ощущение. Тогда возникнет внимание, которое, как бдительный страж, замечает все, что нарушает гармонию: напряжение, негативные ре-акции, пустые ассоциации. А когда в доме воцарится гармония, осознанное внимание может подождать у двери-головы. Внимание ожидает Гостя, который приходит свыше. Чем совершеннее гармония в доме, тем в большей степени внимание обращено к Гостю. И когда Гость приходит в дом, внимание сопровождает его повсюду.

Сегодня я ощутил присутствие; я слышал, как упал лепесток розы.

* * *

Мадам де Зальцманн сказала: «Тело – это не самое главное. Самое главное – это истинное Я, которое не зависит от физического тела. Тело необходимо высшей энергии, тело нужно для того, чтобы она могла проявлять себя. Если связь с высшей энергией достаточно сильная, то есть если человек позволяет высшей энергии пройти через себя, истинное Я может сотворить новое тело. Сознательный отклик, или внимание, которое исходит от меня, от я низшего, – это нить, связывающая Я высшее и низшее. Я мне не принадлежит. Я может пробудить меня, чтобы я послужил Земле. Вся Земля нуждается в большем количестве сознательной энергии».

В присутствии мадам де Зальцманн можно осознать, сколь огромен путь, по которому идет наше развитие. Сам по себе я не понимаю, что есть жизнь на Земле, и не понимаю, какова моя ответственность за сохранение и за эволюцию жизни на Земле. Но что-то внутри меня ощущает это. Необходимо усилить связь с сознательной энергией. Для этого нужно непрестанно и упорно трудиться, работать ради себя и на благо Земли. Таким образом можно приблизиться к исполнению великой клятвы Бодхисаттвы – помочь эволюции всех сознательных существ.

* * *

Мадам де Зальцманн была очень занята на съемках фильма. Она попросила меня позвонить ей до отъезда из Парижа, и она скажет, сможем ли мы увидеться еще раз. Когда я позвонил, выяснилось, что у нее слишком много забот и что ей не удастся встретиться со мной. Поэтому я попрощался, и она сказала: «Я желаю вам всего самого доброго. Может, мы встретимся еще – где-нибудь, когда-нибудь».

Раньше я никогда не задумывался о том, что, возможно, вот сейчас я говорю с ней в последний раз. Это меня потрясло. Я решил, что нужно сознательно работать самому и понять смысл ее слов: «Я может пробудить меня, чтобы я послужил Земле».

Париж, июнь–июль 1983

Оставляйте дверь открытой

Чем ближе был день моего отъезда из Парижа, тем больше я начинал опасаться возвращения в Канаду. Я был уверен, что вскоре меня захлестнет привычная жизнь и что на занятиях в группе все снова будет как раньше. Мне оказали такую помощь, однако я не могу сказать, что многое во мне преобразилось. И вправе ли я рассчитывать, что в других что-то по-настоящему переменится? Но вернуться домой нужно, я должен возделывать собственный сад.

Я понимаю, что истинная свобода – это свобода от себя самого. Я сам – это ничто, только усвоенные мной условности, хорошие или плохие. Будда сказал: «Я ничего не делаю по своему хотению. Я свободен». Полагаю, он был совершенно свободен от измерения, где царит «хочу» или «не хочу». Он видел, что необходимо делать, и поступал так, независимо от того, нравилось ему это или нет. Но я всегда делаю то, что мне нравится, если обстоятельства не вынуждают меня поступать иначе.

* * *

Меня очень поразила поэма поэта XVII века Жана Расина под названием «Plainte d'un Chretien, sur les contrarietes qu'il eprouve au dedans de lui-meme» («Плач христианина о противоречиях, каковые он находит в себе самом»). Он в точности описывает мое положение:

Боже Мой, какая тяжкая борьба!
Я вижу в себе двух человек:
Один желает исполниться любви к Тебе,
Всем сердцем быть верным Тебе,
Другой противится Твоей воле –
Протестует против Твоего закона.

Эти слова перекликаются со стихом из «Махабхараты»:

Я знаю, что правильно, но не делаю этого.
Я знаю, что плохо, но не воздерживаюсь от этого.
Ты, Кришна, живущий в моем сердце,
Сотвори со мной, что желаешь.

* * *

Летом я пытался работать самостоятельно и на деле применить то, чему научился у мадам де Зальцманн. Я написал ей осенью письмо, в котором рассказал о том, что переживаю, и спросил совета:

«Пребывание в Париже в марте–июле очень много мне дало. Хотя я понимаю, что желание и силы работать нужно искать в глубине своей личности, мне, похоже, нужна помощь из правильных внешних источников. Где-то очень глубоко в себе я ощущаю сопротивление – отсюда сомнения и мысли, что любые усилия напрасны и бессмысленны.

Иногда вместо того, чтобы по-настоящему прилагать значительные усилия, я только думаю о работе. И все-таки хоть урывками, хаотично, но я продолжаю работать.

У меня есть к Вам пара конкретных вопросов, которые мне хотелось бы понять яснее. Под "энергией ума" мы понимаем "внимание"; под "энергией тела" мы понимаем различные степени "ощущений". Когда мы говорим о "присутствии", мне кажется, что это соединение внимания и ощущения, которое не локализуется в какой-то одной части тела, но распределяется по всему туловищу. В таком состоянии, когда стремишься "открыться высшему разуму и телу", иногда, мне кажется, я переживаю сошествие высшей энергии, которая приходит из области над головой, входит в тело и проходит вдоль спины. Как правило, движение этой энергии ощущается вдоль позвоночника; потом она идет в область живота, но там останавливается и выше не движется».

Немного погодя, после того как я отправил письмо, я разобрался в своих тетрадях, и мой дневник упал и раскрылся на странице, где был ответ на подобный вопрос. Я говорил, что часто ощущаю, что энергия, сошедшая в тело, не поднимается выше уровня живота. Мадам де Зальцманн сказала: «Это не важно. У этой энергии своя жизнь. Может, сейчас и не надо, чтобы она поднималась. Оставьте дверь открытой, позвольте энергии двигаться по-своему».

Становится все более ясно, даже очевидно, что мое тело не может быть полезным само по себе; оно должно служить чему-то высшему. А если тело или ум служат чему-то высшему, они не могут ему диктовать, как себя вести. Тело-ум должны слушать и слушаться. Вот поэтому им надлежит быть в полном расслаблении и покое; иначе нельзя ничего услышать. Если не слышишь, не можешь слушаться.

Париж, июнь 1983, Галифакс, октябрь 1983

Пока не разовьется новое тело

Когда я пришел на занятие к мадам де Зальцманн, она сказала: «Ах! Как давно я вас не видела».

Я сообщил ей, чего достиг с помощью двух упражнений, которые она мне посоветовала выполнять. Она заметила: «Надо быть свободным от тела. Понятно, что тело играет свою роль. Даже если человек перестает нуждаться в теле для самого себя, он по-прежнему может обитать в теле ради других. Мне нужно тело, пока не разовьется иное тело. Тело все время требует: "Мне, мне, мне!" Но если я ощущаю связь с более тонкой энергией, тогда веду себя иначе, не твержу: "Мне, мне, мне!"

Для вас теперь это самое главное: работайте полчаса или около того, пока не ощутите связь с высшей энергией, и потом, в течение дня, постарайтесь вспомнить это и ощутить, что это самое главное. Даже если вы не установите связь, помните, что ее нет. Это самое важное, над чем вам сейчас следует работать». И добавила: «Ощущать тело недостаточно. Нужно достичь связи с высшей энергией».

Я задал вопрос о сексуальной энергии: я ощущал ее прилив в течение одной или двух недель, когда усиленно занимался тихой внутренней работой. Следует ли подавлять эту энергию? я заметил, что такой прилив сексуальной энергии меня несколько удивил, потому что, мне казалось, она должна была израсходоваться во внутренней работе.

Она сказала: «Сексуальная энергия может использоваться при работе лишь в очень продвинутой стадии. В настоящее время ничего с этим не делайте, иначе можно навредить. Так же с едой и питьем. Телу это необходимо, тело этого хочет; оно имеет на это право».

Мадам де Зальцманн сказала мне, что Работа продвигается с успехом, особенно в некоторых моментах. Когда я собирался уходить, она спросила, сколько лет я занимаюсь Работой. Я не знаю, что на меня нашло. Я ответил без колебаний: «Много жизней». Но тут же пожалел о своих легкомысленных и дерзких словах. Она пристально посмотрела на меня, остановив поток моих невысказанных извинений и молчаливых мыслей. После, казалось, долгой паузы она произнесла: «Вы правы. То, что вы говорите, правда». У меня было ощущение, что передо мной человек, который просматривает мои предыдущие жизни.

Позднее на занятии в группе мадам де Зальцманн говорила о необходимости слияния энергий сознания и тела. Она сказала: «Всему творению нужна эта связь. Когда мы связаны с чем-то высшим и служим общей цели, тогда мы реагируем не автоматически».

Видимо, я отрезан от высшей энергии, поскольку часто понимаю, что реагирую автоматически. Я вспомнил слова одного из посланий Иоанна: «Мы от Духа Святого, потому что любим братьев». Если я не от Духа Святого, я не связан с высшей энергией и не люблю других – не могу любить; я способен лишь автоматически реагировать.

* * *

В Швейцарии, глядя, как мадам де Зальцманн (ей уже девяносто пять) идет вниз по горной тропе в Шандолине, я испытал огромный прилив благодарности. Она себя совсем не бережет и всегда чего-то от себя требует. Каждый рядом с ней исподволь приобщается к ее поиску и усилиям. Мы все желаем откликнуться на ее учение, потому что видим в ней пример для подражания.

В конце дня, превратив, как сказал Мишель, «обычный семинар в необычайный», мадам де Зальцманн ушла. Насытившись той незримой пищей, которую она дала нам, и все еще ощущая ту энергию, которая воплощена в ней, мы все с восхищением смотрели, как она шагает вверх по горной тропе. Вдруг Жозе де Зальцманн вспомнила, что хотела дать мадам де Зальцманн кусок пирога, который специально испекла для нее, но от обилия впечатлений забыла. Я вызвался догнать ее и отдать пирог. Мне кажется, я никогда не двигался так быстро и легко. Я вскоре догнал мадам де Зальцманн на тропинке, ведущей вверх по склону.

Несколько дней спустя, когда мы отмечали окончание семинара, желающих попросили изобразить жестами или как-то иначе вспомнить самые значительные моменты тех дней. Для меня самым значительным событием недели был визит мадам де Зальцманн, и я был счастлив побежать за ней с пирогом вверх по горному склону. Меня тогда переполняли чувства, во многом и чувство благодарности, и тело в этом случае правильно и легко выполнило свою роль. И теперь я попытался изобразить, как бегу по горной тропинке с пирогом для мадам де Зальцманн в руках. Все угадали, на какой случай я намекал.

Но я не мог бы выразить ни словом, ни жестом, насколько в моем сердце отозвались слова, которые она произнесла днем, когда мы общались один на один: «Зачем вы живете? Каков смысл вашей жизни?»

Нью Йорк, март 1984, Шандолин, июль 1984

«...Боюсь, что не сумею»

Я снова еду в Нью-Йорк. Чего я ищу? Точно не церковь, которая дала бы мне утешение и ощущение собственной значимости. Мне нужна обстановка, не позволившая бы мне лениться и забывать о своей истинной цели. Я не знаю, кто я. Но мне нужно это узнать, и я

желаю узнать это. Что от меня требуется? Мне так много дано. Как можно забыть страшный закон, выраженный в Евангелии: с того, кому дано много, много и спросится?

Каков теперь мой вопрос? О чем стоит спросить мадам де Зальцманн? У меня на самом деле есть серьезный вопрос? В каком-то смысле я устал от вопросов. Я вижу, что в вопросах есть некоторый элемент насилия. То, чему я желаю открыться, неизмеримо выше моего обычного уровня, а вопрос исходит из моего уровня, навязывает узкие рамки. Я вспоминаю, что Фрэнсис Бэкон писал о методе научного познания. По его мнению, ученые не могут и не должны прислушиваться к природе как наивные дети; наоборот, природу нужно вздернуть на дыбу и устроить ей суд. Так вопрос превращается в допрос. И я понимаю, откуда во мне берется это стремление: оно проистекает из желания контролировать то, что исследуешь. А желание контролировать, в свою очередь, порождается страхом.

В любом случае, неважно, чего я прошу. Есть, разумеется, вопросы; но самое главное – это быть с ней, видеть ее, знать, что она видит меня. Меня питает ее присутствие. Просто быть с ней дышать тем же воздухом, работать с ней рядом – все это значит для меня куда больше любого вопроса, каким бы умным или важным он ни был. Мои вопросы привязывают меня к моему уровню. Мне нужно с изумлением слушать слова мадам де Зальцманн о том, что ей открыто, и смириться с тем, что я их не понимаю.

Мадам де Зальцманн выглядела очень усталой, когда я вошел в кабинет. Она, очевидно, была сильно занята: какой-то старший ученик только что покинул кабинет, и после нашего занятия вошел кто-то еще.

Она больше не интересуется обыденной жизнью и многое не помнит, но когда говорит о Работе, то преображается. Наверное, теперь она состоит в основном из тонкого тела, которое едва связано с земным телом. Я помню, как она говорила, что, даже если человеку тело перестает быть нужным, он все еще может жить в нем ради других людей. Очевидно, что многим необходимо ее присутствие рядом с нами в физическом теле. И мне самому это нужно, что-то во мне еще не примирилось с мыслью об ее уходе.

Я уточнил у нее, правильно ли выполняю одно упражнение, которое она рекомендовала, – оно мне давалось особенно тяжело. Я спросил, как отдаться Работе без страха. Она сказала: «Настоящий страх – это когда мы боимся, что не сумеем».

Потом с ее помощью, как не раз мы уже делали, я выполнил упражнение по работе с энергией, которая приходит свыше и движется по телу. Она сказала, что эта энергия связана со вторым телом. «Второе тело может стоять за пределами обычного тела, спереди или сзади, если оно сильно развито. У него свой разум. Это тело развивается через работу и внимание».

После медитации я с необычайной ясностью понял то, что меня очень интересовало когда-то, но о чем я не думал несколько лет. В работе большое внимание уделяется движению энергии в теле во время медитации. Мне кажется, что в дзен, напротив, пытаются управлять естественным движением энергии в теле, направив ее в хара. В Киото мы с Роши Кобори Долго обсуждали эту тему, но не пришли к какому-то общему знаменателю. Я понял, что движение энергии, как и дыхание, происходит и тогда, когда мы не обращаем на него внимания. Однако точно так же, как и в случае с дыханием, усиление внимания меняет качество движения.

* * *

Мадам де Зальцманн приехала в Нью-йоркский Фонд на празднование 13-го января. Несколько неожиданно для меня она стала рассказывать о смерти Гурджиева: «Он позвал меня и сказал: "Останьтесь тут и наблюдайте, как я выйду". Тогда его второе тело вышло из первого тела. Что-то чудесное, сила была великая. Мы можем развить второе тело через Работу».

На несколько мгновений я задумался, почему она говорит о смерти Гурджиева в то время, когда мы празднуем его день рождения. Ее слова казались не совсем уместными. С другой стороны,

как знать? Может, она говорила о новом рождении; или, возможно, говорила о собственной смерти. Она сказала, что скоро ей будет сто лет.

Мадам де Зальцманн просила держать связь через Хенри Тракола и ее сына. Словно она прощалась с американцами. Как знать, приедет ли она снова.

Один эпизод в фильме, который мы смотрели сегодня вечером, – танец под названием «Выражение космического порядка», – произвел на меня огромное впечатление. Танцовщица движется во внутренний круг и врата за ней закрываются. Она обращает взгляд наверх и поворачивается к воротам, которые открываются. Она входит во внешний круг, и ворота закрываются за ней. Она передает людям на нижнем уровне это видение и эту энергию. Мадам де Зальцманн была рядом, и я сам все еще светился после нашей встречи, состоявшейся в тот же день, чуть раньше, и от этого весь танец казался истинным и естественным. Я никогда так не воспринимал ни один танец. Мы действительно получаем что-то свыше и передаем людям, и это было красноречиво выражено в танце.

* * *

Вчера на занятии в группе я спросил у мадам де Зальцманн: «Как мне узнать, что я вижу, делаю или переживаю то, о чем вы говорите?»

Для меня это важный вопрос, нужно знать точно. Я мог просто вообразить, что переживаю именно то, что она описывает. Но я только слышу ее слова и не знаю, что она испытывает на самом деле. Это вопрос общения, объективности, точности символов языка и так далее. Она адресовала мой вопрос мистеру Траколу, который ответил, что по-настоящему важно не столько найти ответ на сам вопрос, сколько не останавливаться на этом, но продолжать искать и углублять свой опыт.

Мистер Тракол, который, мне кажется, походит на индийского мистика, сказал очень умную речь о тонкой взаимосвязи между усилием и принятием. По его словам, идеи – это то, что нам предлагают, как приглашение на танец. «Меня зовут на танец. Не для того, чтобы попытаться, но чтобы испытать. Меня испытывают». Я вдруг ясно ощутил, что, хотя мне важно видеть самому, еще важнее, чтобы меня увидели с выигрышной перспективы высшего сознания. Нужно тонкое сочетание усилия и ненапряженности; можно оказаться не только слишком пассивным, но и слишком активным на своем уровне.

Мистер Тракол сказал, что Гурджиев иногда чрезмерно выделял какой-то аспект учения. Но если в следующий раз кто-то вспоминал: «А на прошлой неделе вы говорили...» – он нередко отмахивался от этого и заявлял: «Как я мог сказать такую глупость? Важно не заикливаться на какой-то одной точке зрения. Нужно всегда быть чутким и мыслить гибко; иначе не сможешь танцевать».

Нью-Йорк, январь 1985

Даже «очень хорошо» – мало

Я спрашивал себя, как я могу понять и воплотить в жизнь слова: «Когда человек пробуждается, он может умереть; когда он умирает, он может родиться»? Что во мне должно умереть? Как я могу это увидеть? И как я могу умереть?

Когда я встретил Мишеля де Зальцманна за завтраком, он говорил о том, что нужно стать человеком номер четыре, который готовится стать человеком номер пять, истинным человеком, отдающим и получающим. Я затронул тему о пробуждении, смерти и рождении, и мы долго говорили об этом. То, что он сказал, мне показалось очень интересным. Мишель делал акцент не столько на смерти для всего вообще, как Успенский, сколько на пробуждении высшего Я – тогда маленькое я постепенно умрет, растворится в большом Я.

* * *

На следующем занятии с мадам де Зальцманн она вновь стала говорить о том, что энергия ума должна соединиться с энергией тела, и о том, что нужно постоянно ощущать тело. «Когда вы спокойны и расслаблены, пытайтесь двигать руками или ходить, ощущая свое присутствие. Тело необходимо нам, но тело – не самое главное. Оно должно служить чему-то еще. На самом деле телу необходима связь с энергией, которая приходит свыше, которая приходит от Бога. Но мы в плену автоматических реакций. Нужно освободить тонкое тело из тюрьмы привычек обычного тела».

В присутствии мадам де Зальцманн всегда ощущаешь, сколь величественно призвание человека и сколь трудно его исполнить.

Она вспомнила, как порой в лице Гурджиева отражалось страдание. «Он думал, что будет с Работой после его смерти. Теперь я понимаю, что он чувствовал. Что теперь делать? Как продолжить Работу?»

Я чувствовал, как она страдает. Ответственность на ее плечах невероятно велика. Она пристально и долго смотрела на меня, не говоря ни слова. А я тем временем пытался ощутить в себе связь с тем уровнем бытия, на котором найдется ответ. Некоторое время спустя она сказала, переходя на английский: «Мсье Гурджиев говорил: даже "очень хорошо" – это мало».

Я постарался задать вопрос, снова переходя на французский, поскольку знаю, что этот язык ей гораздо ближе. Я сказал: «Я вижу, что во мне и "да" и "нет" возникают автоматически. Я не нахожу в себе ничего сознательного и не связанного с "да" и "нет"». Она произнесла, словно не слышала меня вовсе или будто мой вопрос не имел смысла: «Нужно усиливать внимание».

Мадам де Зальцманн совершенно невероятная! Полна энергии, здравого смысла, никогда не реагирует автоматически. Когда видишь ее, понимаешь, что именно должно умереть, чтобы ты по-настоящему родился заново. Она сказала: «Всё – игра сил, высших и низших. И все это часть сознательной энергии».

В детстве я часто слышал подобные утверждения. Но я совершенно не понимал, что взрослые подразумевали под этими словами или что имелось в виду в тех книгах, из которых взяты эти слова. Наверное, услышанное тогда отпечаталось где-то в моей душе. В любом случае, теперь все это кажется не только разумным, но и очевидным, особенно когда находишься рядом с мадам де Зальцманн. Совершенно ясно, что мера нашего понимания

определяется состоянием, в котором мы находимся. Когда гармония утрачена, мы перестаем видеть то, что видели, и забываем даже банальные вещи, которые очень хорошо понимали раньше. Мы похожи на Пака в шекспировском «Сне в летнюю ночь»: в необычном состоянии видим фею, но, вернувшись в обычное состояние, вспоминаем лишь что-то смутное и не можем ничего рассказать. Как сказал о нас бард: «Господи, какими глупцами бывают эти смертные!»

Беседуя с мадам де Дампьер, я спросил: «Если мы не

уедем работать, как это скажется на состоянии Земли? Идея мне ясна, но я не постигаю этого на опыте. Иногда на краткое время понимание наполняет меня, и я ощущаю давящий груз ответственности». Она задумалась на несколько мгновений и сказала: «Хорошо, что вы этого не чувствуете. Иначе можно впасть в идеализм. Относитесь ко всему проще. Внутри нас есть тонкая энергия, если работать, она воздействует на тело и таким образом – на Землю. На самом деле идея не нова. Во многих традициях говорится о катастрофах, которые обрушиваются на Землю из-за низкого уровня сознания человечества».

* * *

Трудно поверить, что есть такой человек, как мадам де Зальцманн. Наверное, она живет теперь только для того, чтобы передать понимание сути Работы тем, кто желает учиться. Мне надо не упускать ни единой возможности побыть рядом с ней. Мне придется все-таки представить доклад на встрече ученых в Монреале, поскольку я дал согласие, но я поеду в Нью-Йорк, как только смогу, чтобы побыть с ней. Для меня вся «важная» конференция не стоит единственной встречи с ней, и мне невыносимо слышать умствования ученых-религиоведов после того, как я провел некоторое время рядом с ней. Мне почти физически больно слышать, как они говорят о тонких аспектах метафизического переживания Божественного и других реальностей – о том, чего мы не можем познать непосредственно на опыте в нашем обычном состоянии.

* * *

Мадам де Зальцманн пришла на медитацию, и ее присутствие мобилизовало нас, хотя она не говорила ни слова. Потом, во время занятия в группе с мистером Траколом, она молчала до самого конца, только слушала. Затем она обратилась к нам и говорила около пятнадцати минут.

Она сказала: «Сейчас в Работе наступило особое время. Не-обходимо работать более сознательно и предметно. Нужно совершенно избавиться от напряжения в теле. Если вы утра-тили связь с высшей энергией, постоянно ощущайте свою нецелостность. Ощущайте свое состояние».

Когда я слушал ее, я понял отчетливо, что мы проводники между различными уровнями. Это непреходящая истина. Необходимо принимать энергию, чтобы передавать ее, и участвовать в этом процессе обмена все более сознательно. Этот обмен энергий, эта уайна, не может совершиться, если не принести жертву все механистичное и бессознательное. Я все яснее понимаю, почему мудрец говорил в Ригведе: «Ягья – это пуп Вселенной». Если не будет правильного взаимообмена между различными уровнями бытия, Вселенная распадется на части.

Париж, май 1985

В мастерской все так же, как на медитации

Мадам де Зальцманн приходила сегодня днем в Мезон и побывала везде – на кухне, в танцевальном зале, в библиотеке в швейной и других мастерских, словно желая проверить, все ли идет как надо, и утвердить всех ответственных лиц. Все эти дела – тоже Работа, но она говорит: «При этом самое главное – связь с высшей энергией. Когда связь не установлена, нужно оставаться с этим отсутствием связи. Наблюдайте все, что происходит: ощущайте связь или ее отсутствие. Оставайтесь с этим».

Я чувствую, что «Restez devant!» (Постоянно ощущайте!) – это мантра мадам де Зальцманн, та мантра, которую она дает нам. Эти слова всегда нужно помнить.

Мадам де Зальцманн пришла в мастерскую, где стоял шум от пил и дрелей. Я возился с огромным куском дерева, распиливая его на станке. Она подошла ко мне и улыбнулась. Перекрывая шум, она сказала: «Вы понимаете, что здесь все так же, как и на медитации?»

Замечание мадам де Зальцманн привлекло всеобщее внимание и полностью изменило атмосферу в мастерской. После того как она ушла, я задумался: то ли она хотела сказать, что работа в мастерской так же важна и священна, как медитация, – то ли то, что в сознании человека, в моем сознании, стоит такой же шум во время медитации, как и тут в мастерской. Я вспомнил, как Кришнамурти ответил на мой вопрос о природе мысли, что мысль подобна воде у мельницы. И затем он добавил со злорадным восторгом, что мой ум подобен мельнице! После разговора с мадам де Зальцманн мой ум – и это я особенно отчетливо осознал – просто принялся работать вхолостую, ассоциируя то и это.

Но при этом я каким-то образом мог смотреть на все словно со стороны, мог наблюдать за мартышкой и ее фокусами, и меня это забавляло.

За ланчем мадам де Зальцманн, должно быть, увидела, что большинство из нас не ощущают внутренней связи с той энергией, о которой она говорит и которую являет нам своим примером. Она заметила, что когда мы приходим работать на весь день, каждый из нас ответствен за то, чтобы привнести определенную энергию. Она подчеркивала, насколько значимо добиться слияния двух энергий, или сил, – высшей и низшей. Энергия свыше очень важна, но она не может развиваться вне союза с низшей энергией.

* * *

Совершенно ясно, что самое главное – это видеть, а не читать и думать. Кажется, Виттгенштейн говорил в минуту озарения: «Не думай, смотри!» Можно даже сказать, что надо «не смотреть, а видеть». Особенно следует опасаться (и во внутреннем, и во внешнем мире) тех, кто всего лишь болтает и говорит слова о словах. Необходимо быть истинным ученым внутреннего мира. Меня интересует энергия внимания или сознания, которая есть во мне и которая проходит через меня. Разумеется, лишь ради этой энергии мы постигаем йогу или дзен или занимаемся Работой и изучаем соответствующие книги и писания. Очень важно хранить чистоту намерений и не потеряться в потоке информации, увлекаясь деталями и объяснениями: нужно познать на опыте то, что есть. Много лет назад я сказал мадам де Зальцманн – и мне следует напоминать себе об этом снова и снова, – что я ищу такое знание, которое я могу потрогать и съесть. Если мое тело и душа не получают осязаемую пищу от того, что я вижу и узнаю, ничто истинное не останется со мной. Мудрец Яджнавалкья сказал в одной из древнейших Упанишад, что лишь ради осознания истинного (Атмана) мы обретаем друзей, богатство, опыт или знание, Мы живем только ради этого. Как часто повторяла мадам де Зальцманн, «без связи с истинным Я ваша жизнь не имеет смысла. Без этой связи вы ничто».

* * *

Вчера вечером на занятии в группе мадам де Зальцманн говорила с большой силой. Я все время поражаюсь, какая она удивительная. Не знаю почему, но меня печалит мысль о том, что Кришнамурти не был знаком с ней. Я полагаю, дело в том, что для меня Кришнамурти много значит и мне хотелось бы, что бы он был знаком с мадам де Зальцманн. С каждым из них у меня сложились очень теплые отношения, но при этом совершенно разные. Кришнамурти казался уязвимым, как раненая голубица, и нежно-аристократичным, как одинокий лебедь; с ним я часто спорил и порой шутил, чаще в личном общении, иногда на публике. Но с ней, в ком сочетаются огонь огромная сила и способность к глубочайшему прозрению, я редко спорю даже в душе. Если я понимаю, о чем она говорит, все во мне соглашается.

Я задал вопрос на английском, чтобы быть уверенным, что верно выразил мысль. Он касался страха потерять все, что мне привычно, и стать другим, иными словами – боязни трансформации. Во мне живет этот страх, и, возможно, он самый сильный из всех. Когда он встречает меня у порога, мне иногда кажется, что я падаю в обморок. Она долго отвечала мне по-английски и сказала, что я не открываюсь и мое тело сковано. «В теле не должно быть совершенно никакого напряжения. Тогда тонкая энергия тут же придет сама по себе».

Несколько минут спустя она посмотрела на меня и отметила, что теперь я больше открылся. Она говорила очень убедительно и долго о необходимости открываться, совершенно расслабить тело, о решении работать и о том, что всего себя нужно посвятить работе, о правильном положении тела, о том, что надо наказывать тело, если необходимо, о сознательном труде и преднамеренном страдании. Она сказала: «Теперь для Работы особый момент. Многое сейчас возможно. Крайне важно знать, как работать. Над чем? С чем? Почем? Надо видеть абсолютно ясно».

Париж, май 1985

Уровень всегда меняется

Как быстро мы – и я в том числе – забываем все! Мы забываем, что умрем, что когда-то мы желали оправдать свое существование, что однажды поняли, как работать. Столько времени и энергии тратится на агрессию и импульсивную реакцию! Фантазии ума – воистину наш враг, с ним нужно непрестанно бороться.

Рядом с мадам де Зальцманн все кажется таким ясным: что такое работа, как надо бороться с собой и почему. Но когда ее нет рядом, меня снова одолевают смятение и сомнения, и я все забываю.

* * *

Мадам де Зальцманн кашляла на встрече, чего с ней раньше не случалось. Никто не делал на этот счет замечаний. Но, словно отвечая на чей-то вопрос, она сказала: «Это не напряжение. Это весна». Я уверен, она прочла наши мысли и увидела, что кто-то из нас решил, что она в напряжении.

В Евангелиях есть много примеров, когда Христос отвечает на невысказанные вопросы и развеивает сомнения учеников. Вот уже много лет я убеждаюсь, что весьма глупо и бесполезно пытаться скрыть что-либо от учителей. Если учитель недостаточно проницателен, чтобы увидеть, что происходит в душе ученика, он не в состоянии ему

помочь. Самое важное – быть перед учителем совершенно открытым, позволить себя увидеть. Тогда нам смогут быстро помочь, в нужном месте и в нужное время. Ведь совершенно бессмысленно приходить к доктору, когда вы заболели, и пытаться скрыть от него симптомы, чтобы врач не сумел определить, чем именно вы болеете.

* * *

Вчера вечером мы с женой были приглашены на ужин к де Зальцманнам. Мы провели в Париже пару недель и это бы наш последний вечер. Я планировал сводить жену в ресторан устроить ей романтический вечер по случаю дня рождения; потом я улетал в Монреаль, где должен был читать лекцию? а она – домой в Галифакс. Когда Мишель пригласил нас, я едва ли мог отказаться, хотя это отменяло наши планы на шикарный вечер в Париже.

На ужине собрались представители трех или четырех поколений де Зальцманнов и еще несколько человек. Вечер напоминал семейные собрания в Индии, и во главе сегодня была великая прародительница, под чьей заботой

и опекой находится весь род. Мишель играл роль хозяина, но большинство гостей собрались вокруг мадам де Зальцманн. До нашего прихода она, Алейн Кремски и еще несколько человек работали над музыкой Гурджиева–Гартмана, ноты которой вскоре должны были опубликовать. Алейн только что вернулся с гастролей, он выступал с концертами музыки Гурджиева–Гартмана во многих странах, включая Шри-Ланку, Японию, Китай, Корею и Пакистан. В комнате царил праздничная атмосфера, и все было по-семейному и весело.

Говоря об учителях и учениках, Мишель сделал очень интересное замечание. Он сказал: «Выбора нет. Каждый, именно каждый – учитель. Качество учителя видно по ученикам. Ученики – отражение учителя».

Потом вечером он произнес очень метафизический тост. Мадам де Зальцманн сказала, что не поняла его слов, и отказалась за это пить.

Роль у Мишеля была чрезвычайно сложная. «Я всегда крайний», – сказал он мне однажды. Должно быть, это так: те, кто чувствуют ответственность, не могут не работать; они и расплачиваются.

Я подошел к мадам де Зальцманн и сел рядом с ней. В какой-то момент она сообщила мне: «Работа идет с успехом во многих местах. Но уровень Работы должен быть еще выше, иначе он упадет и мы растеряем все, чего достигли... Уровень всегда меняется, повышается или понижается, он не может оставаться неизменным».

Париж, май 1985

Важно идти навстречу жизни

По дороге в Нью-Йорк я решил, что не позвоню мадам де Зальцманн. Я знал о ее огромной занятости и не желал беспокоить ее. Кроме того, мне на самом деле не о чем было спрашивать, и я был убежден, что мало работал и не заслужил встречи с ней. Когда я приехал в Нью-Йорк, миссис Уэлч сказала, что я обязан позвонить мадам де Зальцманн. «Я сообщила ей, что вы здесь. Вы должны с ней встретиться. Она желает увидеть вас. На самом деле она обидится, если вы не позвоните». Меня это сильно удивило, даже шокировало. Я, похоже, не очень ясно ощущаю разницу между заботой о другом и озабоченностью собой и все время путаю одно и другое. Когда я позвонил по номеру мадам де Зальцманн, она сама взяла трубку и сразу же меня узнала. Тут же она сказала: «Ах, да, возможно, вы хотите

встретиться со мной?» Что я мог ответить? Конечно! Она сказала: «Я могу увидаться с вами через неделю». Я сообщил, что уеду из Нью-Йорка раньше. «Тогда приходите завтра в четыре».

* * *

Наконец состоялась премьера фильма о гурджиевских танцах, над которым мадам де Зальцманн работала несколько лет. Фильм потрясающий, в частности танцы мужчин. Сценические декорации особенно впечатляют. Стен нет, и поэтому кажется, что все происходит где-то на вершине горы.

После просмотра началось занятие в группе. Миссис Уэлч спросила, найдется ли доброволец вести записи во время обсуждения картины. Я вызвался и был рад оказаться полезным.

Я хотел принести какую-то дань благодарности за возможность увидеть фильм. Лишь потом я понял, насколько это помогло мне оценить его значение. Можно ли что-то понять, так или иначе не заплатив за это?

* * *

Я только что провел сорок пять минут с мадам де Зальцманн и еще чувствую ее присутствие. Сразу же она спросила: «Как вы работаете? Что ощущаете?»

Я рассказал ей, над чем работал, описал движения энергии, как меняется дыхание и так далее. В первый раз и по словам ее, и по выражению лица я понял, что она действительно довольна тем, что у меня получалось. Она заметила: «Я вижу, что вы хорошо работали, долго и упорно». Потом напомнила, что мне следует работать одному и с другими людьми, учить их, призывать к работе. Я ответил, что где-то в глубине души чувствую, что ничего на самом деле не знаю – по-настоящему, на опыте – и что боюсь пустого философствования. Она сказала: «Разумеется, мы не все время находимся в контакте с высшей энергией. Но нам помогает работа с другими».

Мадам де Зальцманн сказала, что собирается снять еще один фильм. А ей уже почти девяносто семь! Она не совсем довольна недавно законченным фильмом о танцах, но согласилась, что мужские танцы хорошо показаны и производят должное впечатление. Я спросил, как быть тем из нас, у кого, как у меня, от природы нет способностей к танцам. Она ответила: «Это зависит от того, как преподавать. Вы можете танцевать очень хорошо, если вас правильно учить».

Я задал ей вопрос о Китае, куда планировал уехать на несколько месяцев. Она сказала, что никого там не знает. «Может, вы сами мне расскажете». Потом заметила, видимо, помня мой вопрос про Китай, что в Работе есть нечто особенное, чего не найдешь так просто где-либо еще. Она говорила о тех, кто удаляется от мира и работает в одиночестве. «Важно идти навстречу жизни, сохранять связь с высшим и призывать к работе других».

Мадам де Зальцманн сказала нечто очень интересное: «Некоторые группы сели на мель, застряли, и никто не знает, каким помочь». Немного погодя она заметила: «Вам нужно продолжать работать. Усиливайте внимание. Оно то сильнее, то слабее, но постоянно ощущайте свое состояние». Затем она провела со мной упражнение, которое велела выполнять дважды в день. «В остальное время постоянно ощущайте себя - как вы двигаетесь и говорите».

Она спросила, когда мы снова увидимся. «Вы можете вернуться в Нью-Йорк, когда я вернусь через несколько дней, на три недели или около того?» Я ответил, что мог бы, если на сообщит мне, когда. Она попросила дать ей адрес и номер телефона, чтобы она могла со мной связаться. Я заметил, что в любом случае скорее всего приеду в мае в Париж. «Хорошо! Напишите или позвоните заранее, чтобы выбрать подходящее время. Я думаю, все сложится».

Когда я уходил, она подошла к двери лифта – как обычно, с невероятным великодушием, будто я сделал ей одолжение своим посещением, – и сказала мгновение спустя: «Теперь я вижу, как вы работаете, и нам будет очень полезно поработать вместе. Не забудьте написать или позвонить. Вы оставили адрес, верно?»

Какая замечательная леди! И я не хотел ее беспокоить! Видимо, я совершенно нерадивый и неспособный ученик, который даже не понимает, что ему нужна еда, и уж точно не открывает рта, чтобы поесть, но его все-таки кормят насильно. Я помню, как мой отец не раз повторял мораль одной из историй в Панхатантре: «В рот спящего льва олень не попадает». Интересно, правда ли это. Мне кажется, что если учителя волнуют успехи ученика, то он дает ему пищу, даже если ученик не заботится о ней, как мать зовет ребенка со двора, чтобы тот шел обедать. В отношениях учителя и ученика важны не столько идеи, сколько некая незримая субстанция, к которой приобщаются все члены обширной духовной семьи. Старинная даосская поговорка гласит: «Стать учителем на один день – это все равно что стать родителем на всю жизнь». Я чувствовал, что каким-то образом постепенно стал членом духовной семьи мадам де Зальцманн. О подобном часто говорят в индийской традиции: настоящий гуру – это родитель, который связан с учеником через много инкарнаций. Говорят, что физическое рождение происходит во чреве матери, но духовное рождение – в глубине сердца гуру.

Я не могу не приехать на встречу с ней. Несколько лет назад она сказала мне с большой строгостью: «У меня есть свобода ответить "нет". Вы должны позвонить».

Нью-Йорк, декабрь 1985

Человек должен действовать в мире

Это похоже на ритуал, который я исполняю снова и снова. Я опять еду в Нью-Йорк в надежде провести немного времени в обществе мадам де Зальцманн. Я не знаю, чего именно желаю, и все-таки я словно пчела, которой не жить без нектара. Пчела знает, чего хочет? Или ею движет глубокий подсознательный инстинкт?

Мадам де Зальцманн попросила меня приехать в Нью-Йорк, и я не мог отказаться. Кажется, я появился в Нью-Йорке очень вовремя. Фонд закрыт, и мадам де Зальцманн будет здесь в ближайшие две недели, не загруженная занятиями в группах или другими делами. Насколько я понимаю, она сосредоточила свои усилия на работе со старшими учениками. Однако она сказала, что мне можно приехать и встретиться с ней. Но о чем я хочу у нее спросить? О премудростях медитации? Мы поработаем над некоторыми танцами, как она обещала на последнем занятии, три недели назад? Я не особенно прилежно выполнял ее задания. Я, конечно, болел и был очень занят, но это всего лишь отговорка. Она часто повторяла, цитируя Гурджиева: «Даже "очень хорошо" – это мало».

Похоже, мой путь определяет судьба или предначертание. Наверное, это касается всех событий в моей жизни. Очевидно, что огромная часть моей жизни полностью находится вне сферы моего контроля, будто неизбежно и независимо от меня мой путь направляют некие

ангелы-хранители. Быть может, со всеми так: мы все, наверное, пешки в игре великих сил.

Разумеется, всегда полезно вспоминать о том, что мне необходимо. Вижу ли я на самом деле, что сплю и действую на автопилоте? Вижу ли я, что трачу впустую свою жизнь, свой потенциал? Осознаю ли, что у меня есть призвание, судьба? Как мне понять, каково мое призвание, и как откликнуться? На данном этапе своей жизни я должен быть (а может, и являюсь на самом деле) свободным от многих ограничений. Теперь у меня достаточно много времени, денег, сил, и это немного ослабило хватку. Я действительно ощущаю, что стою на пороге нового этапа в своей жизни. Смогу ли я использовать сполна новые возможности или продолжу лелеять свое эго и копить, что имею? Или сумею пережить новое рождение? Главное – сделать то, что необходимо, со смирением и без страха.

* * *

Занятие с мадам де Зальцманн было полезным для меня. Я дал ей копию своей статьи «В начале был Танец Любви», которую меня пригласили прочитать на заседании Канадского Королевского общества в Монреале. Она часто подчеркивала, что важно идти навстречу жизни, но внутри меня что-то сопротивляется необходимости бывать на конференциях, в кругу ученых. Я сказал ей об этом и добавил, что меня особенно угнетают конференции религиоведов. Я не считаю, что религиоведы хуже других исследователей, но от них жду чего-то иного. Казалось бы, эту область должны изучать те, кто желает открыться Духу, но, насколько я могу

судить, для многих изучение религии – это карьера. Если бы я к этому стремился, я мог бы продолжать заниматься физикой. Я еще не до конца нашел для себя объяснение, зачем учиться и приобретать знания. Т. Р. В. Мурти, возможно самый оригинальный индийский философ семидесятых годов, сказал мне что он никогда не встречал ученого-философа, для которого истина была бы важнее карьеры. У меня, похоже, очень традиционный взгляд на вещи: я желаю, чтобы знание вело к спасению и свободе.

Мадам де Зальцманн сказала: «Важно понимать, что все религии со временем утратили свой изначальный смысл. То же самое может случиться с Работой, если мы не будем бдительны. Иногда в учении выделяется одна идея или конкретный вид деятельности, потому что на каком-то этапе это важно; но затем эта одна часть может подменить собой целое, и мы теряем истинный смысл».

Мадам де Зальцманн снова говорила о том, что нужно достичь связи с энергией (или силой), которая приходит из высшей части сознания, из области над головой.

«Необходимы две вещи. Около часа упорно работайте, чтобы открыться этой энергии. Тело должно быть полностью расслаблено. Я могу сидеть вот так, – она откинулась на спинку дивана, – и быть при этом открытой, потому что я работала всю жизнь. Другим надо сидеть прямо, вот так, – она снова показала. – Работайте таким образом дважды или трижды в день, каждый раз примерно около часа. А в промежутках старайтесь ощущать свое тело.

После упорной работы делайте что-нибудь попроще, не теряя ощущения присутствия, ощущения связи с высшей энергией.

Даже если мы в состоянии открыться этой энергии и глубоко пережить ее воздействие, она не остается в нас надолго. Вниманию нужно дать направление, например наблюдать за дыханием или ощущениями вдоль позвоночника, как в некоторых упражнениях. Иначе нельзя оставаться открытым. Когда соединяются энергии тела и нижней области сознания, тогда возникает новая энергия, которая может взаимодействовать с высшей энергией.

Вам нужно быть более требовательными к себе. Велите телу сотрудничать с вами; если не помогает, наказывайте его. Не ешьте или ешьте меньше. Тело не воспримет идеи, но воспримет прямые команды. Тело играет важную роль, но оно должно подчиняться.

Человек не может бездействовать; в мире нужно действовать правильно. Следовательно, надо одновременно осознавать и высшие, и низшие потоки энергии. Во многих религиях речь идет только о том, что нужно открыться высшей энергии.

Каждый день работайте в паре с кем-нибудь, или втроем. или с большим числом людей. Это для вас будет очень полезно. Работайте с ними, не мешая их работе, но содействуя им.

Всегда идет борьба вашего эго с высшим Я. Нужно хорошо ощущать второе тело, всем своим физическим телом».

Нью-Йорк, декабрь 1983

Нужно усиливать внимание

Мадам де Зальцманн находится целиком здесь и сейчас, когда говорит о Работе. Она даже не говорит, а скорее показывает на своем примере. Сегодня на встрече по обсуждению общих вопросов она какое-то время молча слушала, и, видимо, ее не совсем устраивал довольно низкий уровень обсуждения. Тогда она встряхнула всех своим обычным, но, как всегда, своевременным напоминанием о том, что самое главное – это связь между сознанием и телом. Она также говорила, что есть три силы – сознание, тело и чувство, и когда они соединяются, рождается новая жизнь, или новая энергия.

Я часто слышал эти слова, и рядом с ней смысл их был несомненен. Я даже иногда ощущаю это на опыте. Но потом начинаю сомневаться, будто мне приставили другую голову, и я перестал что-то видеть. И в конце концов меня одолевают смятение и отлученность от связи с высшим. Я Упомянул обо всем этом в разговоре с ней во время личной встречи в ее офисе. Она терпеливо выслушала и посоветовала то, о чем часто говорила: продолжать работать и ощущать свое состояние. В частности, она еще раз велела работать два или три раза в день, каждый раз двадцать минут или около того, чтобы энергия сознания соединилась с энергией тела – чтобы открылась высшая часть сознания. «Если вы не ощущаете связь с высшей энергией, скажите: "Любовь, помилуй". Высшая энергия, которая приходит из высшей части сознания, это Любовь». Она сказала «Любовь» вместо «Господи». Я внимательно слушал. И вот она снова произнесла то же слово: «Любовь». Я этого не ожидал, меня это удивило. Любовь, помилуй.

Потом она сказала: «Работайте два или три раза в день и затем напишите мне, расскажите, открывается высшая часть знания или нет».

* * *

На самом деле неважно, какой вопрос задать. Мадам де Зальцманн очень быстро возвращается к тому, что нет связи между телом и сознанием, что внимание надо усиливать, что нужно установить связь с высшей энергией, которая приходит из области над головой, и что нужно постоянно ощущать отсутствие связи. Она видит состояние, в котором находится человек, и из этого исходит. И в итоге, конечно, она призывает человека работать, чтобы установить связь с тем, что истинно.

Она сказала мне: «Самое важное упражнение – это не допускать никакого напряжения в теле в любой ситуации. Во время тихой работы не должно быть никакого напряжения. Это создаст условия, при которых возникнет связь с высшей энергией. Вы не можете насильно вызвать ее, но будьте ей открыты. Если связи нет, ощущайте это. Чем бы вы ни занимались, ощущайте тело. Если вы будете так работать, мы поговорим с вами, что делать дальше».

Потом она сказала: «Приходите завтра». Я был удивлен, ведь я даже не просил о том, чтобы увидеться с ней вновь так скоро. Она назначила занятие на одиннадцать утра и сделала запись в своей тетради, не спросив мою фамилию.

Я задал вопрос о неискренности с самим собой. Я понимаю необходимость связи с высшей энергией, но в моем поведении это никак не выражается. Как я могу воспринимать себя всерьез? Я на самом деле будто вовсе не стремлюсь работать. Мадам де Зальцманн ответила, что нужно усиливать внимание.

Потом я спросил о том, что отчасти относится к области теории: «Я вижу, насколько я жаден – до информации, до признания, до денег. Но это абсурдно и глупо, потому что мне всего хватает. Почему я жаден?»

Она сказала: «Нас так воспитывают. Так ведут себя все. Но у нас тело для другой цели. Ваше тело принадлежит не только вам».

Я все время размышляю над словами мадам де Зальцманн: «Ваше тело принадлежит не только вам». Эти слова – обращение к чему-то высшему, чтобы оно обитало в моем теле и действовало через него. В идеале Всевышний Бог мог бы обитать в моем теле. Лишь тогда я смогу быть микрокосмосом, воистину отражающим макрокосмос. В геометрической инверсии, на которую намекают символы, высшее, содержащее в себе мое высшее Я и весь мир, становится самой глубинной частью моей личности. Мое тело, таким образом, становится местом встречи луча творения снаружи и луча творения изнутри. Если мое тело, сознание, энергия, таланты, деньги – всего лишь мои, они не могут служить ничему выше, чем я сам. Чему я служу? Нельзя, не изменив самому себе, отказаться ответить на призыв, но на обычном уровне сознания-тела человек не может в точности знать своих целей, а порой даже и средств. Нас способно вести только глубокое подсознательное внутреннее чутье. Интересно, это ли означает слово «душа», или «частичка Божественного» в каждом из нас. Почему ей нужно тело? Я на опыте должен понять то, о чем говорила мадам де Зальцманн: «У вас тело для иной цели».

Нью-Йорк, апрель–ноябрь 1986, Лондон, январь 1987

Чего вы желаете на самом деле?

Мадам де Зальцманн встречалась в Нью-Йорке с канадцами из Торонто. Она производит невероятное впечатление. Как и прежде, она говорила о правильном положении тела и об отсутствии напряжения. Лишь в этом случае энергия из высшей части сознания может сойти в тело.

Мадам де Зальцманн посмотрела на людей в первом ряду и прокомментировала их внутреннее состояние. Мне она сказала: «Вы способны быть очень открытым и установить глубокую связь. Больше работайте над ощущением тела».

Насколько я понял, это значит, что я способен контактировать с высшей энергией, но мне следует быть осторожным, иначе я могу потерять связь с телом. Возможно, где-то в тайной глубине души я стремлюсь оторваться от земли и улететь. Это стремление заложено в

основе индийской духовной традиции, и вряд ли мне удалось его избежать.

* * *

Во время работы в Фонде я как в себе самом, так и в других ощущал характерную борьбу противоречивых сил: желания быть здесь и сейчас и желания поддаться лени. Кто-то между прочим неожиданно сообщил, что мадам де Зальцманн придет в полчетвертого пополудни. Эта новость всех оживила. Когда она пришла, она принялась с невероятно энергией работать с группой, как дирижер с оркестром, -она и руками взмахивала, словно дирижер. Есть одна центральная тема, о которой она все время говорит или являет ее своим примером. Неважно, о чем кто-то спрашивает или о чем рассуждает, мадам де Зальцманн в скором времени возвращается к разговору об энергии, которая приходит в тело из высшей части сознания, если тело полностью расслаблено.

Вчера и сегодня группы, в которых я участвовал, очень хорошо работали в присутствии мадам де Зальцманн. Две группы сильно отличались одна от другой, но в обеих ощущался достаточно высокий уровень подготовки. На понимание тонких материй требуется так много времени. Видимо, поэтому мадам де Зальцманн говорит, что важно жить долго.

Рядом с мадам де Зальцманн все остальные старшие ученики, и мужчины и женщины, кажутся слабыми и маленькими фигурами, не только в духовном отношении, но и физически. Все они по-своему производят впечатление, но вблизи нее словно тускнеют. Кто знает, что будет с Работой после того, как она уйдет в мир иной. Конечно же, после ее смерти найдутся другие способные и мудрые люди, которые продолжат Работу, если она служит объективной необходимости. Если Работа не служит ничему объективному и высшему, тогда неважно, что с ней случится.

На групповом занятии с мадам де Зальцманн я задал вопрос о частоте высшей энергии. Иногда она

влияет на дыхание, так что дыхание сильно замедляется, особенно выдох. Иногда дыхание очень ускоряется. Есть ли тут связь с разными видами и уровнями энергии? Я не могу отличить одно от другого. Хотелось бы разобраться в типах высшей энергии, У которой, очевидно, есть разные уровни. Она не стала отвечать на вопрос сама, а адресовала его старшему ученику, ведущему занятие вместе с ней. Тот заметил (и спорить тут не с чем), что важно осознавать, что высшая энергия находится вне сферы нашего контроля. Вспомнить об этом никогда не лишне, но мне показалось, что это не имело прямого отношения к моему вопросу. В Работе, как и в любой традиции, основанной на иерархическом принципе передачи знаний, учеников, видимо, не поощряют участвовать в поиске вместе с учителем; они могут только получать знания. Но пока учитель рядом, это не проблема. Вопросы возникают, когда появляются лжеучители: они могут надеть мантию, перенять слова и фразы, но что за ними стоит, понимают смутно. Важно не позволить суете сбить нас с пути.

Искать без страха и тщеславия. Не только мы ищем истину - скорее истина ищет нас.

* * *

Я принес мадам де Зальцманн экземпляр своей статьи о Кришнамурти «The Mill and the Millpond» («Мельница и вода, что вращает колесо»). Она читала французский перевод кни-ги Кришнамурти. Взяв мою статью, она сразу начала ее читать. Мне пришлось пару раз повторить, что статью я оставляю ей, ведь я понимал, что время занятия ограничено. Наконец она отложила статью и сказала, что прочтет позже.

В конце жизни Кришнамурти у нас с ним состоялся долгий разговор о смерти. Перед встречей с мадам де Зальцманн я ощутил, что мне нужно что-то спросить у нее об этом. Я чувствовал, что должен приблизиться к какому-то пониманию смерти, которое пока от меня скрыто, но не смог выразить словами назревший во мне вопрос, поэтому не стал затрагивать эту тему.

Я спросил о связи высшей энергии с дыханием – этот же вопрос я пытался задать раньше на занятии в группе. Она сказала, что, как правило, для тела сошествие высшей энергии связано с потрясением, и тело реагирует по-разному. Я вполне уверен, что слово «тело» она употребляет примерно в том же значении, что и шарира в Бхагавадгите или «плоть» в Евангелии от Иоанна. Оно подразумевает также мышление и эмоции на уровне земного тела. Когда обычное сознание утверждает себя, навязывая свои рамки кому-то или чему-то или высшей энергии, мадам де Зальцманн говорит, что тело реагирует автоматически. Высшая энергия не принадлежит телу, но она может пребывать в теле. «Тело» – это низшее (присваивающее, эгоцентричное) существо. Она раньше употребляла фразы «энергия сознания» или «энергия, которая приходит из области выше сознания». Теперь она чаще говорит «энергия, которая приходит из высшей области сознания». Но в любом случае речь не о том, что эгоцентрично и стремится себе что-то присвоить.

Я также рассказал ей, что, бывает, в течение недели или около того мне легче ощутить связь с высшей энергией, а иногда на протяжении нескольких дней или недель гораздо сложнее. «Это совершенно нормально. Наше внимание недостаточно развито, чтобы все время ощущать связь».

Я поинтересовался, влияет ли эта энергия на сексуальную сферу. Иногда, если мне удается особенно хорошо ощутить связь с высшей энергией, возрастает и потребность в сексе.

Она ответила: «Эта энергия воздействует на все тело, затрагивает и сексуальную сферу. Тогда мы чувствуем сексуальный импульс и желаем выразить это. Но не обязательно всегда действовать обычным образом».

Я ей сказал, что осознаю свое тщеславие и высокомерие и все лучше понимаю, сколько энергии я трачу из-за этого впустую и сколько упускаю возможностей чему-то научиться.

Я вижу, что быть тщеславным глупо; таким образом ничего не приобретаешь. Она сказала: «Да, вы тщеславны, но не всегда. Иногда вы открыты».

Я нередко замечаю, что мадам де Зальцманн не стремится критиковать человека. Ее гораздо больше интересует способность видеть то, как человек проявляется. В «Горе Аналог», например, говорится, что нужно «отдать видимое силе видеть». Это значит необходимо видеть мир, который выше проявленной реальности, и постоянно обращаться именно к высшему миру, или высшей энергии. Она сама являет собой замечательный пример человека, пребывающего в контакте с высшей энергией.

Мадам де Зальцманн попросила рассказать, как я работаю, и добавила без обычных сомнений или поправок: «Вы работаете правильно. Я вижу».

Немного погодя она попросила меня описать, какой момент в работе для меня самый важный, к чему я стремлюсь. Я ответил, что это вибрация, или чувство, или присутствие, которое дает мне ощущение связи с чем-то высшим. Это ощущается во всем туловище, но

особенно в самом низу. Я буквально чувствую, что пространство расширяется и что я внутри себя расширяюсь. Она с интересом выслушала меня и улыбнулась. Мадам де Зальцманн сказала: «Ничто не длится долго. Нужно начинать снова и снова. Есть две силы – высшая и низшая. Одна приходит из области над головой, другая из тела. Человеку нужно тело, оно играет важную роль, но тело не должно брать верх. Само по себе оно не имеет значения. Оно существует ради чего-то еще».

Я вспомнил, о чем она говорила раньше: «Ваше тело – не только ваше». Очевидно, оно должно служить чему-то высшему, иначе оно не имеет смысла. Она предложила мне несколько раз в день работать так, как показала на занятии, добиваясь полного отсутствия напряжения, усиливая внимание, открываясь высшей энергии, и потом описать ей результаты. Она назначила встречу через два дня и сделала запись в своей тетради, не спросив, буду ли я по-прежнему в Нью-Йорке. Теперь придется остаться.

Потом мадам де Зальцманн задала мне вопрос: «Чего вы на самом деле желаете?»

Я сказал: «Иногда в самой глубине души я жажду чего-то настоящего и истинного. Но, увы, чаще я просто хочу казаться кем-то особенным и ощущать свою значимость. Я больше стремлюсь к познанию Истины, когда осознаю, что люди помоложе обращаются ко мне с вопросами или зависят от моей помощи». Я ответил просто и искренне, и она, казалось, была довольна ответом.

Она заключила: «Вам следует работать с другими. Это необходимо. Это вам поможет».

Нью-Йорк, декабрь 1987

Всегда над чем-то работайте

Мадам де Зальцманн примерно через месяц, 26 января 1988 года, будет девяносто девять лет. Она побывала на встрече старших учеников в пять тридцать и на лекции в шесть тридцать. Потом она пришла на встречу в восемь тридцать и говорила в течение часа, вдохновляя всех и настраивая на Работу. Наконец она остановилась, видимо, потому что мы устали. У нее самой, конечно же, было еще много сил. Наверное, мы никогда не отдаемся Работе целиком. Это следует хотя бы из существующей во всех религиях идеи о том, что мы целиком не умираем. Наблюдая за этой женщиной, легко поверить в чудеса.

Казалось бы, то, о чем говорит мадам де Зальцманн, достаточно известно. Но поражает именно ее постоянный личный пример – подобно тому, как восхищает мастерство художника. Именно поэтому ее слова воспринимаются каждый раз по-новому. Она, безусловно, пребывает в контакте с высшей энергией. Она говорит, что нужно усиливать связь с высшей энергией; именно для этого человек работает и живет.

Я сказал: «Должно быть, дело в том, что я на самом деле не вижу и не чувствую, что нужно работать. Иначе почему я не Работаю? У меня нет серьезных намерений. Я не желаю платить за связь с высшей энергией».

Я не знаю, слышала ли она мои слова. Она, похоже, не согласна с тем, что у меня нет серьезных намерений. «Вы в это верите?» – спросила она.

Когда я рядом с ней, я ощущаю некую связь с высшим и потребность работать. Но вскоре после нашей встречи я забываю о работе. Как я могу считать, что отношусь к делу всерьез? Иногда мне кажется, что я никогда по-настоящему не работал.

У меня такое ощущение, что Бог идет за мной по пятам и что Бог и дьявол борются друг с другом в моей душе, как на арене; а я всего лишь сторонний наблюдатель. Я очень часто забываю о том, чего желаю на самом деле, и большую часть времени и сил трачу на самолюбование, поиск удовольствий и приобретение чего-либо. Меня едва ли назовешь Воином Духа.. Вправе ли я воспринимать себя всерьез? На самом деле я не могу утверждать, что понимаю свое священное предназначение, что я живу на планете по какой-то определенной причине или что от меня что-то зависит. Я в это верю, поскольку об этом так убедительно говорит мадам де Зальцманн, и когда она рядом, для меня эти слова исполнены смысла. Но я не знаю этого на опыте и все время забываю. То есть для меня это не факт.

* * *

Я встречался с мадам де Зальцманн лично или на занятиях в группе ежедневно на протяжении последних пяти дней. Я вспомнил, как приезжал в Париж несколько лет назад, – тог да мы встречались столь же часто. Она действительно излучает большую силу; когда она говорит о внутренней работе, она целиком оживает и светится.

«Есть три силы – сила тела, сознания и чувства. Нельзя достичь устойчивой связи с высшей силой, если они не соединены воедино, не развиты гармонично, в равной мере. Вся Работа есть подготовка к этой связи. Это цель Работы. Высшая энергия стремится прийти в тело, но если мы не работаем, она не может сойти на уровень тела. Только работая, мы можем исполнить свое предназначение и принять участие в жизни космоса. Именно это делает вашу жизнь значимой и осмысленной. Иначе вы существуете лишь для себя самого, как эгоист, и в вашей жизни нет смысла.

Вы всегда должны быть сознанием (Она хотела сказать «сознательным», «в сознании». На французском смысл ближе к делу: нельзя приобщиться к высшему сознанию при собственном низком уровне сознания. - Прим. авт.). Пусть понемногу, но всегда над чем-то работайте. Не реагируйте автоматически. Когда вы говорите, ходите или делаете что угодно, не теряйте ощущение, удерживайте внимание на ощущениях, хотя бы в какой-то мере. Вот эта область, – она указала на живот, – особенно важна. Важно, чтобы здесь не было никакого напряжения».

Потом,

на медитации, мадам де Зальцманн сказала: «Господи, помилуй. Господь – это высшая энергия. Скажите это внутри себя три или четыре раза и откройтесь высшей энергии».

* * *

Я был на ланче с Уэлчами. Миссис Уэлч отметила, что она рада моей целеустремленности, благодаря которой я так часто встречаюсь с мадам де Зальцманн. Я ответил ей, что моя целеустремленность тут вовсе ни при чем. Я даже не прошу об этих занятиях, но перед моим уходом мадам де Зальцманн всегда говорит что-то вроде «Когда я увижу вас в следующий раз?» или «Может, вы придете завтра?». Что я могу сказать? Я похож на человека с некой странной болезнью: он не чувствует голода и не думает о пище, и только когда его кормят насильно, он понимает, что пища нужна и без нее он умрет. Я не понимаю, как это происходит. Мне так много дано, но я живу совершенно эгоистично. Я целиком поглощен самим собой, и если вопреки мне самому Работа не вытащит меня из этой скорлупы, я пропаду, погибну. Господи, помилуй.

Миссис Уэлч спросила меня, что меня больше всего увлекло за эти дни в групповой работе. Я сказал, что все время возвращался в мыслях к словам мадам де Зальцманн, которые

она произнесла несколько лет назад. Их смысл я теперь понял словно впервые: «Seigneur, Господь, - рядом, но ваше тело должно быть готово к Его приходу. Тело не готово. Нужно его приготовить. Когда энергия ума соединится с энергией тела, появится высшая энергия, которую в разных религиях называют Seigneur».

Нью-Йорк, декабрь 1987

Ваша работа необходима

Почему я снова здесь, в Нью-Йорке? Почему так скоро вернулся? Я приехал, чтобы побыть рядом с мадам де Зальцманн. Она по-прежнему изумляет меня и притягивает. Рядом с ней я всегда ощущаю, что мне все ясно и все в душе на своих местах. У меня нет к ней вопросов и не о чем спрашивать совета, я лишь надеюсь снова побыть в ее лучах, поглотив немного высшей энергии.

В Фонде с размахом отмечали 13 января, устроив обед в средневосточном стиле, с изысканной пищей; в торжествах участвовали не меньше двухсот человек. Сколько труда вложено в организацию этого вечера! И как важно, что существуют такие традиции и поводы для встреч. Так создается священный календарь для учеников, благодаря которому мы переживаем ритмы времени более осознанно, ощущая присутствие высшего.

Благодаря участию мадам де Зальцманн любое событие становится особенным. Она была в отличной форме, полна энергии, говорила и отвечала на вопросы с большой силой, двигалась словно под музыку в танце. Она говорила о том, что нужно работать, – иначе «Земля совершит грехопадение». Я не совсем уловил смысл, хотя где-то в глубине души я чувствую: это правда. Потом я спросил одного из старших учеников, как он понимает ее слова. Он ответил, что этих слов не понял и, на его взгляд, такие речи скорее, пристало произносить апостолам или аббатам. «Если Тот, Кого ничто не вместит, полагается на меня, то Его дело в ненадежных руках!»

Это замечание, может, и верно, но толку от него немного. Оно точно не помогло мне глубже понять суть вопроса. Каждый раз, когда я читаю о работе групп в Москве или Санкт-Петербурге в первой четверти века, вот что меня поражает: Успенский и другие ученики засиживались до поздней ночи, часами обсуждая высказывания Гурджиева. Но я пока не встретил никого, у кого было бы время, необходимая энергия или желание изучать высказывания мадам де Зальцманн. Может, первые ученики в Работе были более серьезны? Или мы теперь гораздо легче усваиваем идеи?

Сегодня читали отрывки одной из парижских лекций мадам де Зальцманн 1979 года. Я оказался под большим впечатлением, все было очень точно сказано. «Каждый человек находится в плену положения тела и жестов и соответствующих эмоциональных и ментальных поз. Нужно найти такой способ бытия, который освободит нас от этих ограничений. Необходимо обрести связь с высшей энергией».

Мадам де Зальцманн часто напоминает, что надо действовать, что-то делать в жизни, чтобы выразить и проявить высшую энергию. Она подчеркивает, что нужно вести борьбу внутри себя, дабы подключить тело и чувства; лишь тогда может произойти трансформация. «Идеи нужны, иначе мы окажемся в плену впечатлений; но самих по себе идей недостаточно. Нужно действовать».

Она также говорила о том, что когда мы прикасаемся к высшей энергии, мы способны ощутить жизнь на совершенно новом уровне. Помню, когда однажды в Париже я рассуждал на подобную тему, она вдруг сказала, как если бы с новым привкусом ощутила связь с

высшей энергией: «C'est fantastique! Фантастика!»

В тот вечер было много замечательных и очень трогательных моментов. Мне особенно запомнился эпизод, когда мадам де Зальцманн, не оставлявшая попыток поднять уровень энергетики собравшихся, предложила всем высказаться, задать вопросы и поработать. Реакция была достаточно пассивной. Она произнесла с большим чувством: «Пожалуйста, работайте и задавайте вопросы. Мне почти сто лет. Я хочу, чтобы моя жизнь принесла пользу, пока я не умерла».

Меня это поразило до глубины души. Ей нужно, чтобы мы работали, это придает ее жизни смысл. Если я не буду работать и не уменьшу ее бремя, как я могу даже помыслить об исполнении того, к чему призывал Гурджиев, – уменьшить печаль Того, Кого ничто не может вместить?

* * *

Я только что был на занятии с мадам де Зальцманн, которое оказалось очень плодотворным. Войдя в кабинет, я справился у мадам де Зальцманн о ее самочувствии. Она ответила, что чувствует себя хорошо и что у нее много дел. Я заметил, что она выглядит очень хорошо, и удивился, как ей удается сохранять столько энергии. Она сказала: «У мсье Гурджиева я спрашивала то же самое. Иногда я советовала ему отдохнуть, не работать так напряженно, а он отвечал, что так надо. Но в итоге как видите, он ушел от нас». Она, наверное, хотела сказать, что он умер слишком рано, ушел преждевременно. Из этих слов было понятно, сколько еще предстоит сделать, в том числе и потому, что многое несовершенно по причине преждевременной смерти Гурджиева.

Мадам де Зальцманн спросила у меня, какой вопрос я хотел затронуть. Я сказал, что прежде всего хотел побыть рядом с ней. Это самое важное, хотя у меня есть несколько вопросов.

Я спросил мадам де Зальцманн, что значат слова: «Земля совершит грехопадение, если мы не будем работать». Она ответила: «Нужно усвоить мысль о том, что Земля совершит грехопадение, если мы не будем работать. Это поможет вам в работе и поможет понять, что ваша работа необходима».

Я сказал, что эти слова вызывают у меня какую-то реакцию, я что-то ощущаю, но эту мысль на самом деле не понимаю. Мне действительно кажется, что если бы я мог видеть, что от моей работы зависит благо Земли или достижение какой-то высшей цели, тогда я не был бы настолько поглощен собой и лучше осознавал необходимость работы. Мне подумалось, с космической точки зрения это значит, что у меня есть предназначение и я должен его исполнить. Иначе моя жизнь послужит только низшей космической функции – как метко выразился Гурджиев, послужит лишь «пищей для Луны». Либо мы реагируем автоматически и кормим Луну, либо работаем, живем более осознанно и помогаем Земле.

Мадам де Зальцманн всегда спрашивает: «Как вы работаете? Что чувствуете? Какие у вас вопросы?»

Я описал ей движение энергии в моем теле и где именно она ощущается. Я сказал, что иногда чувствую энергию, которая приходит из области над головой, а иногда – из области между глазами. Она объяснила, что последнее – это энергия уровнем пониже; а первая – очень высокая энергия.

Я снова, как и много лет назад, справился у нее о пользе некоторых конкретных дыхательных упражнений, особенно потому, что Гурджиев, по всей видимости, против них возражал. Я сказал, что мне эти упражнения очень помогали успокоить ум и ощутить тело. Для верности я решил показать, что я делаю и как сижу. Я снял ботинки, сел перед ней на полу в позу лотоса и выполнил дыхательное упражнение – один раз, для примера. Она спросила, откуда берется воздух, которым я дышу. Я попытался описать ей, где я чувствую его, в каких участках тела – в основном в горле и в животе. Она сказала, что важно ощущать, как втягиваешь воздух в ноздри и как он расширяется в голове. «Вся голова открывается и участвует в дыхании. Вы увидите, какая именно часть тела особо связана с высшей энергией».

Мадам де Зальцманн подробно расспрашивала, какие потоки энергии я ощущаю во время работы, как она движется в теле. Она также говорила о том, что «нужно работать и после тихой работы двигаться, пытаясь хотя бы отчасти сохранить связь. Не говорить м-е-д-л-е-н-н-о, но найти способ не терять ощущение связи, работая в обычном режиме. Поработайте с разными людьми. Особенно поначалу легче работать с определенными людьми, с теми, кто занимается Работой. Поработайте так, и завтра приходите, мы уделим несколько минут, чтобы обсудить то, что вы покажете».

Я все это время сидел на полу, скрестив ноги, под ее пронизательным взглядом; и на меня падали лучи солнца. Она снова попросила меня прийти еще раз перед отъездом в Канаду и показать, как я работаю. Я несколько колебался, соглашаться ли, потому что не хотел загружать секретарей: у них непростая служба, им надо регулировать большой поток людей, которые желают встретиться с ней. Но мне хотелось снова побыть с ней. Я попросил ее назначить занятие на воскресенье. Но она настояла, чтобы я зашел на несколько минут на следующий день (в субботу), а потом еще в воскресенье.

Мадам де Зальцманн спросила: «Когда вы снова будете в Нью-Йорке?» Я ответил: «В конце февраля, но к тому времени вы, наверное, уедете в Париж». Она сказала, что это еще не известно наверняка. «Как бы там ни было, звоните в любое время, и я приму вас».

Какой она щедрый учитель! Учитель никогда не бережет себя, даже если ученик ленив и не знает, о чем просить.

* * *

Когда я вернулся в квартиру, где жил, я начал делать записи в дневнике. В какой-то момент у меня возникла сильная потребность сесть и помедитировать. Во время тихой работы ощутил, что именно ранние

христиане имели в виду когда молились: «Маранафа!» («Гряди, Господи!»). Кто-то вопиет в пустыне и призывает сделать прямыми пути к Господу. Высшая энергия рядом с нами, и это Христос, едва ли у нее иное имя, но у энергии нет прямого пути к телу. Мы можем работать и через усиление внимания создать в теле канал для этой энергии. Тогда Царство, которое на Небесах, то есть над головой, может прийти на Землю, в тело, и Его воля может исполниться на Земле, как на Небе. Но нас вводят в искушение, и мы не избавлены от лукавого. Мы пребываем во грехе, и Земля, по крайней мере наша Земля в этом теле, совершает грехопадение, и ее не питает Христос, Хлеб Небесный. Воистину, Господи, помилуй. Маранафа!

Нью-Йорк, январь 1988

Энергия, которая приходит свыше

Мы с женой были приглашены к де Зальцманнам на ланч. Как я и надеялся, перед ланчем мы с мадам де Зальцманн немного поработали. Мишель вошел в комнату, увидел, что мы работаем, и вышел. Она спросила у нас, не хотим ли мы пообщаться с Мишелем, она пока могла бы заняться другими делами. Мы заверили ее, что желали бы побыть с ней. Она сказала мне: «Раз у нас есть время остаться один на один, поговорим о работе». Это единственное, что ее по-настоящему интересует; все остальное второстепенно. Чтобы лучше слышать ее слова, я сел на пол, поближе к ней; так и она лучше меня видела. Я задал ей вопрос, и она заинтересовалась, в чем, на мой взгляд, моя самая большая трудность. Я ответил: «Недостаток внимания. Не только в тихой работе, но вообще при работе над чем угодно, даже во время чтения». Она, похоже, согласилась с этим и сказала, что внимание нужно усилить.

Когда-то давно я говорил ей, что мне всегда странно слышать, как люди называют Гурджиева «мсье Гурджиев», особенно те, кто лично его не знал. Мне кажется, это несколько умаляет его. В конце концов, мы не называем Платона «господин Платон» или Данте «синьор Данте». Она согласилась со мной, но заметила, что знавшие его относятся к этому иначе. Как бы там ни было, она сама, как правило, называет его «мсье Гурджиев» и лишь изредка в определенном контексте просто «Гурджиев». Но тут, к моему удивлению, два раза подряд она назвала его по имени. Она сказала, что порой, когда Георгий Иванович очень уставал, она просила его отдохнуть от работы. Он всегда отвечал: «Ах, это невозможно». Она, разумеется, теперь точно так же не может отдохнуть, если другие не займут ее место и не исполнят ее работу.

Мы очень хорошо провели время за ланчем вместе с мадам де Зальцманн, Мишелем и Жозе. Мишель сказал наполовину в шутку, наполовину всерьез, что его мама так долго живет, потому что еще не исполнила то, что пришла исполнить. После ланча мы отправились с Мишелем в его офис. Он рассказывал о своей идее создать журнал для общества по Работе (Рабочая коммуна), или сангхи, как он говорил. Может, я напишу для журнала статью на тему «Будхи-йога Кришны и Работа»

* * *

На занятии в группе вместе с мадам де Зальцманн я отчетливо ощутил, что не подхожу к работе всерьез. Увидев себя с более объективной стороны, я понял, что часто берегу себя и нахожу всяческие оправдания.

Вчера вечером на занятии мадам де Зальцманн была в великолепной форме. Я на самом деле не помню, чтобы она говорила более убедительно и так долго. Потрясает уже тот факт, что занятие длилось целых два часа. Под конец я был совершенно измотан, и спина болела от попыток сидеть прямо. А она, почти вдвое меня старше, сидела словно изваяние. До этого у нее была часовая встреча. После нее, без сомнения, она приняла еще кого-то и потом в семь тридцать пришла к нам. По окончании занятия, почти два часа спустя, она попросила кого-то встретиться с ней один на один. Похоже, она вовсе не знает усталости. Едва ли можно сомневаться в том, что она ощущает связь с неисчерпаемым источником энергии, который питает и поддерживает ее.

Участники группы были на редкость склонны спорить и не соглашаться, но она не позволяла себе реагировать автоматически. Она вновь и вновь начинала сначала, всякий раз по-разному повторяла, как важны правильное положение тела, отсутствие напряжения, связь энергий ума и тела, ощущение тела и усиленное внимание.

Интересно наблюдать, как она ведет занятие в группе - точнее, как меняет энергетику

группы. Часто она взмахивает рукой, особенно правой, будто и впрямь дирижирует оркестром. Энергии – или, осмелюсь сказать, ангелы – движутся вверх и вниз в такт ее жестам. Она задает вопросы или говорит о высших энергиях и, что бы ни происходило, никогда и действует автоматически.

Похоже, мадам де Зальцманн ясно видит внутреннее состояние людей, напряжены ли они, присутствуют ли здесь и сейчас. Я сказал, что какая-то часть моей души никак не усвоит мысль, что я незаменим в огромной Вселенной или что моя работа необходима. По крайней мере так я могу оправдать свою лень. Она никак не прокомментировала это мое замечание, отделившись общей фразой. В каком-то смысле на самом деле неважно, что говорить и о чем спрашивать. Мадам де Зальцманн возвращается всегда к одной теме: как достичь связи с энергией, которая приходит свыше, и как не терять этой связи. Она сама являет это на своем примере, и можно увидеть, насколько она свободна, в первую очередь от отождествленностей и автоматических реакций. Эта связь – главное, к чему надо стремиться. Все остальное имеет подчиненное значение. Каждый раз, когда мадам де Зальцманн, казалось, хотела завершить встречу, кто-то высказывался или задавал вопрос, и она принималась отвечать, будто занятие только началось. Так продолжалось довольно долго. Наконец она предложила одному из самых пытливых провести с группой тихую работу. Мы поработали с ним несколько минут, потом она продолжила. Некоторое время спустя она обратила наше внимание на то, насколько понизился уровень энергии. Действительно, так и было. Она даже заставила сделать нас простые упражнения: поднять руку, потом другую, не теряя при этом связи с энергией свыше. В общем, она не жалела сил, и занятие прошло совершенно потрясающе. После этого, казалось бы, ей нужно побыть одной и отдохнуть. Но она еще пригласила к себе в кабинет того человека, которого просила провести тихую работу и который особенно много спорил и создавал трудности. Что она делает? Она безусловно требует от всех предельной отдачи. В каком-то смысле верно, что теперь мадам де Зальцманн не говорит ничего нового, но она все время олицетворяет своим примером то, о чем говорит. В ее высказываниях нет ничего принципиально новаторского, но она всегда неповторима, потому что связана с Творцом и слова ее исходят из Источника. Само ее присутствие питает душу. Рядом с ней можно ощутить на опыте то, о чем она говорила на встрече: «Энергия, которая приходит свыше, – это второе тело. Ее можно ощущать во всем теле».

Париж, апрель 1988

Необходима внутренняя свобода

За столь короткое время, что я пробыл в Париже, я получил куда больше, чем мог надеяться. Вчерашнее занятие мадам де Зальцманн вела с таким вдохновением. Она может не помнить, в какой стране находится или с какой группой занимается, но когда она говорит о Работе, в ней ощущается связь с иной энергией. Она предложила всем рассказать о своей работе. В какой-то момент она обратилась с этой просьбой напрямую ко мне. На занятии активнее всех с ней общались иностранцы, супружеская пара из Америки и мы с женой. Один или два человека высказывались по-французски; эти слова – такие, как «*de silence profond et subtil*» (глубокая и хрупкая тишина) – английскому уху кажутся роскошными драгоценностями.

После встречи один из французов даже поблагодарил нас за участие. «*Votre presence a vivifie Madam de Salzman. Vos questions et meme votre langue sont plus direct que les notre...*» (Ваше присутствие оживило мадам де Зальцманн. Ваши вопросы и даже ваш язык более конкретны, чем наши...) Возможно, он не понимает, что мы на английском не можем выразить те нюансы, которые передает французский язык; поэтому все, что мы говорим, с

неизбежностью конкретно и элементарно.

На занятии я снова затронул вопрос о том, почему, когда я работаю, энергия, сошедшая в тело, не поднимается обратно. Я довольно часто думаю над этим, поскольку мне почему-то это представляется важным. Она сказала, что более важно ощущать, что энергия спускается вдоль спины. Как всегда, она подчеркнула, что необходимо работать долго и по нескольку раз в день, и что тело должно быть совершенно расслаблено и в правильном положении, что нужно усилить внимание, и так далее. «Верхняя область головы должна быть открыта».

Мадам де Зальцманн говорила о моих «да» и «нет». Я знаю, что во мне все перемешано. Мне нужно все яснее видеть, каков я на самом деле.

* * *

Мой друг умирает от рака. Очевидно, что необходимо примириться с болезнью и смертью. Наверное, это и двигало Буддой в его исканиях. Любой из нас совершенно неожиданно и внезапно может перестать владеть телом или потерять жизнь. Как мало мы знаем! Господи, помилуй.

В воскресенье мадам де Зальцманн оперировали, ей удалили опухоль; уже во вторник она вышла на прогулку, а в среду пришла на медитацию. Она совершенно удивительная.

Я размышлял о необходимости жертвы и внутренней чистоты. Как во время медитации отпустить все лишнее: напряжение, мысли, автоматические реакции? Если грех бесполезен (как, по словам Успенского, говорил Гурджиев), как во время медитации быть чистым и безгрешным? Я помню, как Кришнамурти однажды сказал: «Всем существом прислушивайтесь, но ничего не делайте».

У меня нет никаких вопросов. Меня питает сама атмосфера Работы. Мне надо быть здесь, в Рабочей сангхе, дышать тем же воздухом, что и мои собратья по духовному поиску. Вот моя пища. Это так очевидно: нам просто нужна пища. Не требуется Узнавать что-то новое. Пища всегда примерно одна и та же: мы принимаем ее снова и снова. Действие повторяется; однако точно так же заниматься любовью нужно снова и снова. И то же самое действие, или то же самое принятие пищи, обновляет силы, если ты голоден и нуждаешься в еде. Кришна

никогда не состоял в браке. Мария вечно Дева. Мадам де Зальцманн говорит об одном и том же, но всегда по-новому.

Вчера я засыпал, и вдруг меня охватил страх: я боялся вдыхать, мне казалось, что я не смогу выдохнуть. Я вспомнил, что такой же внезапный страх охватил меня в прошлом году в Мадрасе.

Это страх смерти и того, что перед лицом смерти осознаешь бессмысленность своего существования. Я подумал о мадам де Зальцманн, о ее наставлениях об усилении внимания. Она говорила, что необходимо жить долго, потому что надо многое понять и совершить. И еще она говорила, что энергии различных уровней не умирают одновременно, потому что у них разные сроки жизни. Я подумал: а что во мне выживет? Я всего лишь оболочка, собрание костей, нервов и электрических стимулов? Неужели больше ничего нет?

Совесть моя была нечиста, я не слишком-то усердно работал и не стремился ощутить связь с бытием иного качества Похоже, в этом коренится страх не-бытия. Я понимаю, что нам нужно по-настоящему осознавать, что существуют более высокие энергии. Эти силы и

привели меня сюда, на этот вселенский праздник. Не я себя создал. Я понимаю, что нужно молиться с верой и отвернуться себя. Важно ощущать сам факт присутствия высшего рядом с нами, иначе приходится целиком полагаться на ресурсы низшего л, и в таком случае, естественно, есть чего бояться. Я вспомнил, как мадам де Зальцманн говорила, что во мне любви к своему истинному Я слишком мало, а к себе самому слишком много.

* * *

Очевидно, что мадам де Зальцманн воспримет твой вопрос лишь в том случае, если ты, задавая вопрос, совершаешь внутреннюю работу. На занятиях в группе, если только возможно, я сажусь прямо напротив нее. Мне это кажется самым разумным.

На групповых занятиях она снова и снова подчеркивает важность правильного положения тела и полного расслабления. Она много говорит о необходимости внутренней свободы и о том, как трудно ее достичь. С некоторыми учениками состоялось очень интересное общение. Она наблюдала за нашим состоянием и потом сообщала, пребываем ли мы в контакте с высшей энергией. Мне она сказала: «Я вижу, что вы много работали. Связь у вас есть, но ее нужно усиливать».

В какой-то момент, в ответ на ее слова «Вы так и работаете?» или «Именно так вы хотите работать?» я откликнулся: «Да!» Я хотел тем самым сказать (и это было понятно), что я желаю работать еще напряженнее.

Она заметила: «Не все из присутствующих желают так работать. Некоторые пришли сюда по другой причине».

Я подумал: кто же этот враг, кто препятствует серьезной работе? Несомненно, сопротивление одного человека может свести на нет усилия всей группы. Она видит желания и способности каждого человека и действует соответственно, без автоматических реакций. Как нам повезло, что она среди нас!

Я все яснее понимаю, что необходимо совершенно преобразиться – телом, мыслями, душой. Медитация и танцы могут создать для этого условия. Но по отдельности ничто не поможет.

Я спросил Мишеля де Зальцманна, как быть с низшим я, которое все время требует: «Мне, мне, мне!» – это явно ощущается даже во время тихой работы, когда не стремишься что-то получить или на чем-то настоять.

Он сказал: «Именно с этим нужно бороться. Низшее я – это древнейшая структура, которая с детства дает нам чувство защищенности. И на это тратится огромная часть усилий, в том числе и в Работе. Можно радоваться этому и получать удовлетворение. Но по мере того, как Я, или буддхи, становится просветленнее, человек ориентируется не столько на "себя", сколько на высшее Я. Тогда акцент перемещается с "я счастлив" на "Господь радуется". Через меня энергия совершает действие к радости Господа. В этом значении Kugie Eleison. Это не значит "Господи, помилуй", это скорее значит "Господи, радуйся". Тело – это арена, на которой сражаются силы мира и силы высшего Я (Господа)».

Мишель на медитации говорил очень ясно и убедительно. «Немедленно прекратите думать. Прекратите блуждать во времени, ощутите именно этот момент».

Потом он подчеркнул, что нужно прислушиваться к себе, повторяя: «я есть», «я желаю

быть», «я могу быть», – и войти в резонанс с внутренним откликом. «Низшее выходит вон по центральной оси, высшее свободно».

Париж, апрель 1988, Нью-Йорк, июнь и декабрь 1988

Как вы попросите Бога прикоснуться к вам?

Я написал мадам де Зальцманн заранее, прежде чем отправиться в Нью-Йорк, но я не хотел слишком предвосхищать встречу с ней. Я знаю, она чрезвычайно занята и работает со старшими учениками, которые ведут очень многих людей в различных группах. Однако я решил не быть пассивным, поэтому постарался связаться с ней в надежде, что она примет меня и я смогу побыть рядом с ней. Но в любом случае все будет так, как должно быть. В конце концов нужно позволить высшим силам проявить себя. Если все время просить, давить и настаивать, то все, что ко мне приходит, будет под контролем моего уровня и, следовательно, не будет выше, нежели я сам.

Нам действительно трудно принять тот простой факт, что, находясь на нашем обычном уровне, мы не знаем, что для нас благо. Даже если я понимаю это – особенно в те моменты, когда ощущаю свою уязвимость, – у меня нет силы исполнить то, что нужно. Важно научиться ждать, ни на что не рассчитывая и не навязывая свою волю, но не отказываясь от своих устремлений. Я помню, в Париже, когда я не мог дозвониться до мадам де Зальцманн, я тихо ждал в Мезоне и старался работать так хорошо, как только мог. Она проходила мимо и приглашала меня позаниматься с ней. Во многих случаях я даже не пытался встретиться с ней, потому что мне дали столько пищи, что я не чувствовал голода. Я просто сидел где-то в перерыве между танцами и медитацией, а мадам де Зальцманн проходила мимо и говорила что-то вроде «Почему вы не позвонили? Я искала вас. Пойдемте со мной!».

Я думаю, быть рядом с ней – это моя карма. Я не могу ничего с этим поделать. Однако были случаи, когда я не находил себе сил встретиться с ней еще раз или когда из-за каких-то организационных моментов не мог пойти с ней. Если я говорил, что у меня медитация или другое занятие, на котором надо быть, она никогда не возражала, но всегда настаивала, чтобы я зашел

к

ней, как только освобожусь. Точно также я не мог увидеться с ней, если она не хотела; равно я не мог избежать встречи с ней, если она желала меня видеть.

Этим утром я позвонил в Фонд, и мне сказали, что мадам де Зальцманн оставила мне сообщение с просьбой перезвонить ей, чтобы назначить время занятия. Мне показалось, что номер неверный. Когда кто-то взял трубку, я представился и спросил, не велела ли мадам де Зальцманн что-либо мне передать. Со мной говорила ее внучка, у которой и остановилась мадам де Зальцманн, но я позвонил туда по ошибке. Через несколько минут к телефону подошел Мишель, который только что прибыл из Парижа. Он не просто договорился с матерью о времени нашего занятия, но мы с ним еще условились встретиться на следующий день утром.

Это случайность? Без сомнения, где-то в нашем подсознании действуют силы, о которых мы не ведаем. Как мало мы знаем о том, что происходит на самом деле! Недаром мы порой говорим о карме, предначертании и судьбе.

* * *

Я пришел на занятие к мадам де Зальцманн.

– Вы хорошо выглядите, мадам!

– Я чувствую себя хорошо. Я старше, чем кажусь. Очень скоро мне будет больше ста лет.

– Вы бросили вызов Безжалостному Геропасу. Мне вполтину меньше лет. (Всеобщий Владыка Безжалостный Геропас - термин Гурджиева из «Рассказов Вельзевула своему внуку», указывающий на нечто высшее, по сравнению с дуальностью добра и зла; то, что мы ощущаем как «течение времен».)

– Я совсем не чувствую себя старой. Когда вижу двадцати- или тридцатилетних людей, я полагаю, что способна на все, что могут они. Конечно, порой я ощущаю, что старше, Но с возрастом также приходит что-то важное. То же было с мсье Гурджиевым. Он был стар, но никто не видел в нем недостатка энергии.

– Вы, наверное, проживете еще двадцать лет.

– Не знаю. Важно не то, сколько человек живет, а то, развивает ли он что-то, что может придать его жизни смысл. К чему вы стремитесь в жизни? Почему вы на Земле?

– Сколько я себя помню, я интересовался философией. Рассуждал об Истине и Боге. Но я не знаю ничего наверняка. Это как было, так и осталось абстракцией. Я ищу истинное знание. Я хочу прикоснуться к Богу.

– Или вы хотите, чтобы Бог прикоснулся к вам.

– Верно. Я хочу, чтобы Он прикоснулся ко мне.

– Если бы Бог был рядом с вами и не прикасался к вам, или, по крайней мере, вы думали бы, что Он не прикасается, как бы вы попросили Его прикоснуться к вам? Как бы вы открылись Ему?

– Что нужно принести в жертву? Как открыться? Я часто отчетливо понимаю, что надо быть открытым, надо работать. Но потом забываю. В глубине души я не чувствую потребности работать. Как всегда помнить об этом?

– Ваше тело вам нужно? Вы можете без него обойтись?

– Не знаю.

– Вы должны знать и понимать это как следует. Вам сейчас необходимо ваше тело. Через него вы можете осуществить связь с другими энергиями. Вам следует хорошо изучить свое тело и знать, на каких уровнях оно реагирует автоматически.

Почему вы работаете? Я очень хорошо вижу, что вы работаете и часто ощущаете связь. Но ненадолго. Тем не менее это очень хорошо. Вы способны многого достичь. Но для этого нужно работать. Сейчас в вас доминирует «Мне, мне, мне!». Иногда в вас говорит Бог. Иногда и Бог и эго в равной мере. Но потом снова главное «Мне, мне, мне!». Какова ваша связь с телом? Зачем вам дано тело?

– Я хочу познать себя, чтобы научиться служить тому, чему необходимо служить. Вот ответ, к которому я всегда прихожу, он для меня самый истинный. Но я все время забываю

об этом и не могу избавиться от смутной тревоги. Словно чего-то мне не хватает, но я не знаю, чего.

– Что вы из себя представляете? Кто вы? – сказала она веско, ее слова и взгляд поразили меня как удар молнии.

После некоторого колебания я тихо сказал:

– Я тот, кто ищет Бога.

– Я очень хорошо вижу, что вы знаете, как работать. Но работать нужно упорнее. Поработайте так два или три дня и приходите ко мне снова.

– Я очень хотел бы, но еще очень много людей желают встретиться с вами.

– Я не принимаю многих. Я принимаю тех, кого желаю принять. Нам с вами важно встретиться. Дело не во многих людях. Это игра сил. – Она говорила все более веско. – Работайте и позвоните мне. Когда пожелаете, я буду с вами.

У меня возникло отчетливое ощущение, что она говорила не о том, чтобы быть со мной непременно физически. Словно она со мной просталась.

– Работайте так два или три дня и приходите ко мне. Или я позвоню вам. Сколько вам уже лет?

– Пятьдесят.

– Это хорошо. Вы молоды. Вы можете многого достичь.

Когда мне пришла пора уходить, мадам де Зальцманн настояла на том, чтобы встать с дивана и проводить меня до лифта. Пока я не вошел в лифт, она стояла в дверях. Она сказала: «Не забудьте. Приходите ко мне в ближайшее время».

Я вышел на улицу, и у меня в ушах все еще звучал ее вопрос:

«Если бы Бог был рядом с вами и не прикасался к вам, или, по крайней мере, вы думали бы, что Он не прикасается, как бы вы попросили Его прикоснуться к вам? Как бы вы открылись Ему?»

Нью-Йорк, декабрь 1988

Почему вы не работаете?

Я встретил доктора Диркана Дервикьяна в Париже во время работы в Мезоне. Он по национальности армянин и несколько лет жил в Египте, где выучил арабский. Его увлекает мусульманская эзотерическая традиция, с которой он познакомился в Египте. По его словам, эта традиция достигла расцвета, соприкоснувшись с коптским христианством. Мы понравились друг другу сразу, и хотя он гораздо старше меня, мы стали большими друзьями. Мы часто встречались, в частности, когда я один приезжал в Париж, и подолгу говорили о Работе.

Когда я познакомился с Дикраном, в 1980 году он был весьма известным биохимиком и только что оставил пост в Институте Пастера, где проработал около двадцати лет. Мы часто

обсуждали философию, лежащую в основе всей современной науки, и почти сразу сошлись на том, что наука дисциплинирует разум, но не питает душу. Дикран, особенно после того, как отошел от дел, желал посвятить большую часть времени чтению и размышлениям о духовных вопросах. Мы много беседовали о практике духовной жизни и особенно о том, чему в этом отношении учит Работа. Он участвовал в Работе около тридцати лет и считал это самым главным в своей жизни.

Мы с ним часто говорили о том, как нам повезло, что мы познакомились с Учением, и как бы мы жили, если бы не Работа. Однажды, когда мы снова затронули эту тему, Дикран вдруг опечалился. Он рассказал мне о случае, который произошел днем раньше:

«Я пришел на занятие к мадам де Зальцманн, которая относится ко мне очень хорошо. В какой-то момент я упомяну о том, что мы постоянно обсуждаем, а именно: как мне повезло, что я участвую в Работе. Я рассказал, как и когда я познакомился с Учением, с кем работал, в каких группах и с кем работаю теперь. Я долго говорил о своей работе за последние тридцать лет и потом снова повторил, как я благодарен и ей, и Работе и что без Работы моя жизнь не имела бы смысла.

Вдруг она посмотрела на меня пронизательным взглядом, в котором одновременно читались и глубочайшее разочарование, и надежда. Ее слова поразили меня до глубины души и лишили меня покоя. Она сказала: "Если вам так повезло, что вы нашли Работу, и вы говорите, что благодарны, почему же вы не работаете?"

Я участвую в Работе тридцать лет, но я осознал, что по-настоящему не работал – в том смысле, какой теперь я понимаю под словом "работа".

У него в глазах стояли слезы. Его, очевидно, глубоко поразили ее слова.

Я уехал из Парижа через несколько дней. Вскоре я узнал, что мой друг умер. Я был уверен, что он избежал мучений в аду и утешается радостями рая. Но я не знаю, исполнилось ли его самое глубокое желание, которое он начал осознавать лишь ближе к концу жизни. Он хотел взять на себя ответственность за свою жизнь и уменьшить печаль Того, Кого ничто не вместит. Я подумал, достанет ли ему мужества и веры в провидение, чтобы отказаться от радостей рая и просить о пребывании в чистилище, где бы он мог поработать и научиться брать на себя ответственность.

Дикран часто говорил об этом буквально теми же самыми словами. Я задумался, а будет ли у меня возможность выбора. Что бы я предпочел: рай или чистилище?

Париж, 1989

То, что не умирает

Сейчас, в сороковую годовщину со дня смерти Гурджиева, я снова задумался над словами мадам де Зальцманн о том, что если мы не умираем преднамеренно, мы не можем жить преднамеренно. Что это значит? Что еще важнее: как жить в соответствии с этими словами? Едва ли их можно рационально понять или проанализировать. Кроме того, через опыт умирания нужно проходить в тихой работе.

* * *

Я приехал вчера в Нью-Йорк, совершая свое ежегодное паломничество. За истекший год мадам де Зальцманн, казалось, сильно постарела; ей почти сто один год. И все-таки на

встрече старших учеников она говорила с большой силой. Она много раз повторяла, как сложно осуществить связь с высшей энергией. Через работу, особенно вместе с другими, на несколько кратких мгновений можно установить эту связь. И тогда откроется, что нужно делать. Эта связь необходима, даже недолгая, она очень нужна.

Я сказал, что иногда сам удивляюсь тому, что говорю в группах и даже в университетах на публичных лекциях. Когда я работаю в одиночку, я всегда мешаю сам себе, мое эго и напряжение в теле постоянно создают препятствия. Но я могу стать проводником более чистой энергии, если мною кто-то руководит или задает мне вопрос и просит о помощи. Я еще не закончил высказываться, когда она вдруг велела: «Замрите!» Ее слова обладают особой силой. Моя правая рука была поднята. Я постарался не двигаться и удержать то же положение тела, жест, осанку, как в упражнении «замри».

Она напрямую указала мне, что делать. Впечатление это на меня произвело очень сильное и глубокое.

Одна из самых удивительных черт мадам де Зальцманн состоит в том, что рядом с ней можно отчетливо сознавать свое ничтожество и страдать от этого, но не чувствовать себя при этом ущербным. Когда она показывает нам наше ничтожество, в этом нет ничего личного. Она помогает

увидеть и преодолеть человеческое. В ее присутствии всегда ощущаешь, что есть надежда, и тебя увлекает возможность предпринять что-то серьезное и достойное истинного человека.

Помимо Нью-Йорка он мог бы посетить Питерец.Ru

* * *

Когда я пришел на занятие к мадам де Зальцманн, она была глубоко погружена в свои мысли. Ее всегда отличало напряженное и пронизательное внимание, но теперь все было иначе. Она спросила у меня, играю ли я на пианино. Я ответил, что нет. Она удивилась и сказала: «Вы раньше что-то делали, и я встречалась с вами очень часто». Я напомнил ей, что в прошлом мы действительно часто работали вместе и иногда говорили о Кришнамурти.

Я снова спросил ее о том, о чем спрашивал на занятии в группе. Видимо, я становлюсь проводником более чистой энергии, когда являюсь учеником или учителем, но мне трудно транслировать эту энергию самому по себе. Мне нужен наставник или подопечный, чтобы открыться чему-то высшему Она сказала: «Мне это очень знакомо».

И снова она погрузилась в себя. Некоторое время спустя она сказала: "Parlez d'autres choses", "Поговорите о другом".

Я спросил: «Вы ощущаете, что по ту сторону смерти?» Мне пришлось перевести вопрос на французский, тогда она его поняла.

«Да, конечно, очень отчетливо». Но больше ничего не сказала на эту тему Немного погодя она произнесла: «Я бываю в разных состояниях, очень высоких, и это позволяет мне видеть многое».

Вдруг она спросила: «Чего вы желаете? Что нам делать?». Я ответил: « Нужно служить чему-то высшему».

« Пользоваться чем-то или служить чему-то?» - спросила она. « Служить чему-то. Но я

вижу трудность. У меня нет знания или постоянного внимания».

Уходя, я взял обе ее руки в свои. Она сидела на диване я встал перед ней на колени, держа ее за руки, сложив руки перед собой, словно в индийском жесте приветствия. Я сказал: «Мне кажется, что я в Индии», – и в моем мозгу промелькнула мысль, что мне следует коснуться ее стоп, как это принято в Индии. Она в ответ очень тепло улыбнулась.

* * *

В другой раз, когда я приехал на встречу с мадам де Зальцманн, она смотрела фильм о танцах. Экранная версия фильма была уменьшена до размера видео, и от этого изображение стало вытянутым. Я сел и посмотрел остаток фильма вместе с ней. Когда картина закончилась, она сказала: «Это было по-другому. Совсем по-другому».

Я поинтересовался, понимали ли на самом деле те, кто работал с ней над танцами, как и для чего надо выполнять движения. Она сказала: «Они не понимают, как трудно исполнять танцы правильно».

Я спросил, довольна ли она последним фильмом. «Я не могу сказать, что довольна». Затем она замолчала и на какое-то время задумалась.

Я спросил у нее, есть ли что-то, что продолжается после смерти. «Бывает по-разному. Не для всех. Но если работать, можно развить в себе то, что не умрет после смерти тела». И снова она замолчала и ушла в себя.

Немного погодя она спросила у меня: «Что вы делаете? Как работаете? Что вас интересует?»

Я сказал, что пытаюсь достичь гармонии между умом и телом, и что иногда у меня возникает сильное ощущение в области спины. Но в общем мне не удается установить достаточно прочную связь. «Мне нужно знание твердое и существенное, что-то, к чему я могу прикоснуться, что могу ощутить на вкус, напитаться. Не ментальное знание».

Эти слова вызвали у мадам де Зальцманн интерес, и какое-то время мы по-настоящему общались. Потом она повторила, что необходимо понимать, насколько трудно по-настоящему работать. Затем она спросила: «Что вас интересует в жизни?»

Я ответил, что меня интересуют священные слова (я употребил выражение «les mots sacre»), потому что не был уверен, что правильно помню, как по-французски «писания»), такие как Евангелие и Бхагавадгита. Я сказал, что они порой находят во мне глубокий отклик. «Я это хорошо понимаю», – произнесла она.

Она не торопила меня уйти, но где-то час спустя я решил, что пора. Когда я поднялся, чтобы попрощаться, она спросила, куда я уйду и надолго ли. Я ответил, что надолго. Она настояла на том, чтобы встать с дивана и проводить меня до лифта. Она повторила не один раз, что нам необходимо встретиться. «Я надеюсь, мы увидимся вскоре опять. Необходимо быть вместе. Когда я увижу вас снова?» Я сказал: «Возможно, через несколько месяцев в Париже». «О, это очень скоро. Может, будет уже поздно. Приезжайте раньше. У меня тут многое, – она указала на свою голову, – о чем я должна рассказать вам».

Приехал лифт, и она помахала мне рукой. «Спасибо! До свидания, мсье». Я тоже сказал: «Au revoir», – и был рад, что двери лифта закрылись, потому что у меня в глазах

стояли слезы. Мы, видимо, стали одной семьей. На вид хрупкая женщина, но исполненная внутренней силы, говорит мне «спасибо» и машет Рукой на прощание – этот образ запечатлелся в моем сердце.

Я ощутил глубокую благодарность к ней и к Работе. Впервые я понял слова святого Павла: «Это необходимая обязанность моя, и горе мне, если не благовествую!» После встречи с мадам де Зальцманн и после того, что вы были ее учеником, У вас нет выбора: вы обязаны работать.

Галифакс, октябрь 1989 Нью-Йорк, декабрь 1989

Эволюция высшей энергии

Мадам де Зальцманн серьезно больна, и на Мишеля и Жозе свалилась гора забот. Мадам де Дампьер сказала, что сейчас не время для личных встреч. Видимо, мадам де Зальцманн не может говорить. После нашей прошлогодней встречи в декабре в Нью-Йорке я был почти уверен, что занятий с мадам де Зальцманн у меня больше не будет. Мне ясно запомнилось, как она машет мне на прощание, просит вскоре приехать и увидеться с ней, указывает на свою голову и говорит, что она многим хотела бы со мной поделиться.

Группа мадам де Зальцманн, в которой я раньше занимался, собралась сегодня вечером, и мы тихо работали на протяжении сорока пяти минут. Потом все разошлись. Мне кажется, это очень интересно и трогательно; уровень группы очень вырос. Я все время думаю, что я могу сделать для мадам де Зальцманн. Я решил спросить, можно ли просто посидеть рядом с ней, держа ее за руку.

* * *

Во время работы в воскресенье в Мезоне меня попросили про посмотреть подборку материалов, которую подготовила калифорнийская группа для «Аннотированной библиографии Гурджиева». Там были очень любопытные материалы, в частности фотографии, сделанные в двадцатые годы. Оказывается, в ноябре 1915 года в «Голосе Москвы» вышла статья, в которой упоминалась мистерия «Битва магов» индийского драматурга Г. Гурджиева! А Гартман, как выясняется, был композитором и дирижером оперы на сюжет Рабиндраната Тагора «Король темной комнаты» (в индийской газете много лет назад это называли «Король темной палаты»).

Я написал записку Мишелю, в которой говорилось, что я хотел бы попрощаться с мадам де Зальцманн. Даже не прочитав мою записку, он сказал: «Вы, разумеется, должны ее увидеть. Это важно». Он, похоже, не сомневается, что конец близок. Она вот-вот уйдет, вряд ли переживет этот год. Он говорил о том, что в Работе завершается эпоха; первая эпоха миновала со смертью Гурджиева, вторая завершится с уходом его матери. В четыре часа я приехал в дом де Зальцманнов, чтобы повидать ее. В доме ощущалась атмосфера прощания, суровое и глубокое переживание великого перехода.

Из смежной комнаты я слышал, как Мишель объявил мадам де Зальцманн мое имя. Конечно, она его не вспомнила. Он повторил мое имя несколько раз и добавил: «Индус». Я не разобрал, что она ответила. В любом случае он пригласил меня войти и попросил говорить громко, потому что она плохо слышит. Я вошел, сложив руки а l'Indien. Она спросила по-французски: «Как вы поживаете?» Мишель сказал ей, что со мной лучше говорить по-английски. Я запротестовал и уверил ее, что она может говорить по-французски. Мишель вышел из комнаты и оставил нас наедине.

Мадам де Зальцманн сказала с улыбкой, что она может говорить по-английски. Но потом продолжила по-французски: «Я могу говорить по-английски». Она снова спросила, как я поживаю. Я ответил: «Я в порядке, но, похоже, вам тяжело». Она согласилась.

Я напомнил ей, что когда мы в последний раз виделись в Нью-Йорке, она сказала, указывая на свою голову: «У меня тут много всего, о чем я хотела бы вам рассказать».

Очевидно, ее мучила боль. Когда случался приступ, ее лицо искажалось, словно маска, но ее истинное существо оставалось умиротворенным. Что-то во мне сожалело, что я увидел ее в таком состоянии, но нужно знать и понимать законы, которым подчиняется тело. Все великие духовные традиции говорят о том, что человек на самом деле больше, чем его тело. В этом источник нашей надежды, и это отчетливо ощущалось рядом с мадам де Зальцманн. Она сама часто повторяла: «Тело должно служить чему-то высшему, иначе в нем нет смысла. Оно не может служить только себе. Телу суждено погибнуть но оно может послужить чему-то еще».

Я вспомнил, что она сказала несколько лет назад: «Существует энергия, которая ищет выхода. Поэтому она приходит в тело. Если человек работает и помогает этой энергии воплотиться, после смерти эта энергия уходит на более высокий уровень бытия. У энергии разных уровней разные сроки жизни. Энергия высшего уровня не умирает со смертью на низшем уровне. Высшая энергия пребывает в теле, но ее источник – вне тела».

Вне всякого сомнения, в ней произошла великая эволюция высшей энергии. Кто знает, куда теперь лежит ее путь. Наверное, она будет одной из «Поддерживающих-все-части-света» Господь да благословит ее!

Когда пришло время уходить, я сказал: «Разрешите попрощаться и попросить вашего благословения». Она улыбнулась и взяла меня за руку. Я ушел со слезами на глазах. Ей пора покинуть нас, так и должно быть, но мне все равно будет не хватать ее. Нельзя не восклицать вместе с Давидом Псалмопевцем: «Кто есть человек, что Ты помнишь его?»

* * *

На следующее утро, когда я проснулся, безо всякой видимой причины в моей памяти всплыли слова ведического мудреца Уддалки; он спрашивал своего сына Шветакету Арунейя: «Теперь, когда ты сведущ во многих науках и так гордишься собой, сумеешь ли ты услышать то, что вынести невозможно? И увидеть то, что нельзя увидеть?»

В глубине моей души что-то откликнулось словами Ригведы: «Многих рассветов еще не знавала земля».

Париж, апрель
1990

Многих рассветов еще не знавала земля

Мадам де Дампьер сказала мне: «Очень немногие, может, всего два или три человека, полностью восприняли то, что пыталась донести мадам де Зальцманн, и мало кто понимает, какой это труд. Для меня единственная причина, по которой я не бросаю внутреннюю работу, – сознание того факта, что я делаю недостаточно, что этого все еще мало. Нужно продолжать бороться с телом, ограничивать его, поститься и так далее». Потом она добавила: «Несомненно, мадам де Зальцманн отдала вам очень много сил. Когда вы приехали в самый первый раз, она просила меня уделить вам особое внимание».

Совершенно очевидно, что Вселенная существует не ради меня одного, равно как и Работа Гурджиева. В той мере, в какой Работа служит чему-то объективному и истинному, она может увлечь меня лишь наукой служения чему-то объективному и истинному. Если окажется, что Работа служит эгоистическим целям, достижению удовольствий или деловой выгоды, значит, учителя, посвятившие себя Работе, не исполнили своего предназначения, значит, я сам не исполнил его, по крайней мере в этом воплощении. Почему такой удивительный человек, как мадам де Зальцманн, тратил на меня время и силы? Ради собственного удовольствия? Ради моего? Мне нужно помнить, какова участь куриц, которые перестают откладывать яйца.

Я многим обязан Учению Гурджиева. Как отдать этот долг? Как служить настоящему? В первую очередь нужно работать и стремиться к главному, а именно – к тому, чтобы в нас обитал Дух. У каждого человека в жизни наступает момент, когда он должен суметь признаться себе: «Я больше не ищущу славы, денег или удовольствий; у меня есть то, что мне нужно». Нужно все время спрашивать себя: «Что именно я должен делать, чтобы это воплощение не было потрачено впустую?»

* * *

У Мишеля гора забот, и все-таки он пригласил меня на ланч. Похоже, что нас с Мишелем сводит судьба, нам необходимо встречаться, и почти всегда возникает чувство глубины общения. Когда мы встретились, я сказал ему, что теперь все взоры обращены на него. Это вряд ли для него новость. Он очень хорошо с этим справляется, в нем нет ни капли тщеславия, и он совершенно открыт. Он сказал: «Я не веду ни одну группу, потому что у меня нет своей». Я уверен, что отчасти он имел в виду, что ему надлежит следовать в Работе желаниям и наставлениям своего учителя – матери, и поэтому у него нет своей группы. Разумеется, ему надо найти свой стиль, собственные слова и выделить то главное, на что следует направить усилия, хотя суть Работы при этом не меняется. Так же было и с мадам де Зальцманн: она была по-настоящему оригинальна, никого не копировала, но и не привносила ничего только от себя.

Мишель сказал, что Калиюга (нынешняя эра, согласно индийской космологии последняя из четырех и самая худшая) и подобные понятия отражают скрытую и непреложную реальность. Он также заметил, что истинный учитель – это тот, кто способен поклониться чему-то высшему. Лишь тогда учитель внушает к себе уважение.

Потом он сказал: «Я не могу вспомнить случая, чтобы человек под влиянием Работы так преобразался, чтобы это распространялось и на обычную жизнь. Человек преобразается лишь ненадолго, на время медитации, но это состояние в обычной жизни утрачивается». Я не был уверен, что до конца понимаю, о чем он говорит, но в его голосе слышалась горечь и большая печаль. Без сомнения, он вынужден приносить большую уайна. Это непросто. Я ощутил к нему прилив дружеских чувств и тепла. Я подарил ему экземпляр своей книги, которая недавно вышла, и сделал в ней надпись в таком духе. Я сказал ему, что понимаю, как тяжело ему придется, и что всеми силами готов помочь. Он ответил: «У меня такое чувство, будто мы братья». Я уверен: духовное родство важнее и прочнее кровного.

* * *

Во время медитации в Мезоне я испытал неожиданно сильные ощущения; в области над головой я отчетливо ощущал чье-то присутствие, оно почти давило, и все же в теле была легкость. После медитации Мишель сообщил новости о мадам де Зальцманн. Он особенно

подчеркнул то, о чем мы с ним говорили у него дома несколько лет назад: что мы все члены семьи мадам де Зальцманн. Он сказал: «Я хочу передать вам новости лично. У нее рак мочевого пузыря, ее оперировали два года назад в Нью-Йорке, но опухоль распространяется. Недавно ее снова оперировали, в основном для того, чтобы облегчить боль. Она уже дома, и, может быть, осенью она сможет встретиться с некоторыми группами. Однажды она сказала с таким сожалением, будто между нами река, а она на другом берегу, что ей хотелось бы работать с нами». Потом он стал говорить о чем-то другом. Он не терял самообладания, просто спокойно излагал все как есть.

* * *

Мне пора уезжать из Парижа. Мадам де Зальцманн умирает. Для Работы заканчивается эра. Нет сомнения, что придет новый рассвет. Почти наверняка Мишель станет ярким светилом, но время покажет, какие новые звезды взойдут на небосклоне. И для меня лично целая эпоха подходит к концу. Единственные, кого я могу назвать учителями, – это Кришнамурти, мадам де Зальцманн и миссис Уэлч. Кришнамурти умер несколько лет назад, мадам де Зальцманн уже недолго оставаться с нами, а миссис Уэлч перестала быть моим учителем в начале восьмидесятых: когда я начал работать с мадам де Зальцманн, она решила стать старшим советником и коллегой. В разных концах света у меня есть товарищи и ученики. Как много надо сделать, как мало мы понимаем. Господи, помилуй.

* * *

Вчера мадам де Зальцманн умерла. Ее эпоха завершилась. Представители старшего поколения уходят один за другим. Учителя помогают нам ощутить связь с источником, помогают задавать вопросы и находить на них ответы. Как по-настоящему принять эстафету?

Получив известие о ее смерти, мы с женой долго сидели в тишине. Меня охватили неодолимые чувства, и я разрыдался. Вскоре нужно будет уладить много дел, многим позвонить. Я колебался, стоит ли ехать в Париж, чтобы проводить мадам де Зальцманн в последний путь. Я вернулся из Парижа всего восемь дней назад и устал от переездов, к тому же придется потратить немало денег. Но я не могу не поехать. Мадам де Зальцманн была моим учителем, особенно последние десять лет. Она была неизменно добра ко мне, щедро дарила свое время, силы и внимание. Я обязан ей всем своим пониманием Работы. Я должен посвятить себя тому, чему посвятила себя она. Мне нужно ехать в Париж. Тем более, что ни Уэлчи, ни кто-то из их группы не смогут быть там.

В Галифаксе в Доме Работы с шести вечера до полуночи прошло необычное собрание, в котором чередовались медитация, чтения, танцы и музыка. Разные люди, которые знали мадам де Зальцманн, рассказывали о своем опыте общения с ней. Работа всем пошла на пользу, она дала нам ясность чувств: мы собрались не для того, чтобы сожалеть или горевать, а чтобы выразить благодарность и снова ощутить связь с той силой, которая призвала нас. Весь вечер был необычайно тихим и полным глубоких переживаний.

Поздно вечером я позвонил Уэлчам. Я чувствовал, что им нужна поддержка – может, больше, чем любому из нас. В конце концов мы по-прежнему можем звонить им и обращаться за советом. А они кому теперь могут позвонить? Кто теперь их на ставник? Или к кому им обратиться за советом? Я чувствовал, что должен позаботиться о них. Я прочитал им отрывок из дневника – запись, сделанную в декабре 1988-го, о том, как мадам де Зальцманн спросила: «Если бы Бог был рядом с вами и не прикасался к вам, или, по крайней мере, вы думали бы, что Он не прикасается, как бы вы попросили Его прикоснуться к вам? Как бы вы открылись Ему?» Они были глубоко тронуты.

Я проснулся сегодня утром, и в ушах у меня звучал голос мадам де Зальцманн; она произнесла слова, которых я ни разу не слышал от нее при жизни: «Я вижу, что человек – это часть Вселенной, и Вселенная часть человека».

Кто знает, в каком мире, в каком облике она будет теперь работать. Я снова вспомнил полные веры слова Ригведы, вселяющие истинную надежду и напоминающие мне о столь многих речах мадам де Зальцманн: «Многих рассветов еще не знавала земля».

* * *

Я только что вернулся с церемонии прощания с телом мадам де Зальцманн. Когда я вошел в комнату, то инстинктивно приложил руки к груди, приветствуя ее по-индийски. В торжественные моменты, наверное, во мне всплывает то, что было заложено в детстве в Индии. Присутствие мадам де Зальцманн ощущалось невероятным образом даже после смерти. Казалось, она вот-вот заговорит. Мне то и дело чудилось, что я уловил движение ее губ.

Пока я сидел возле ее гроба, в голове пронеслось много мыслей. Я вспомнил о связанных с ней событиях в моей жизни. Как мы встретились в первый раз, как я опоздал, а она сказала: «Важно не поддаваться импульсивной реакции». И потом, как она говорила: «Вы пытались помочь?»; «Не может быть, чтобы кто-то был бесполезным»; «Вы похожи на меня в молодости, та же решительность и надменность». Я вспомнил, как посещал с ней квартиру Гурджиева, и как она настояла на том, чтобы я записал ее номер телефона в Англии, чтобы мог связаться с ней, когда она будет в отъезде, и так далее. Столько озарений, столько глубоких переживаний связаны с ней, с нашими встречами. Теперь я здесь, чтобы проститься.

Примерно через час я вышел из комнаты и несколько минут говорил с Мишелем. Он предложил мне кофе; я сообщил ему, что доктор Уэлч просил рассказать о работе групп в Нью-Йорке, Торонто, Галифаксе и других местах, и объяснил, почему Уэлчи не смогли приехать. Мишель был явно рад, что я приехал. Он спросил, был ли я на групповом занятии в Мезоне две недели назад, когда он говорил, что мы все – семья мадам де Зальцманн. Он сказал, что в последние два месяца мало спал. Однажды он встал ночью, чтобы встретить сына в аэропорту, и упал на пол от головокружения. Разумеется, он стремится одержать победу над своим телом, и это ему непременно удастся.

Я сказал Мишелю, что, сидя возле мадам де Зальцманн, я неожиданно подумал: в ее лице я встретил лучшее, что было на Западе, и теперь могу вернуться в Индию. Странно!

Он решил, что мой сон говорит о том, что мир един, но в нем действуют различные силы. Но, может, я толком не разобрал его слов. В любом случае, не знаю, что он имел в виду.

Прежде чем уйти, я снова вернулся к мадам де Зальцманн. В этот раз я сел с другой стороны, которая была лучше освещена. Я сидел там полчаса или около того. Я поблагодарил мадам де Зальцманн от имени Уэлчей, моей жены и нашей группы и попрощался за всех нас. В комнате невероятным образом ощущалось ее присутствие. У нее было строгое выражение лица, но к себе она была не менее требовательна, чем к другим. Казалось, она вот-вот заговорит. На занятиях в группах я уверял себя, что она не откажется ответить на мой вопрос, если я, задав его, буду улыбаться. Я подумал: сработает ли эта штука теперь? Я улыбнулся, больше в душе, чем внешне и ощутил, что она улыбнулась в ответ и сказала: «Да!»

* * *

Я только что вернулся со службы в русской церкви святого Александра Невского в Париже, на рю Дарю, 12. Вряд ли следовало ожидать чего-то особенного от торжества с участием около двухсот пятидесяти человек. Собрались в основном французы и англичане, было несколько американцев. Атмосфера была тихая и торжественная. Но ложкой дегтя оказались безразличие и черствость служителей, которые заведовали организацией. В частности, после того как служба завершилась, когда все выстроились в очередь к гробу, чтобы попрощаться с телом, деятельный служитель все время смотрел на часы и пытался поторопить людей. Я понимаю, что потом должны были состояться другие похороны, но суета и просьбы поторапливаться были очень не к месту.

Я подумал, как следовало бы подобающим образом отметить это событие – великий переход мадам де Зальцманн в иной мир. Можно было собраться в Мезоне, устроить прощальный вечер с чтениями, танцами и музыкой – по крайней мере для тех, кто близко ее знал и кто с ней работал. Это могло бы стать поводом для напряженной внутренней работы – во всех видах Работы. Я не сомневаюсь, что мадам де Зальцманн одобрила бы это. Потом, ради публики, можно было бы устроить службу в церкви. Нелегко разобраться, что на самом деле нужно, правильно и полезно, сохраняя творческое равновесие на всех уровнях и ступенях, на которых действует личность, подобная мадам де Зальцманн.

На улице, когда мы вышли из церкви, Мишель обнял меня. Я с глубоким сочувствием сказал ему: «Господь да благословит вас!» На его плечи легло такое бремя.

Одна эпоха теперь закончилась, возможно – для мира, несомненно – для Работы и для меня лично. Каким замечательным учителем была мадам де Зальцманн! Все, кто соприкасался с ней, ощущали особую благодать. Она была подобна горам, в которых отзывалось лишь эхо истинного поиска связи с высшей энергией. В то же время у нее было безгранично щедрое сердце. Всякий, кто был ее учеником, помнит ее беспристрастный пронизывающий взгляд и читавшийся в нем настойчивый призыв. Не ответить на этот призыв значило прожить свою жизнь впустую.

Господь да благословит вас, мадам де Зальцманн, где бы вы теперь ни работали!

Париж, май 1990, Галифакс, май 1990

Эпилог

После смерти мадам де Зальцманн я долго переживал горечь утраты и был безучастен ко всему, словно умерла моя возлюбленная. Потом я ощутил сильную потребность упорядочить те факты, которые усвоил из ее наставлений, – в том смысле, в каком она говорила: «То, что вы знаете на опыте, – это факт».

Возможно отчасти из-за того, что мои корни в Индии – а в индийской культуре общение с живым учителем и его наставления считаются гораздо более важными, чем любая книга, установление или доктрина, – для меня сущность Работы более всего воплощена в личности мадам де Зальцманн и в куда меньшей степени – в какой-либо из идей или практик. Сам Гурджиев олицетворял сущность Работы для тех, для кого он был учителем. Несмотря на общественную направленность всеохватной, выдающейся системы идей, музыки священных танцев, связанных с учением Гурджиева, Работа – это в основе своей эзотерическая и устная традиция. Основное учение передается от учителя ученику. Смысл и практика Работы при непосредственном общении передаются от тех, кто ясно все понимает и

испытывает сострадание к людям, тем, кто желает осознать возможности человека и его ответственность.

Конечно, каждый достойный учитель является также и учеником, желающим слушать и слушаться велений свыше. Лишь такой человек может что-то проповедовать и вселять надежду, не вызывая автоматических реакций низшего я или слепого идолопоклонства. Также верно, что в строгом смысле не существует духовной родословной или инициации, которая дается одним человеком другому. Всякая истинная инициация исходит от высшего Я. Учителя просто указывают путь. В духе Истины нет различия между учителем и учеником. Даже столь великий учитель, как Иисус Христос, не желал утверждать за собой особый статус и говорил: «Отчего зовешь меня благим? Никто не благ, лишь один Господь».

Должно быть, верны слова Евангелия о том, что с тех, кому много дано, много и спросится. Без сомнения, мне было много дано, и порой я ясно ощущаю, что нужно отдавать долг. Как говорила мадам де Зальцманн, истинная плата – только работа. Совесть мне напоминает, что я мало работаю. Но нужно начинать снова и снова. Я спросил однажды у мадам де Зальцманн, как посвятить себя Работе, отринув страх. Она сказала: «Истинный страх – это когда мы боимся, что не сумеем». Я хочу оправдать свое существование; когда ты не можешь отдать долги – это пугает. Но необходимо признавать ужас своего положения, чтобы начать работать, и быть, и суметь.

Как и всем, когда-нибудь мне предстоит отчитаться за свою жизнь. Для меня ясное объективное сознание, взгляд сверху воплощен в личности мадам де Зальцманн. В конце моих дней, в то время, когда придется держать ответ, я не думаю, что мадам де Зальцманн спросит меня, добился ли я успеха в том, что предпринял во имя Работы. Она скорее всего просто спросит: «Вы пытались помочь?»

Во многих случаях, особенно в тихой работе, я чувствовал сильное присутствие мадам де Зальцманн, внутри меня и рядом. Ее взгляд всегда был одновременно строгим и сострадательным, требовательным и ободряющим. В такие моменты мне было совершенно ясно, что Работа нужна объективно. Это не ее работа или моя. Это некая объективная необходимость, без нее наш мир не сможет существовать. Сердце Работы – это постоянное жертвование узколичным ради Истинного. Лишь эта жертва делает возможным обмен энергией между уровнями. И, конечно, служение высшему делает осмысленной жертву личных интересов. Мудрец в Ригведе правильно сказал, что ягья («жертва» равно как и «обмен между уровнями») – это пуп Вселенной.

Весь космос непрестанно участвует в ягье. Священная работа, которая на языке алхимии, как и в Учении Гурджиева, просто называется Работой, необходима для того, чтобы получать энергию свыше и поддерживать жизнь космоса – как на уровне отдельного человека, так и на уровне Вселенной. Но этому непрестанно мешают силы забвения и разрушения. Человек все время уклоняется от свободы работать, ибо нет истинной свободы вне связи с высшей энергией; и человек снова становится рабом страха и тщеславия. Нужно постоянно помнить себя, вновь обретать связь с Истиной, чтобы исполнить предназначение, ради которого мы воплотились на Земле.

Мадам де Зальцманн говорила: «У человека особая роль, которую другие создания не могут исполнить. Он способен служить Земле в качестве проводника неких высших энергий. Без этого Земля не сможет гармонично существовать. Но человек, таков как он есть от природы, не завершен. Чтобы исполнить свое истинное предназначение, человек должен развиваться. Какая-то часть в нас самих не удовлетворена нашей жизнью. Через религиозные или духовные традиции мы можем узнать, чего именно нам не хватает».

Как нам, людям, исполнить свою роль, свое особое предназначение во Вселенной?

www.e-puzzle.ru